

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (10)

Academic Journal

Series:
History. Philology. Cultural Studies.
Oriental Studies

Moscow
2016

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (10)

Научный журнал

Серия
«История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

Москва
2016

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вуппертала, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглесонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС), Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неключов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: А.А. Киличенков, д-р ист. н., доц. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

<i>И.Н. Мамкина</i> Формирование системы общего образования в Якутской области в XIX – начале XX в.	9
<i>Н.В. Котляр</i> Из истории общественной благотворительности на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.)	19
<i>Н.В. Банникова</i> Корреспондент Джордж Добсон (1854–1938): жизнь и работа в России	28
<i>Е.А. Вересова</i> Привлечение крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных изданий в Тверской губернии в начале XX в.	39
<i>С.В. Медведев</i> Анонимные письма в московские полицейские учреждения: доносы о противоправительственной деятельности и угрозы властям (1903–1907 гг.)	47
<i>С.В. Костерин</i> Временный Варшавский комитет по борьбе с голодом в России (1921–1922 гг.)	59
<i>В.В. Коровин</i> Участие политорганов РККА в организации сопротивления на оккупированной территории Центрального Черноземья (1941–1942 гг.)	68
<i>Г.А. Куренков</i> Защита военной и государственной тайны в первый период Великой Отечественной войны	84

<i>О.В. Терешина</i> Религиозная жизнь на оккупированной территории в освещении орловской газеты «Речь» (1941–1944 гг.)	97
---	----

<i>А.И. Тимиргазиева</i> Из истории организации научно-исследовательской работы в области общественных и гуманитарных наук в Башкирской АССР (1950–1960-е гг.)	109
---	-----

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

<i>А.И. Еремин</i> Информационные ресурсы документации русской классической гимназии для изучения социальной истории (конец XIX – начало XX в.)	120
--	-----

<i>Г.Н. Ланской</i> Круглый стол как историографическое явление: русский крестьянин и его хозяйство в период Первой мировой войны	136
--	-----

<i>А.Ф. Лукшин</i> Изучение личности генерала Л.Г. Корнилова историком Г.З. Иоффе и отражение его результатов в историческом пространстве Интернета	144
--	-----

Abstracts	152
-----------------	-----

Сведения об авторах	158
---------------------------	-----

CONTENTS

The history of Russia

I. Mamkina

Formation of the system of general education
in Yakut region in XIX and at the beginning of XX centuries 9

N. Kotlyar

From the history of public philanthropy at the Russian Far East
(end of XIX – beginning of XX centuries) 19

N. Bannikova

Correspondent George Dobson (1854–1938): Life and work in Russia 28

E. Veresova

Arraignment of peasants on keeping and spreading illegal publications
in Tver province at the beginning of the XX century 39

S. Medvedev

Anonymous letters to Moscow police institutions:
Denunciations of anti-government activity
and threats to the authorities (1903–1907) 47

S. Kosterin

Warsaw Provisional Committee
on fighting the famine in Russia (1921–1922) 59

V. Korovin

Involvement of the political bodies of the Workers' and Peasants'
Red Army in the organizing the guerilla movement at the occupied
territory of the Central Chernozem region (1941–1942) 68

G. Kurenkov

Military and state secrets protection in the initial phase
of the Great Patriotic War 84

O. Tereshina

Coverage of the religious life at the occupied territory
by Orel newspaper "Rech" ("Speech") (1941–1944) 97

<i>A. Timirgazieva</i>	
From the history of organizing the scientific-research work in the field of social and humanitarian studies in Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (1950–1960s)	109

Historiography, source study and methods of historical research

---

<i>A. Eremin</i>	
Informational resources of the documentation of Russian classical gymnasium for the study of social history (end of XIX – beginning of XX centuries)	120

<i>G. Lanskoj</i>	
Round table as a historical phenomenon: Russian peasant and his household at the period of the World War I	136

<i>A. Lukshin</i>	
The study of the personality of general L.G. Kornilov by the historian G.Z. Ioffe and the reflection of the results of his research on the historical sites of the Internet	144

Abstracts	152
General data about the authors	159

И.Н. Мамкина

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В статье на основании ранее неизвестных документов Российского государственного исторического архива и Национального архива республики Саха (Якутия) впервые проводится комплексное изучение истории формирования системы общего образования в Якутской области XIX – начале XX в. Особое внимание уделено выявлению специфики создания сети учебных заведений в Якутской области, типам учебных заведений, организации управления системой образования.

Ключевые слова: Якутская область, Министерство народного просвещения, учебный округ, начальное образование, среднее образование, училище, гимназия, Восточная Сибирь.

Во время проведения реформ Александра I в центральной России открывались университеты и формировались учебные округа, и в это же время в Восточной Сибири, куда входила Якутская область, существовало всего три гимназии, 21 городское и 45 приходских училищ¹. Учитывая незначительное количество учебных заведений, университет и учебный округ на территории Восточной Сибири образованы не были, все сибирские учебные заведения причислялись к Казанскому учебному округу. Непосредственное руководство учебным делом возлагалось на генерал-губернаторов и военных губернаторов Западной и Восточной Сибири. К возложенным обязанностям по развитию народного просвещения местные власти относились не всегда добросовестно. Как отмечает историк С.В. Рождественский, «...самые существенные вопросы народного образования получают в разных местностях края, при одинаковых местных условиях, разрешение далеко не однообразное»².

Одним из факторов, влияющих на такое решение вопроса, являлось субъективное отношение властей. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, критически относившийся к просвещению местного населения, не поддержал идею Сибирского комитета по открытию высшего учебного заведения в Восточной Сибири и организации самостоятельного учебного округа во второй четверти XIX в.³

В целом реформа образования начала XIX в. в Восточной Сибири коснулась лишь организации незначительного числа министерских учебных заведений и фактически не была реализована в Якутской области.

Реформирование образования середины XIX в. характеризовалось усложнением системы: увеличением количества учебных округов, учреждением дирекции и инспекции народных училищ, введением новых типов учебных заведений. Так, систему начального образования дополнили одноклассные и двухклассные начальные училища городского и сельского типа, среднего – женские гимназии и реальные училища⁴. Одним из существенных требований нового законодательства стало обязательное участие в создании школ общественности и местных властей. Принятые положения о попечителях и попечительских советах расширили финансовые возможности учебных заведений и позволили общественности принимать активное участие в развитии образования.

Система образования Восточной Сибири в 1867 г. дополнилась должностью главного инспектора народных училищ. Его полномочия заключались в контроле над деятельностью учебных заведений, что выражалось в принятии отчетов директоров и инспекторов учебных заведений, рассмотрении протоколов заседаний педагогических советов; составлении ежегодных отчетов для генерал-губернатора и Министерства народного просвещения; в распределении отпускаемых казной средств на организацию и содержание учебных заведений. Главный инспектор обязан был проводить ревизии учебных заведений, контролировать качество обучения, методику преподавания, воспитательную работу, уровень профессиональной подготовки учителей, материальное состояние учебных заведений.

Для проведения полноценной ревизии инспектору необходимо было потратить около десяти месяцев, проехав более 13 тыс. км. Учитывая значительную территорию края, главному инспектору училищ вменялось в обязанности «разделять свою ревизию так, чтобы все заведения могли быть осмотрены им по одному разу в течение двух лет», что не соответствовало общепринятым требованиям ежегодных инспекций в Европейской России⁵.

В губерниях и областях вопросы народного просвещения передали дирекции народных училищ, где ключевым звеном стала мужская гимназия (по аналогии с учебным округом во главе с университетом). Области подразделялась на инспекторские районы, курируемые инспекторами народных училищ. В ведение дирекции и инспекторов входили вопросы организации и деятельности городских, уездных и начальных училищ, прогимназий, содержащихся за государственный счет, а также частных учебных заведений и лиц, занимающихся домашним образованием.

К 1874 г. в Восточной Сибири действовало три дирекции народных училищ (Иркутская, Забайкальская, Енисейская), каждую из которых возглавлял инспектор. В Якутской области вплоть до 1900 г. управление учебным делом продолжало находиться в ведении губернатора, и только в середине 1900 г. была учреждена должность инспектора народных училищ⁶. В сферу полномочий инспектора входили учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения в Якутском, Олекминском, Вилюйском, Верхоянском и Колымском округах, что по площади занимало более 3 млн кв. км.

Первым инспектором училищ Якутской области стал надворный советник Семен Осипович Огородников, переведенный из Иркутского городского четырехклассного училища им. Александра III. В последующий период, после выхода С.О. Огородникова на пенсию, в 1910–1912 гг. эту должность занимал надворный советник Иван Григорьевич Бычков-Подъянов⁷.

На содержание Якутской инспекции государственная казна выделяла 3523 руб. в год, из них 921 руб. составляло жалование, 921 руб. – столовые, 400 руб. – оплата квартиры, 600 руб. – проездные для инспектирования районов, а также 600 руб. – канцелярские расходы⁸. Выделяемых средств было недостаточно для эффективной работы инспектора. В 1901 г. С.О. Огородников в своем отчете отмечал необходимость увеличения проездных сумм для «частого сношения со школой и обществом»⁹.

Являясь, по сути, единственным должностным лицом ведомства Министерства народного просвещения, инспектор Якутской области имел более широкие полномочия, чем остальные инспектора Восточной Сибири. В 1903 г. его статус и компетенции официально были приравнены к должности директора, в штатное расписание введена должность делопроизводителя с жалованием 873 руб. в год. Инспектор получил право распоряжения финансовыми средствами, выделяемыми казной и попечителями на содержание учебных заведений, производил назначения, перемещения и увольне-

ния учителей по службе, представлял документы к награждению, организовывал новые учебные заведения, взаимодействовал с местными властями, органами самоуправления, попечителями, вел деловую переписку, составлял отчеты о состоянии учебного дела в области, инспектировал учебные заведения¹⁰.

В 1911 г., в связи с увеличением количества учебных заведений и учащихся, Министерство народного просвещения приняло решение об увеличении числа инспекторов «с правами, преимуществами и окладами, присвоенными в соответственных местах подобным же должностям»¹¹. По новому штатному расписанию в Якутской области предполагалось выделение еще одного инспекторского района и назначение второго инспектора. В соответствии с принятой в указе формулировкой второй инспектор Якутской области имел равные права с первым, что, учитывая статус первого, приводило к децентрализации управления. Из служебной переписки известно, что первоначально планировалось сохранить полномочия директора за первым инспектором. Однако К.К. Атласов, будущий инспектор второго района, предложил сохранить равные полномочия за обоими должностными лицами. Он указывал, что, «заботясь об открытии новых школ, инспектор при своей бесправности будет малополезен для дела. Удостоверившись лично в пьянстве и других пороках учителя, он не в силах будет пресечь это зло, т. к. должен будет обращаться к другому инспектору и тратить на сношение с ним целые месяцы»¹². Атласову удалось убедить руководство, и в 1911 г. в Якутской области учреждаются два инспекторских района. Первый район включал Якутский округ, возглавляемый статским советником В.П. Васильевским, второй – Верхоянский, Вилюйский, Колымский и Олекминский округа во главе с инспектором статским советником К.К. Атласовым. Оба инспектора были равны по служебным полномочиям и подчинялись главному инспектору Восточной Сибири. Позднее, в 1915 г., в связи с увеличением числа школ Верхоянский и Колымский округа отнесли к первому району.

Местом жительства инспектора второго района был определен г. Олекминск. Площадь района составляла 1 071 810 кв. км, самое дальнее училище находилось на расстоянии 1605 км от города. Из докладной записки инспектора К.К. Атласова, составленной в 1912 г., известно, что инспектирование Вилюйского района занимало по продолжительности месяц, а по протяженности поездки – 2086 км¹³. Ревизии по районам К.К. Атласов выполнял аккуратно, ежегодно инспектируя школы, о чем свидетельствуют пометки в инспекторской тетради. Инспектор отмечал время ревизии, достоинства и недостатки организации школьного дела. Чаще всего

К.К. Атласов обращал внимание на молодость и неопытность учителей и иногда сам давали показательные уроки.

Одним из основных направлений деятельности инспекторов стало открытие новых учебных заведений в рамках реализации образовательной реформы. В развивающейся школьной сети Якутской области широкое распространение получили сельские и городские одноклассные училища, осуществляющие неполное начальное образование с трехгодичным сроком обучения.

В сельских одноклассных училищах обучались дети нескольких удаленных друг от друга улусов. Во время учебного года многие школьники жили отдельно от родителей, что потребовало открытия при училищах пансионатов. В 1901 г. 11 из 16-ти начальных училищ Якутской области имели пансионаты. Количество пансионеров ограничивалось, поскольку их содержание было дорогостоящим, и государство устанавливало определенную квоту, однако при наличии средств родители могли помещать ученика в пансион, оплачивая его годовое содержание. Пансионерам полагалось бесплатное питание, одежда, предметы гигиены, постельные принадлежности. Организация и содержание пансионата производилось преимущественно самим учителем и лишь иногда отдавалось стороннему лицу через торги.

В 1904 г. с целью унификации содержания пансионеров инспектор С.О. Огородников установил годовые нормы содержания. Так, в год на питание полагалось закупать «9 пудов мяса второго сорта, 10,5 пудов хлеба из яричной муки, 2 шт. чая кирпичного, 22,5 фунта масла топленого коровьего, 6,2 пуда молока коровьего, 20 фунтов ячневой крупы, 18 фунтов соли, 4 пуда 20 фунтов белокочанной капусты, 3 пуда 15 фунтов картофеля», а также «3 пары рубах и кальсонов, 3 шт. носовых платков, 3 шт. полотенец, 3 шт. наволочки, 3 шт. простыни, 1 зипун ватный, 1 штаны на вате, 2 штанов на бумажной ткани, 1 пояс, 1 шарф, 1 пара рукавиц на вате, 1 шапка плюшевая, 1 картуз, 1 блуза парадная, 2 блузы будничных, 3 пары торбасов из кожи коров, 1 пара обуви из сыромятной кожи, 3 пары чулок из зипуна, 2 пары портянок из холста, 1 тюфяк, 1 подушка, 1 одеяло»¹⁴.

Кроме одежды и питания, пансион обеспечивали дровами, водой, свечами. Ежегодно на содержание пансионата, в котором находилось 20 человек, из государственной казны тратилось более 1500 руб., т. е. по 75 руб. на одного человека, в то время как средняя стоимость обучения в начальной школе Восточной Сибири не превышала 26 руб. в год. По сравнению с другими регионами России, государство для развития учебного дела в Якутии выделяло

значительно больше средств при небольшом количестве учебных заведений¹⁵.

При освоении учебной программы у якутских школьников зачастую возникали трудности в изучении языков, что отмечал в отчетах С.О. Огородников. В 1904 г. инспектор совместно с учителями Аксиньиным, Винокуровым, Шастиным, Сивцевым, Сафроновым, Бубякиной и Поповой (инициалы их не установлены) разработали учебную программу, предполагающую увеличение срока обучения на год. Первый год отводился преимущественно на изучение русского языка, последующие три – на изучение обычной программы. В связи с несоответствием срока обучения и количества отделений (4 года и 3 отделения) набор в первое отделение предлагалось осуществлять три раза в 4 года¹⁶. С разрешения главного инспектора народных училищ Восточной Сибири с 1905 г. новая учебная программа была введена в сельских одноклассных училищах Якутской области, что позволило улучшить качество обучения.

Число одноклассных городских народных училищ значительно уступало сельским. Городские одноклассные училища в 1903 г. были открыты в Якутске, Олекминске, Виллойске, в 1907 г. – в Верхоянске¹⁷.

Принципиальных отличий в организации обучения между сельскими и городскими одноклассными училищами не существовало. Несмотря на городское расположение, большую часть учащихся составляли дети из сельского сословия и из якутских семей, чуть меньше было детей из казачьего сословия. Всего количество учащихся варьировалось от 126 в 1902 г. до 248 в 1909 г., процент детей из городских сословий составлял 15–20 от общего числа¹⁸.

Еще одним типом учебных заведений начальной школы, появившихся в результате реформ, стали двухклассные городские и сельские училища. Из существовавших тогда одно-, двух-, трех-, четырехклассных в Якутской области получили распространение двухклассные училища. Они открывались по инициативе местного населения с разрешения попечителя учебных заведений, то есть губернатора. Срок обучения составлял шесть лет. В первом классе обучение продолжалось 4 года в составе двух отделений, курс второго класса – 2 года с одним отделением. Первый класс по уровню образования приравнивался к одноклассным училищам, второй класс составлял дополнительный курс к начальному обучению и включал изучение практической геометрии, географии и истории, естествознания, черчения и рисования, а также церковное пение. Двухклассные начальные училища давали более полное, но не оконченное начальное образование.

Первые сельские двухклассные училища в Якутской области были открыты в 1903 г. в Олекминском и Якутском округах, в 1906 г. – в Вилюйском округе¹⁹. В 1907 г. в Верхоянске начало действовать городское двухклассное училище²⁰. Училища относились к смешанному типу. Так, в отчете инспектора указано, что в 1903 г. в двух двухклассных начальных училищах обучалось 88 учащихся, из них 11 девочек. Все учащиеся исповедовали православие, по национальному составу подавляющее большинство (76 из 88) составляли якуты, из городских сословий обучалось 12 человек²¹. Училища были востребованы населением, что привело к увеличению числа учащихся в 1908 г. до 142 человек²².

В 1906 г., в соответствии с «Положением о городских училищах 1872 г.» и с разрешения попечителя народных училищ в Якутской области городское население получило новый тип учебного заведения – четырехклассные начальные училища, которые «имеют целью доставление детям всех сословий начального умственного и религиозно-нравственного образования»²³. Якутское четырехклассное городское училище открылось в 1906 г. на базе уездного училища, Вилюйское в 1907 г. и Олекминское в 1910 г. на базе одноклассных начальных училищ. Преобразованные учебные заведения относились к смешанному типу, к 1912 г. в них обучалось около 150 учащихся, из них девочек не более 10%. Данный тип училищ вскоре был заменен более совершенным.

К осени 1912 г. четырехклассные училища в Якутске, Олекминске и Вилюйске были преобразованы в высшие начальные училища. Срок обучения сократился до 4-х лет, по году в каждом классе, расширилась учебная программа, допускалось изучение иностранных языков. Цель училищ определялась «Положением» так: «дать учащимся в них законченное низшее образование»²⁴. Училища подобного уровня находились под контролем государства и открывались по распоряжению или с разрешения министра народного просвещения. Получить оконченное начальное образование могли дети с 10–13 лет, окончившие одноклассное начальное училище или сдавшие вступительные экзамены. Плата за обучение определялась местным учебным начальством.

Анализируя расходы Якутской области на содержание учебных заведений, мы видим, что открытие высших начальных училищ увеличило долю казенных средств в бюджете области. Так, если в 1901 г. соотношение местных и государственных средств составляло 84% и 14%, то к 1912 г. их доли изменились – 60% и 40%. Сравнивая даты принятия нормативных документов и даты организации училищ, мы видим, что хронологическое отставание в реализации

реформ к 1912 г. исчезло. Возможно, это произошло в том числе и благодаря деятельности инспекторов.

Учебными заведениями, предоставлявшими полное среднее образование и право продолжения обучения в университетах, являлись классические и реальные гимназии, различавшиеся содержанием учебных программ. В 1871 г., по инициативе графа Д.А. Толстого реальные гимназии преобразовали в реальные училища, сократив срок обучения на год и исключив из программы древние языки. Училища создавались как учреждения, дающие среднее образование с профессионально-техническим уклоном и предоставляющие право поступления в высшие технические учебные заведения.

В июне 1867 г. Якутское уездное училище было преобразовано в классическую прогимназию с 6-летним сроком обучения. За период своего существования прогимназия осуществила 15 выпусков, ее закончили 52 выпускника. Незначительное количество выпускников связано с большим числом выбывших учащихся по разным причинам: отчисление за неуспеваемость, недостаток средств на обучение, заболевание учащегося. Из отчетов педагогического совета прогимназии известно, что большая часть неуспевающих не справлялась с изучением древних языков. Латинский язык трудно давался якутским учащимся, большинство из них плохо говорили даже на русском, а преподаватели не знали якутского языка. Отсутствие в учебной программе реального училища древних языков делали ее более доступной для обучающихся. Это стало одной из причин преобразования прогимназии в реальное училище в 1891 г.

Государство на его содержание ежегодно выделяло 22 990 руб., дополнительными средствами стала плата за обучение (10 руб. в год) и стипендиальный капитал. Этот капитал делился на два фонда: вклады организаций и частных лиц для оказания единовременной помощи нуждающимся ученикам, а также годовые именные стипендии для лучших учеников. За успехи в обучении были учреждены стипендии им. А.И. Пантелеева (иркутского военного генерал-губернатора в 1900–1903 гг.), им. Н.П. Синельникова (генерал-губернатора Восточной Сибири в 1871–1874 гг.), им. П.С. Ванновского (министра народного просвещения в 1901–1902 гг.). Нуждающимся ученикам в качестве платы за обучение назначались стипендии им. купца Маркова и восемь стипендий Якутской городской думы. Для материальной помощи учащимся-якутам училище использовало проценты с банковского капитала²⁵.

Училище располагало собственным двухэтажным каменным зданием. При содействии губернатора Якутской области

И.И. Крафта для преподавателей училища построили жилье, а для учащихся пансион, выплачивались дополнительные пособия и стипендии²⁶.

Словный состав учащихся не изменился, образование получали дети чиновников, купцов, казаков, зажиточных крестьян. Реформирование училища привело к увеличению численности учащихся в три раза: в 1891 г. училище посещало 82 человека, 1892 г. – 80, в 1903 г. – 199, в 1904 г. – 208 человек²⁷. Процент детей-якутов в первые годы работы училища составлял всего 7–8%, однако он ежегодно увеличивался и к 1917 г. достиг 27,5%²⁸. Выпускники пополняли ряды служащих, способствуя удовлетворению кадровых потребностей края.

В 1882 г. начала работу Якутская женская прогимназия, которая в 1901 г. получила статус гимназии с восьмым, дополнительным, педагогическим классом. Выпускницы педагогических классов получали возможность работать в будущем домашней учительницей. В 1894 г. в Якутской гимназии обучалось 56 учениц, к 1917 г. их число увеличилось до 335²⁹.

Новое законодательство, деятельность инспекторов, улучшение качества образования способствовали изменению отношения коренного населения к школе. Так, в 1905 г. учитель Средне-Вилуйского начального училища отмечал: «Конечная мечта якута – это сделать своего сына хорошим писарем»³⁰. Количество учащихся постоянно увеличивалось: с 375 в 1901 г. до 1521 в 1912 г., среди них число учащихся-якутов значительно превышало число русских³¹.

Таким образом, в Якутской области в результате образовательных реформ XIX в. к 1912 г. сформировалась система общего образования, имеющая свои специфические черты. На обширной территории Якутии инспектор народных училищ – представитель среднего управленческого звена Министерства народного просвещения – по сути являлся единственным представителем власти, от которого зависело развитие народного образования. В сложных природно-климатических условиях на огромной территории инспекторам совместно с властями и общественностью удалось увеличить количество учебных заведений за десять лет в четыре раза. Среди новых многообразных типов учебных заведений в Якутской области действовали училища, предоставляющие законченное начальное образование, что способствовало удовлетворению потребности в мелком и среднем чиновничестве из числа местного населения. Созданная образовательная система требовала увеличения финансирования и дальнейшего совершенствования.

-
- ¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 84. Д. 95 Л. 17.
  - ² *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902. С. 492.
  - ³ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 95. Л. 62.
  - ⁴ Уставы ученых учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1893. С. 19.
  - ⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 84. Д. 95. Л. 62.
  - ⁶ Циркуляр по Восточно-Сибирским учебным заведениям (Иркутск). 1900. № 8. С. 231.
  - ⁷ Национальный архив республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 45 Л. 33.
  - ⁸ НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 517. Л. 2.
  - ⁹ Там же. Д. 27. Л. 8.
  - ¹⁰ Там же. Д. 232. Л. 10.
  - ¹¹ Там же. Д. 362. Л. 5.
  - ¹² Там же.
  - ¹³ Там же. Д. 58. Л. 12.
  - ¹⁴ Там же.
  - ¹⁵ Там же. Д. 24. Л. 19.
  - ¹⁶ Там же. Д. 82. Л. 9–10.
  - ¹⁷ Там же. Д. 107. Л. 103.
  - ¹⁸ Там же. Д. 525. Л. 11.
  - ¹⁹ Там же. Д. 60. Л. 3.
  - ²⁰ Там же. Д. 112. Л. 181.
  - ²¹ Там же. Д. 60. Л. 21.
  - ²² Там же. Д. 220. Л. 230.
  - ²³ Положение о городских училищах 1872 г. // Хрестоматия по истории педагогики. М., 1936. С. 32.
  - ²⁴ Положение о высших начальных училищах 1912 г. // Хронос. Всемирная история в интернете [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stolyip/stpn1> (дата обращения: 15.06.2015).
  - ²⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 3085. Л. 3.
  - ²⁶ Уставы ученых учреждений и учебных заведений. С. 18.
  - ²⁷ Там же. С. 87.
  - ²⁸ *Павлов А.А.* Профессиональные и средние школы Якутии (XVIII – начало XX вв.). Якутск, 2013. С. 52.
  - ²⁹ *Афанасьев В.Ф.* Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, 1966. С. 154.
  - ³⁰ НАРС(Я). Ф. 288-и. Оп. 1. Д. 27. Л. 96.
  - ³¹ Там же. Д. 19. Л. 196; Д. 549. Л. 62.

ИЗ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ РОССИИ
(конец XIX – начало XX в.)

В статье на основании документов общественных организаций, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, рассмотрена благотворительная деятельность лечебных, пожарных и других обществ. Выявлено их участие в решении хозяйственных, социальных и культурных проблем региона. Делается вывод, что их благотворительная деятельность поддерживалась губернаторской властью ради более успешного решения самых насущных вопросов развития Дальнего Востока.

Ключевые слова: общественная организация, благотворительность, здравоохранение, образование, благоустройство, Дальний Восток России.

Благотворительные общественные организации на Дальнем Востоке, как и по всей России, создавались и действовали на основе законов Российской империи, спектр их уставных задач был жестко ограничен и формализован, а подробные отчеты о своей деятельности они направляли генерал-губернатору. Большинство членов организации были состоятельными горожанами, как правило, они же были гласными городских дум. Капитал их формировался за счет добровольных взносов. Решение о приоритетах адресного направления средств принималось правлением организации по мере развития деятельности.

Появление частных благотворительных обществ на Дальнем Востоке началось в 1875 г. с деятельности Владивостокского благотворительного общества и принятых им «некоторых мер благотворительности, признанных учредителями безотлагательными»¹. В Амурской области начало такому обществу было положено созданием Благотворительного фонда губернаторов Амурской

области в 1885–1886 гг.² Половину фонда (1038 руб. 83 коп.) составили личные средства бывшего военного губернатора Амурской области П.С. Лазарева. Вскоре за отсутствием каких-либо благотворительных организаций фонд был преобразован в организацию, известную как Благовещенское лечебно-благотворительное общество, оборот средств которого к началу XX в. составил сумму около 17 тыс. руб. в год.

Общественная благотворительная организация открывалась под председательством супруги генерал-губернатора или губернатора; как правило, они же были основательницами общества и возглавляли его³, что часто оговаривалось в уставе общества. Например, Владивостокское благотворительное общество (1876 г.) было «любимым детищем» Александры Фельдгаузен – супруги военного губернатора, лично купившей дом для второй народной школы и богадельни на 12 кроватей (общие собрания членов общества проводились в доме военного губернатора). Приамурское дамское благотворительное общество (1886 г.) было основано баронессой Софьей Корф, супругой первого Приамурского генерал-губернатора, лично собравшей 6000 руб. к его основанию.

До конца XIX в. было создано не меньше 8 таких организаций – в крупнейших населенных пунктах региона: 1) Владивостокское благотворительное общество (открыто в 1875 г.); 2) Приамурское дамское благотворительное общество (Хабаровское дамское благотворительное общество, Дамский благотворительный комитет (кружок) (1886 г.); 3) Благовещенское лечебно-благотворительное общество (Амурское лечебно-благотворительное общество) (1886 г.); 4) Хабаровское благотворительное общество (1890 г.); 5) Благотворительное общество на о. Сахалин (1892 г.); 6) Благотворительное общество в Петропавловске (1895 г.); 7) Николаевское благотворительное общество (1890 г.); 8) Южно-Уссурийское благотворительное общество (Никольск-Уссурийское благотворительное общество) (1899 г.); 9) Морское благотворительное общество (Владивосток), документы со сведениями об открытии которого не сохранились.

Широкое поле деятельности такого рода обществ основано на объемной формулировке уставной цели: доставление средств к улучшению материального и нравственного состояния бедных людей «врачевством» и денежными средствами. Лечебно-благотворительные общества были первыми обществами Дальнего Востока и направляли средства общества на самые острые нужды города, в котором действовали. Так, Владивостоку, не имевшему на момент учреждения в нем благотворительного общества начальных учеб-

ных заведений, требовалась школа; Благовещенску – хотя бы одна больница; офицерско-чиновничий Хабаровск хотя и не мог пожаловаться на отсутствие больницы, но средств на лечение жители города не имели. Начав решать первостепенную проблему города, благотворительное общество обращалось к следующей, открывая второе, третье «направление» своей деятельности.

Благотворительные общества создавались учредителями как финансовый центр, из которого будут черпаться средства. Крупнейшими организациями этой категории были лечебно-благотворительные общества в Хабаровске и Владивостоке с приходной статьей в 11 071 руб. 22 коп. и 24 011 руб. 45 коп. в 1892 и 1887 гг. соответственно⁴. Активными участниками накопления в добровольном «кошельке» были и органы местного самоуправления. Постоянно выделяя обществу субсидии, помещения или участки под постройку, городские власти не оставили без такой помощи ни одну из благотворительных организаций, в том числе и избравших своей уставной целью осуществление какой-то отдельной формы благотворительной помощи (с 1887 г. благотворительные учреждения Приказа общественного призрения были переданы в ведение городских управ⁵). «Не имея собственной больницы и пользуясь больницей общества»⁶, Благовещенск выделял на пособия обществу в разные годы от 760 руб.⁷ до 2113 руб.⁸ В какой-то момент город обратился к обществу с просьбой о временном уступлении ему бесплатно некоторых зданий общества, например, помещений для бедных⁹. Множество случаев дает возможность говорить о совместном с городом ведении дела или частичном содержании городом некоторых начинаний обществ вплоть до 1917 г.

В 1900–1917 гг. на Дальнем Востоке России начали свою деятельность по меньшей мере 9 обществ сиротского детского приюта; 2 общества помощи переселенцам – в Приморской и Амурской областях (интересно, что они передавали лечебно-благотворительным обществам пособия до 500 руб.); 4 попечительства о бедных, больных (не считая городских участковых комиссий); 7 обществ вспомоществования учащимся и учившим, несколько яслей и школ грамотности и других обществ. Общество помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (головное отделение в Санкт-Петербурге) – открыло свои отделения в шести городах, в том числе в Харбине и поселке Александровском на острове Сахалин¹⁰. И наконец, Приамурское управление Российского Общества Красного Креста – одно из 6 управлений общества – состояло из местных управлений, комитетов (которых может быть несколько в одном городе), общин сестер милосердия¹¹.

Одновременно с ним действовало аналогичное Сибирское общество помощи больным и раненым воинам, одним из отделений которого стал, в частности, Хабаровский городской комитет, возникший «в попечительных семьях запасных» и существующий на пособия частных лиц и «казенной доле» – пайковом пособии¹².

С 1900-х гг. лечебно-благотворительные общества на Дальнем Востоке больше не создавались. Дело в том, что повторять сложную и многоуровневую систему благотворительности, которую создали эти общества, было не нужно: все последующие организации выбирали только одно из выявленных предшественниками «направлений» и действовали, преимущественно, в его рамках. Общества, выбравшие уставным названием «благотворительное» или «лечебно-благотворительное», стали своего рода элементами социальной системы региона. Созданные местной властью, опирающиеся на ее постоянную поддержку, общества естественным образом сформировали социальное направление деятельности местных властей, еще не представляющих, какой в конечном счете должна быть поддержка местному населению.

Среди обществ оказания помощи в исключительных обстоятельствах на Дальнем Востоке выделяются вольно-пожарные общества – 8 действующих организаций: 1) Хабаровское вольное пожарное общество, впоследствии вошло в состав Российского императорского пожарного общества; 2) Владивостокское вольно-пожарное общество (Вольное Владивостокское городское пожарное общество); 3) Никольское вольно-пожарное общество; 4) Вольное пожарное общество в Зейской Пристани; 5) Благовещенское пожарное общество (вольная пожарная дружина из обывателей г. Благовещенска); 6) Вольное Петропавловское городское пожарное общество (Вольное пожарное общество Петропавловска); 7) Иманская вольно-пожарная дружина. Вольные пожарные общества отличает их особая приближенность к сфере интересов городского хозяйства Дальнего Востока, почти половину убытков которого в 1870–1890-х гг. наносили пожары¹³.

Общества представляли собой объединения обывателей-домовладельцев, целью которых было сохранить имущество или по возможности избежать больших убытков. Так, вопрос о создании в Благовещенске «вольной пожарной дружины из самих обывателей» был поднят «в среде влиятельных горожан» и, «встреченный последними весьма сочувственно, вопрос разрешился в желательном смысле, и образование дружины пошло успешно, тем более что наиболее влиятельные горожане взяли на себя самую организацию этого нового дела»¹⁴. Организаторами Хабаровского общества были

«30–45 учредителей и сочувствующих в основном домовладельцев», и, кроме того, «все представители крупных торговых фирм тут же подписали обязательство ежегодно вносить на это благое дело по 100 и даже по 125 руб.»¹⁵. Прошение о создании Иманского общества подписали «владельцы имущества»¹⁶.

Открытие общества могло состояться гораздо позже проявления инициативы домовладельцев, а именно в то время, когда ситуация с пожарами становилась критической. Например, инициатива создания общества в Хабаровске, появившаяся еще в начале 80-х гг. XIX в., «при малочисленности городского населения и редкости пожаров, не пошла дальше разговоров»¹⁷. В 1899 г., когда почти половина убытков от пожаров на территории Приморской области пришлось на 11 николевских пожаров¹⁸, было образовано Никольское вольное пожарное общество. Причиной прошения домовладельцев Имана стали «сомнительные пожары, участившиеся в последнее время», а также отсутствие противопожарных средств, в связи с чем, как отмечали просители, «нет никакой возможности спасти имущество не только подвергшиеся сфере огня, но и соседняя. Поэтому владельцы последних не предвидя ранее бедствия несут громадные убытки...»¹⁹.

В последующем акции домовладельцев по спасению от пожаров не ограничивались деятельностью пожарных обществ. Они выступали инициаторами учреждения страховых обществ (Владивосток)²⁰, сотрудничали с обществами страхования, предоставляя им сведения о пожарах, как в Хабаровске²¹.

Состояние существующей в городе пожарной службы на момент учреждения вольно-пожарных обществ или в первое время их деятельности оценивалось как неудовлетворительное. Так, пожар в доме Крета в 1899 г. в Хабаровске «показал, насколько неудовлетворительно в то время было поставлено в городе дело доставки воды на пожары и насколько недостаточно было количество инструментов противопожарного обоза»²²; в 1883 г. отмечена «ничтожность городского пожарного обоза»²³. Имущество пожарного обоза, доставшееся Никольск-Уссурийску в наследство от села за десять лет существования обоза без постоянного присмотра пришло в упадок и «было ветхо и неисправно»²⁴. Отмечены случаи помощи от общества: в 1898 г. правление Хабаровского вольного пожарного общества участвовало в образовании городского полицейского пожарного обоза (правление общества находилось в здании окружного полицейского управления).

В 1899 г. Хабаровская городская дума, убедившись в неудовлетворительности пожарного дела, обратилась к местному обще-

ству, точнее гласным думы, состоявшим в правлении общества²⁵, «для более подробного рассмотрения вопроса»²⁶. Постановление комиссии состояло в решении о постройке второй каланчи с депо и сдаче в заведывание обществу (в 1901 г.), а также об увеличении ежегодной субсидии обществу с 500 руб. до 3500 руб., затем до 9000 руб.²⁷

Во Владивостоке городская команда для тушения пожаров была создана на основе ходатайства думы решением военного губернатора Приморской области в 1897 г.²⁸ В 1904 г. вольная дружина была прикомандирована ко 2-му стрелковому полку, где они стали получать довольствие, до этого около 30 человек неимущих дружинников содержались за счет А.К. Высоцкого, председателя дружины²⁹. В 1914 г. начальником дружины общества был К.А. Имрат, брендмейстер пожарной команды города³⁰. Наряду с городской командой работала вольная пожарная дружина Никольск-Уссурийска³¹.

Характерной чертой вольно-пожарных обществ является немногочисленность членов общества, постоянное участие в делах общества наемных служащих. Исключением стала дружина Петропавловского общества, которая, по уставу, состояла из членов общества³². Все вместе, по документам общества, они назывались «личный состав».

Содержание обществом дружины и инвентаря в городах Дальнего Востока было различным. Современники сравнивали их поначалу «в пользу» общества. Так, в Хабаровске «полицейская пожарная команда стоит городу ежегодно не считая обзаведения, от 10 до 12 тыс., при чем, кроме кучеров, каланчиста и дневально-го... не может выставить более 4 чел. Общество же, при субсидии в 3500 р., и после затрат на постройку и лошадей даст при готовом уже обозе дружину в составе от 20 до 40 чел., работающих по охоте и хорошо подготовленных»³³. Отметим, что затраты города на содержание дружины общества к 1907 г. выразились в пособии в 9 тыс. руб.³⁴

В обществе Владивостока максимальное число дружинников отмечено в 1908 г. и составило 73 чел.³⁵ На 1908 г. при пособии в 1000 руб. содержание обоза и дружины, отдела трубочистов и санитаров, постройка депо, пособие пожарному служителю потребовали расхода в 8339 руб. при общих затратах в 14 623 руб. 04 коп.³⁶ Средства Хабаровского общества были значительно меньше – за первые пять лет своей деятельности оборот средств составил 14 354 руб. 43 коп.³⁷

Для лучшей подготовки дружины вольно-пожарные общества открывали гимнастические городки. Учитывая это, общества на

время Первой мировой войны включились в деятельность военно-спортивных комитетов и вели допризывную подготовку, таким образом, подпадая под «Положение о мобилизации спорта»³⁸.

Общества спасания на водах, относимые к частным на основании инициативы их открытия, принадлежащей к жителям города, заслуживают отдельного исследования. Местные общества спасания на водах являлись отделениями Российского императорского общества спасания на водах, окружные правления которого находились в Николаевске, Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке, Порт-Артуре.

Отметим несколько черт, характеризующих взаимодействие власти и частной инициативы в этой области. Одной из них является многочисленность и широкий интерес местного населения. Так, уже в конце 1896 г. народное чтение, устроенное «ввиду интереса возбуждаемого предстоящей всеобщей переписью и предполагающимся учреждением общества спасания на водах в Хабаровске, привлекло, не смотря на серьезность тем, много простой публики», и желающих записаться в общество было много³⁹.

Другой характерной их чертой является активное участие в них уже действующих обществ и учреждений, заинтересованных в их открытии. Например, в состав Хабаровского окружного правления входило Амурское общество пароходства и торговли, на пристани которого располагилась станция и наблюдательный пост, агент общества вошел в состав правления общества⁴⁰.

Так же как другим обществам, им была оказана помощь городской управы, состоявшая в субсидии (200 руб. в год) и предложении помещения для спасательной станции, которая должна была располагаться на территории городских купален⁴¹. На примере хабаровского общества можно утверждать, что деятельность организации не меняла своего направления: содержание 2 наблюдательных постов и 2 станций⁴², количество которых общество стремилось увеличить. К 1908 г. была открыта еще одна купальня и наблюдательный пост⁴³. Сумма, затрачиваемая обществом на содержание пунктов, в год составляла 2200 руб., а спасение утопающих было организовано таким образом, чтобы на пункте всегда имелась лодка и работал дежурный матрос⁴⁴.

Как и в остальных обществах добровольной благотворительной помощи, обществам спасания на водах городом уступались здание общества, помещение для спасательной станции; устанавливался бесплатный телефон; через главное управление выписывались чертежи усовершенствованных лодок. Хабаровское общество передало имущество для спасательной станции при постройке моста через

Амур; на сигнальной мачте станции Владивостокского общества, по соглашению с Портовой Метеорологической станцией, было установлено поднятие штормовых сигналов.

Цели учредителей этих организаций, напрямую или опосредованно связанные с интересами городского хозяйства, способствовали активному участию и помощи местного самоуправления, обеспечили поддержку общественности, и, в конечном счете, предопределили «вхождение» общественных организаций или их предприятий в систему городских учреждений.

Примечания

- ¹ *Матвеев Н.П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 109–110.
- ² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 200. Л. 99–101.
- ³ Владивосток (Владивосток). 1886. 12 июля; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 24. Л. 1, 12; *Лытшиа О.Б.* История пожарной службы города Уссурийска. Уссурийск, 1999. С. 158.
- ⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 925. Л. 7, 23 об.–24.
- ⁵ *Власов П.В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 227.
- ⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 107. Л. 18 об.
- ⁷ Обзор Амурской области за 1900 год. Благовещенск, 1901. С. 23.
- ⁸ *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.: Очерки истории. Владивосток, 2002. С. 218.
- ⁹ Обзор Амурской области за 1906 г. Благовещенск, 1908. С. 55.
- ¹⁰ Дальний Восток. 1904. 25 янв.
- ¹¹ *Яновский А.* Красный крест // Энциклопедический словарь. Ярославль, 1992. Т. 16. С. 561.
- ¹² РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–91 об.
- ¹³ *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.* Указ. соч. С. 143.
- ¹⁴ Обзор Амурской области за 1899 г. Благовещенск, 1900. С. 38.
- ¹⁵ Приамурские ведомости (Хабаровск). 1901. 2 дек.
- ¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 428. Л. 62.
- ¹⁷ Приамурские ведомости. 1901. 2 дек.
- ¹⁸ *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.* Указ. соч. С. 145.
- ¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 428. Л. 62.
- ²⁰ Там же. Д. 311. Л. 7.
- ²¹ Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 49 об.
- ²² *Бодиско А.М.* Из жизни Хабаровска. Хабаровск, 1915. С. 152–153.

- 23 *Матвеев Н.П.* Указ. соч. С. 116.
- 24 *Лыниша О.Б.* Указ. соч. С. 4.
- 25 Приамурские ведомости. 1901. 2 дек. № 414.
- 26 *Бодиско А.М.* Указ. соч. С. 45.
- 27 Там же. С. 165, 267.
- 28 *Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тригуб Г.Я.* Указ. соч. С. 143.
- 29 Дальний Восток. 1904. 15 февр.; 28 февр.
- 30 Памятная книжка Приморской области на 1914 г. Владивосток, 1914. С. 32.
- 31 Обзор Амурской области за 1903 г. Благовещенск, 1904. С. 52.
- 32 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 384. Л. 580–585.
- 33 Приамурские ведомости. 1901. 2 дек.
- 34 *Бодиско А.М.* Указ. соч. С. 165, 267.
- 35 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 311. Л. 8.
- 36 Там же. Л. 7 об.
- 37 Приамурские ведомости. 1901. 2 дек.
- 38 Приамурские ведомости. 1916. 12 янв.
- 39 Приамурские ведомости. 1896. 17 нояб.; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 146. Л. 4–6.
- 40 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 146. Л. 9 об.
- 41 Там же. Ф. 1301. Оп. 1. Д. 1. Л. 150–155; Д. 326. Л. 2.
- 42 Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 146. Л. 9 об., 12–14.
- 43 Там же. Д. 326. Л. 1–2.
- 44 Там же. Д. 146. Л. 12–14.

Н.В. Банникова

КОРРЕСПОНДЕНТ ДЖОРДЖ ДОБСОН (1854–1938): ЖИЗНЬ И РАБОТА В РОССИИ

В статье представлена биография Джорджа Добсона, одного из первых корреспондентов британской газеты «Таймс» в России, восстановленная по материалам различных источников, в основном зарубежных. На примере его биографии прослеживаются сложность и противоречивость отношений между Россией и Великобританией в конце XIX – начале XX в., перипетии политических отношений Великобритании с Российской империей, Временным правительством и большевиками.

Ключевые слова: Российская империя, Великобритания, Средняя Азия, геополитика, газета «Таймс», публицистика, Санкт-Петербург, Лондон, железнодорожный транспорт, Временное правительство, большевики, заговор Локкарта.

В 1890 г. в Лондоне вышла в свет книга Джорджа Добсона «Russia's Railway Advance into Central Asia. Notes of a Journey from St. Petersburg to Samarkand», издание которой в России осуществлено в 2013 г.; перевод с английского языка сделан автором настоящей статьи. Хотя книга, казалось бы, посвящена достаточно узкой теме – строительству русской железной дороги в Центральной Азии, – она многое дает для понимания России конца XIX в. и политики российского правительства в Туркестанском крае, которая в наши дни стала изучаться особенно активно¹. Подробное описание путешествия по новой железной дороге, связавшей Российскую империю со Средней Азией, содержит самую разнообразную информацию: по этнографии, статистике, истории региона, интересные рассуждения о колониальной политике России; замечания, касающиеся истории российско-британских

отношений. Вместе с тем значительную часть книги занимает личность самого автора – образованного человека своего времени. Читатель имеет возможность посмотреть на происходящее глазами иностранца, проследить его отношения с известными военными и политическими деятелями России и других государств.

Джордж Добсон жил и работал в России в ту бурную эпоху, когда отношения между Россией и Великобританией стали довольно многообразными.

Впервые дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1553 г., когда английский мореплаватель Ричард Ченслер (умер в 1556 г.) был принят Иваном Грозным в Москве. Прибытие английского посланника случилось в «самую светлую эпоху жизни Иоанна», жаждавшего «сближения с Западом»². Во второй приезд Ченслера, в 1555 г., царь отправил с ним посланника Осипа Григорьевича Непею (умер в 1570 г.), который, добравшись до Лондона, сумел установить прочные отношения с королевой Англии Марией I Тюдор.

С тех пор многие англичане побывали в России, оставив письменные свидетельства своих путешествий. Описание всего увиденного является давней традицией западных путешественников, о чем говорят составленные современными западными исследователями библиографические указатели³.

В XVIII – начале XIX в. отношения между Россией и Великобританией были сложными и противоречивыми. Государства являлись то союзниками, то противниками во время различных конфликтов, имевших место на международной арене. А после Крымской войны 1853–1856 гг. отношения резко ухудшились, русофобия стала наиболее явным и длительным элементом британского национального взгляда на мир, доминировавшим вплоть до начала XX в. Антипатию к России поддерживало соперничество двух империй в Средней Азии, так называемая Большая игра, которую современный исследователь Е.Ю. Сергеев определяет «как соревнование между различными моделями включения традиционных обществ в формирующуюся глобальную структуру политических, экономических и культурных контактов; как сложный многоуровневый процесс выработки и осуществления решений властными элитами России и Великобритании применительно к различным регионам Азии; как критически важный этап в развитии российско-британских отношений, отразивший результирующую тенденцию перехода от конфронтации к сотрудничеству обеих держав на международной арене»⁴.

«Переход от конфронтации к сотрудничеству» России и Великобритании осуществился в соглашении 1907 г. и союзничестве в

Первой мировой войне. Однако отношения были разорваны после того, как к власти в России пришли большевики.

Катаклизмы эпохи несколько не способствовали сохранению документальных свидетельств о жизни и деятельности Добсона, о котором мы знаем весьма немного. Согласно записи в паспорте Джорджа Добсона, родился он в Лондоне 8 января 1854 г., однако дата остается спорной, поскольку свидетельство о его рождении до сих пор не обнаружено. Его происхождение и уровень образования остаются неизвестными. Первые достоверные сведения о Джордже относятся к 1874 г., когда он появился в Санкт-Петербурге. По его собственному признанию, он помогал Юджину Скайлеру, в то время секретарю американского посольства в России, писать книгу «Туркестан. Записки о путешествии в Российский Туркестан, Коканд, Бухару и Кульджу»⁵.

Писать репортажи для газеты «Таймс» Добсон начал при поддержке своего друга, полковника Фредерика Уэлсли, который приходился племянником знаменитому полководцу, герцогу А.У. Веллингтону. Ф. Уэлсли служил военным атташе в британском посольстве в Санкт-Петербурге. Именно он и представил Добсона руководству газеты «Таймс». Первые статьи Добсона были написаны в посольских апартаментах Уэлсли. Шла подготовка к русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и всю ночь Уэлсли с Добсоном занимались переводом секретной информации, касающейся мобилизации русской армии⁶.

В октябре 1876 г. управляющий газетой «Таймс» Д.К. Мак-Дональд сообщал К. Абелю в Берлин: «У нас есть новый корреспондент в Санкт-Петербурге, по имени Джордж Добсон, найти которого можно в Американском посольстве»⁷. Добсону настоятельно рекомендовалось сохранять инкогнито и в случае необходимости пользоваться шифром. Мак-Дональд настаивал на статусе «нерегулярный» (occasional) корреспондент для Добсона, отказавшись назначить последнему постоянную зарплату. По словам Мак-Дональда, «все наши попытки относиться к российской столице как к месту, откуда можно было бы регулярно отправлять достоверные известия, показали бесполезность такой договоренности»⁸.

Первые самостоятельные репортажи Добсона последовали сразу после того, как он отправился в действующую армию. Вместе с Уэлсли они находились при цесаревиче Александре (будущем императоре Александре III), командовавшем Восточным отрядом. Они стали свидетелями битвы у реки Лом (август 1877 г.). Оба едва избежали гибели на железнодорожном вокзале в Журжево, ожидая переправы на понтонном мосту через Дунай⁹.

Уэлсли описал этот эпизод в своей книге «С русскими во время мира и войны» («With the Russians in Peace and War»), опубликованной в Лондоне в 1905 г.¹⁰ Позже Добсон присутствовал при осаде Плевны вместе с корреспондентом газеты «Дейли Ньюз» А. Форбсом и журналистом Я.А. МакГаханом, готовившим военные сводки для ряда американских и английских газет. Здесь, под Плевной, у редута у деревни Гривица Добсон был несколько раз под вражеским огнем. У Плевны Добсон познакомился с генералом М.Д. Скобелевым, о чем упоминает в своей книге. За участие в кампании 1877–1877 гг. он был награжден румынским орденом и русскими медалями¹¹.

После заключения Сан-Стефанского мирного договора в 1878 г., Джордж Добсон приехал в Лондон и обратился к руководству «Таймс» с просьбой, сразу скажем, удачной, разрешить ему вернуться к своим обязанностям в Санкт-Петербурге. Как раз в это время Д. Мэкензи Уоллес, который был корреспондентом «Таймс» в 1877–1878 гг., отказался возвращаться в Санкт-Петербург из-за ограничений правительства России по отправке информации¹². Добсон пишет в своих воспоминаниях: «Он (Уоллес) сказал мне, что его непродолжительного опыта работы было для него более чем достаточно»¹³.

Последующие годы, по воспоминаниям Добсона, были тяжелыми из-за «заговоров нигилистов, убийств высоких чинов, покушений на жизнь императора, полицейской слежки и распространения бунтарской литературы»¹⁴.

Добсона неоднократно беспокоили царские цензоры, он постоянно находился под угрозой высылки из страны, три раза задерживался полицией. В воспоминаниях Добсона встречаются и курьезные случаи общения с российскими властями, например, такой: «Однажды поздно ночью мне нужно было отправить важную телеграмму, которую цензор отказался передавать, и я отправился с ней к графу Игнатьеву в его летнюю резиденцию на окраине города. Хотя было уже около полуночи, я застал его все еще за работой. Он очень любезно вручил мне записку для телеграфного отделения, в которой давал распоряжение телеграмму отправить. На следующий день я обнаружил, что она так и не была отправлена. Проницательный граф, должно быть, отменил распоряжение по телефону, как только я ушел от него»¹⁵.

С 1880 г. русские власти начали строить железные дороги в Средней Азии. «Поводом для строительства дороги стала крайняя сложность организации перевозок и снабжения войск в ходе повторной Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. для осады

крепости Геок-Тепе в условиях почти безводной и труднопроходимой пустыни. Но основная причина заключалась в возросшей опасности русско-английского конфликта в Туркестане¹⁶. Весной 1888 г. Добсон пересек Закаспийскую пустыню по только что построенной российской железной дороге и стал первым англичанином, проделавшим железнодорожное путешествие от Узун-Ада до Бухары, Мерва и Самарканда. Этот регион тщательно охранялся от иностранцев, и только благодаря своему авторитету в высоких кругах Добсон получил дозволение властей поехать. Во время поездки Добсон отправлял в «Таймс» подробные «отчеты» об увиденном¹⁷, а осенью того же года в газете были опубликованы его письма о путешествии¹⁸. Его публикации в «Таймс», дополненные дневниковыми записями с подробным описанием Закаспийской области, легли в основу книги «Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию» («Russia's Railway Advance into Central Asia»). Она вышла в Лондоне в издательстве У.Г. Аллена и К^о весной 1890 г. Небольшое количество экземпляров было прислано в Россию. Здесь, вероятно, автором были обнаружены опечатки, которые были отпечатаны на отдельном листке-вкладке в коммерческой скоропечатне премников Евгения Тиле в Санкт-Петербурге, на что потребовалось разрешение цензуры (дозволение датировано 28 июля 1890 г.).

Книга Добсона сразу же вызвала большой резонанс в официальных кругах, была с интересом встречена британскими читателями. 30 августа 1890 г. в «Таймс» в рубрике «Новости» была опубликована редакционная статья «Российская железная дорога в Центральной Азии». В ней говорилось: «Мистер Джордж Добсон превратил в книгу, полную интересной информации, серию писем, которые он писал для газеты "Таймс" осенью 1888 г.»¹⁹. В этой книге он дал «первое английское описание Центрально-Азиатской железной дороги». В статье поднимался вопрос о том, насколько велика для Британии угроза потери влияния в Азии в связи с появлением «нового русского военно-стратегического объекта – железной дороги»²⁰. Статья заканчивалась словами: «Опасность теперь, несмотря на то, что дорога далека от совершенства, становится очень реальной и возрастающей. И не только в вопросе политической безопасности положения Британской Империи в Афганистане и Индии, но и в отношении коммерческого превосходства страны в Южной Азии»²¹. Вскоре в редакцию «Таймс» пришел отклик на эту статью – письмо сэра Джона Миллера Эйди, британского генерала, военного советника турецкого командования в годы Крымской войны, служившего также в Индии, Бенгалии, Египте, на Гибралтаре. В письме, в частности, говорилось: «Недавно опубликованная

работа мистера Дж. Добсона “Железнодорожный прорыв России в Среднюю Азию” является очень ценной: не потому, что она содержит много новой информации, скорее она резюмирует достижения России в части света, которая для нас особо интересна в связи с нашей Индийской империей. <...> Военное присутствие России в Центральной Азии достаточно для того, чтобы держать в подчинении разбросанное население распадающихся княжеств и кочевые племена в этих степях, но совершенно не пригодно для вторжения в далекую и могущественную державу. <...> Завоевание Центральной Азии Россией, хотя и не очень полезное в результате, в некоторой степени выгодно для населения, и новая железная дорога может рассматриваться как элемент цивилизации; ее успешное завершение или ее будущее продолжение никоим образом не должно вызывать у нас тревогу»²².

Многие британцы хотели в то время проехать по новой российской железной дороге и увидеть своими глазами обширные просторы только что присоединенных к Российской империи территорий. Среди этих желающих был Джордж Керзон, дипломат и государственный деятель. Добсон помог ему получить разрешение властей, передал много полезной информации, и в сентябре 1888 г. Керзон отправился в Среднюю Азию из Санкт-Петербурга по маршруту, который в мае того же года Добсон выбрал для своего путешествия. Вернувшись из поездки, Керзон предложил отчет о ней для публикации в «Таймс», но получил отказ от газеты, уже опубликовавшей письма Добсона. Керзон написал в «Манчестер гардиан» и в другие ведущие газеты английской провинции, где и были напечатаны его статьи. Когда вышла в свет книга Керзона «Россия в Средней Азии в 1889 г. и русско-английский вопрос», автор позволил себе пренебрежительно заметить, что «любопытные письма ее корреспондента мистера Добсона, которые публиковались между августом и октябрём включительно в 1888 г., написаны как будто с точки зрения туриста, рассказывающего о своих личных впечатлениях, а не от лица государственного деятеля, пытающегося оценить ситуацию, оставляя свободное пространство для последующих путешественников с более честолюбивыми замыслами»²³. Это замечание тем не менее не помешало Керзону фактически дословно воспроизвести в своей книге одно из писем Добсона²⁴, содержащее официальный отчет по организации и управлению на территории Мервского оазиса. (Отчет был предоставлен корреспонденту «Таймс» губернатором Мерва, полковником М. Алихановым. Добсон был глубоко оскорблен, и между двумя авторами установились довольно враждебные отношения.)

Очередной поворот в судьбе Добсона произошел в 1891 г., когда корреспондент «Таймс» в Берлине Чарльз Лоу был уволен, и Добсон вызвался на год заполнить эту «вакансию», не вполне осознавая, какая нагрузка его ожидает и с какими трудностями придется столкнуться, отправляя корреспонденцию из двух стран – России и Германии.

Приблизительно в 1900 г., как пишет сам Добсон в своих дневниковых записях, он начал страдать бессонницей²⁵. Вслед за этим умирает любимая жена Добсона, Джанет Добсон, урожденная Пейдж, брак с которой был зарегистрирован 29 марта (10 апреля) 1884 г. в британском консульстве в Санкт-Петербурге. Джорджу было тогда 32 года, а Джанет – 22. Джанет происходила из семьи англичан, которые многие годы жили и трудились в России. 9 февраля 1899 г. в Санкт-Петербурге у них родилась дочь Маргарет Дагмар Добсон. Джанет не стало, когда ребенку было два года. Добсон, тяжело переживая смерть жены, впал в глубокую депрессию, он нуждался в отдыхе и был отправлен руководством газеты в длительный отпуск²⁶. В это время (1901 г.) из Берлина был командирован мистер Д. Брехем продолжать работу в Санкт-Петербурге.

Свой отпуск Добсон провел в Риге – в санатории, специализировавшемся на заболеваниях нервной системы. После окончания отпуска, в 1903 г., он снова был в Лондоне и пытался убедить управляющего директора «Таймс» Моберли Бэлла в том, что полностью здоров и готов продолжить работу в Санкт-Петербурге. К тому времени пост корреспондента в России был снова свободен: российское правительство было очень недоволено независимостью Брехема, и 28 мая 1903 г. ему было приказано покинуть Россию в 24 часа. Руководство «Таймс» решило, что слишком хлопотно иметь в России собственного корреспондента, и Добсону отказали. После своего разрыва с газетой Джордж не уехал из России и остался в Санкт-Петербурге. По приглашению князя М.И. Хилкова, с которым он познакомился во время вояжа 1888 г., Добсон стал частным секретарем высокопоставленного чиновника.

С 1904 по 1905 г. Добсон жил в Лондоне, где представлял Российское объединенное агентство печати, одновременно являясь российским корреспондентом агентства «Рейтер», «Дейли Телеграф» и других британских газет. Вернувшись в Санкт-Петербург после закрытия агентства, он был приглашен в британское консульство секретарем, основной его обязанностью было заниматься корреспонденцией. В штате британского консульства Добсон проработал около 10 лет: секретарем, штатным консулом, действующим вице-консулом²⁷.

В 1910 г. в Лондоне вышла его новая книга под названием «Санкт-Петербург», в которой он описывал архитектуру города, рассказывал об истории его образования и современной жизни. Иллюстрации к книге были исполнены известным британским художником Ф. де Ханеном. В 1911 г. был издан перевод Джорджа Добсона книги Е. Федорова «Подготовка финляндской революции 1889–1905 гг.» («The Finnish Revolution in Preparation 1889–1905»). Книга «Санкт-Петербург» была переиздана в составе сборника «Россия», вышедшего в Лондоне в 1913 г.²⁸

Во время Первой мировой войны Джордж Добсон сотрудничал в качестве переводчика в Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками²⁹. В 1917 г. Добсон вернулся в газету по просьбе лорда Нордклиффа, в то время владельца «Таймс», который приложил немало усилий, чтобы утерявшая к тому времени популярность газета превратилась в новую и современную. Джордж возглавил Петроградское отделение «Таймс» и одновременно работал ее корреспондентом. Это была довольно щекотливая ситуация, так как работникам консульства запрещалось иметь какие-либо отношения с газетами.

Когда к власти в России пришли большевики, британское посольство отказалось поддерживать с созданным ими Советом народных комиссаров официальные отношения. В затруднительных ситуациях британцы прибегали к «личной» дипломатии. В решении одной из таких ситуаций принял участие Добсон, отправившись на прием к Л.Д. Троцкому в Смольный, дабы обсудить условия возвращения на родину британских подданных в обмен на освобождение большевика Г.В. Чичерина, будущего наркома иностранных дел, задержанного в Лондоне 22 августа 1917 г. и находившегося в Брикстонской тюрьме³⁰.

Джордж Добсон искренне любил Россию и русский народ, большая часть его жизни прошла в России. Его дочь была воспитана в семье родственников, давно проживавших в России. Это была тетя со стороны покойной жены Добсона, Элизабет Чамберс, чья дочь Мария была замужем за известным русским художником И.Я. Билибиным. Вместе с детьми Билибиных Маргарет ходила в русскую школу и проводила летние каникулы в деревне. В семье говорили в основном на русском языке. Оказавшись в Лондоне в возрасте 18 лет, Маргарет с трудом говорила на английском, и до конца жизни у нее оставался сильный русский акцент. По словам внука Добсона, Джона Форда, Джордж видел свое будущее и будущее своей дочери в России, где намеревался поселиться после

отставки и провести остаток жизни со своими многочисленными друзьями. Но этому не суждено было случиться.

31 августа 1918 г. вооруженные чекисты ворвались в британское посольство, в завязавшейся перестрелке погиб капитан Ф. Кроми, помощник военно-морского атташе Великобритании в Петрограде. В тот же день был схвачен глава специальной дипломатической миссии Р.Г.Б. Локкарт, фактически исполнявший обязанности британского посла, по обвинению в попытке свержения Советской власти. Добсон в числе других британских дипломатов был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Через пять недель, проведенных в тюрьме, он был освобожден и выслан на родину в обмен на М.М. Литвинова, дипломатического представителя Советской России в Великобритании. Вместе со своей 18-летней дочерью и другими сотрудниками посольства Добсона посадили на поезд до Финляндии, не разрешив взять ничего из личных вещей. Буханку черного хлеба, которую он взял с собой из тюрьмы, отобрали конвоиры в последний момент перед посадкой.

14 октября 1918 г. Добсон прибыл в Стокгольм, откуда отправил письмо в «Таймс» под названием «Жестокое обращение в тюрьме. Власть большевиков растет»³¹. 18 октября оно было опубликовано в газете, а уже 5 ноября 1918 г. Добсон был принят королем Георгом V и представил отчет о нападении на британское посольство, подробно рассказал о событиях в России³². Вскоре после этого он был принят на службу в российский отдел штаба разведки Военного министерства в Лондоне и состоял там вплоть до его закрытия. Затем Министерство иностранных дел назначило Джорджа вице-консулом в Харьков, но он не смог занять этот пост из-за поражения армии генерала А.И. Деникина. В этот момент Добсон был на пути в Харьков, в Константинополе. Британский Верховный комиссар в Константинополе направил его в консульство в Одессу. Во время занятия Красной армией этого города в феврале 1920 г. он был спасен вооруженной охраной моряков с британского эсминца «Церера» и эвакуирован вместе с другими британскими и русскими беженцами в Константинополь³³.

В Лондон Добсон вернулся без каких-либо средств к существованию в возрасте 67 лет. Он продолжал сотрудничать с «Таймс», написал несколько статей о Советской России³⁴, но в конечном итоге оказался своей газете ненужным и неинтересным. Друзья журналиста подали прошение руководству газеты выделить ему деньги на проживание, и, в конце концов, маленькая пенсия была назначена.

Умер Джордж Добсон в 1938 г. одиноким и несчастным. На его похоронах, которые состоялись 17 октября 1938 г., присутствовали дочь Маргарет с мужем, сестра мисс Энн Добсон, мистер Д. Брехем, миссис Смит, миссис Билибин, миссис Джон Билибин – родственники со стороны его покойной жены, миссис Бра-мал и миссис Хью, а также мистер У.Р. Вильямсон, представитель издательства газеты «Таймс»³⁵.

Примечания

- ¹ *Шушкова М.Е.* Реформа управления Туркестанским краем в начале XX в.: разногласия между С.-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 6–19.
- ² *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией, 1553–1593: Грамоты, собранные, переписанные и изданные Ю. Толстым. СПб., 1875. С. 4.
- ³ *Shapiro D.* A Select Bibliography of Works in English on Russian History, 1801–1917. Oxford, 1962; *Nerhood H.W.* To Russia and Return: An Annotated bibliography of Travelers' English-language Accounts of Russia. [Columbus], 1968; *Cross A.G.* The Russia Theme in English Literature: From the Sixteenth Century to 1980: An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford, 1985; *Poe M.* Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus, 1995.
- ⁴ *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: Мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. С. 16.
- ⁵ *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect of 45 Years Work and Events With Special Reference to Correspondence and Service for The Times in Russia, Bulgaria and Germany, 1874–1919.* P. 1 // Архив Джона Форда (Крэнлей, Великобритания).
- ⁶ *Ibid.* P. 2
- ⁷ *The History of The Times.* L., 1939. Vol. 2: The Tradition Established, 1841–1884. P. 527.
- ⁸ *Ibid.* P. 527.
- ⁹ *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect...* P. 3.
- ¹⁰ *Wellesley F.A.* With the Russians in War and Peace. L., 1905. P. 222–226.
- ¹¹ *Who was who: a cumulated index, 1929–1940.* L., 1967. P. 371.
- ¹² *The History of The Times.* Vol. 2. P. 526.
- ¹³ *Dobson G. Mr. G. Dobson's Retrospect...* P. 4.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 5.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 25.
- ¹⁶ *История железнодорожного транспорта России, XIX–XXI вв.* М., 2012. С. 99.
- ¹⁷ *The Transcaspian Railway* // *The Times.* 1888. May 28. № 32397. P. 17; May 31. № 32400. P. 5; June 9. № 32408. P. 5.

- ¹⁸ The Central Asian Railway // *Ibid.* Aug. 14. № 32464. P. 12; Aug. 22. № 32464. P. 12; Aug. 27. № 32471. P. 4; Aug. 28. № 32476. P. 12; Sept. 18. № 32494. P. 12; Sept. 26. № 32501. P. 8; Oct. 2. № 32506. P. 4; Oct. 4. № 32508. P. 3; Oct. 9. № 32512. P. 4.
- ¹⁹ The Russian Railway in Central Asia // *Ibid.* 1890. Aug. 30. № 33104. P. 4.
- ²⁰ *Ibid.*
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Adye J.* The Military Position of Russia in Central Asia // *The Times.* 1890. Oct. 7. № 33136. P. 10.
- ²³ *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. L., 1889. P. 6.
- ²⁴ *Ibid.* P. 113–116.
- ²⁵ *Dobson G.* Mr. G. Dobson's Retrospect... P. 26.
- ²⁶ *Ibid.* P. 27.
- ²⁷ Who was who. P. 371.
- ²⁸ *Dobson G., Grove H. M., Stewart H.* Russia. L., 1913.
- ²⁹ *Dobson G.* Mr. G. Dobson's Retrospect... P. 32; Who was who. P. 371.
- ³⁰ Who was who. P. 371; *Dobson G.* Mr. G. Dobson's Retrospect... P. 33.
- ³¹ British released from Russia: Harsh treatment in prison: Bolsheviks' power increasing // *The Times.* 1918. Oct. 18. № 41924. P. 6.
- ³² Court Circular // *Ibid.* Nov. 6. № 41940. P. 9.
- ³³ *Dobson G.* Mr. G. Dobson's Retrospect... P. 38–39.
- ³⁴ *Dobson G.* England And The Soviet // *The Times.* 1924. July 14. № 43703. P. 10; *Idem.* British Property In Russia // *Ibid.* 1925. Jan. 7. № 43853. P. 8; *Idem.* Peter The Great // *Ibid.* Feb. 2. № 43875. P. 8; *Idem.* Confiscation By The Soviet // *Ibid.* Sept. 11. № 44064. P. 8; *Idem.* Russia's Plight // *Ibid.* 1929. June 2. № 43667. P. 15; *Idem.* British Claim On The Soviet // *Ibid.* 30 July. № 45268. P. 8.
- ³⁵ Deaths: Funeral: Mr. George Dobson // *Ibid.* 1938. Oct. 18. № 48128. P. 17.

Е.А. Вересова

ПРИВЛЕЧЕНИЕ КРЕСТЬЯН
К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ХРАНЕНИЕ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ
НЕЛЕГАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматриваются случаи и обстоятельства привлечения крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных антиправительственных изданий в Тверской губернии в 1900–1904 гг. Исследуются мотивировка поведения обвиняемых крестьян, и карательная политика властей применительно к лицам, совершившим такие деяния.

Ключевые слова: самодержавие, крестьянство, политические настроения, революционное движение, нелегальные издания, карательная политика, полиция, политическая полиция, административная высылка, полицейский надзор, Тверская губерния.

Одной из форм сопротивления крестьян политике царских властей накануне революции 1905–1907 гг. являлось распространение ими нелегальных антиправительственных изданий. Революционные партии уделяли большое внимание пропаганде среди населения Тверской губернии в силу ее близости к Москве и Санкт-Петербургу.

Соответственно и учреждения политического розыска вели с этим борьбу. Случаи и обстоятельства привлечения крестьян к ответственности отражены в документах по обвинению их в хранении и распространении различных запрещенных изданий. В Государственном архиве Российской Федерации документация по обвинению тверских крестьян в данном преступлении содержится в фондах Уголовного отделения первого департамента Министерства юстиции и Департамента полиции Министерства внутренних дел¹. В Государственном архиве Тверской области данные материалы хранятся в фондах Канцелярии Тверского губернатора, Твер-

ского губернского жандармского управления, прокурора Тверского окружного суда².

Обвиняемые в распространении нелегальных изданий привлекались к ответственности по ст. 251 и 252 Уложения о наказаниях³.

Согласно ст. 251 Уложения о наказаниях, составление и распространение воззваний, сочинений, произнесение речей с целью возбудить к неповиновению верховной власти наказывалось лишением всех прав состояния и ссылкой на каторжные работы на срок от 8 до 10 лет. Виновные в составлении таких сочинений, но не изобличенные в умышленном их распространении подлежали тюремному заключению от 1 года и 4 месяцев до 2 лет и 8 месяцев, с лишением ряда прав и преимуществ. Лица, имевшие у себя запрещенные сочинения и изображения, но не изобличенные в их распространении, подвергались аресту от 7 дней до 3 месяцев, а затем могли быть отданы под надзор полиции от 1 года до 3 лет.

Ст. 252 гласила, что за составление и распространение сочинений, а также произнесение речей, порицавших образ правления и порядок наследования престола, виновные наказывались ссылкой на каторжные работы на срок от 4 до 6 лет. Виновные в составлении преступных сочинений, но не изобличенные в их умышленном распространении подвергались заключению в крепости от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев. Имевшие у себя такие сочинения, но не изобличенные в их умышленном распространении, подвергались аресту от 7 дней до 3 месяцев, а затем могли быть отданы под надзор полиции от 1 года до 3 лет.

К обвиняемым соответствующие статьи Уложения о наказаниях применялись административным порядком без суда по соглашению с Министерством юстиции и внутренних дел. Согласно закону от 7 июля 1904 г., изобличение лишь в хранении запрещенных изданий без цели их распространения объявлялось ненаказуемым⁴.

Должностные лица полиции доносили о случаях нахождения нелегальных изданий тверскому губернатору и начальнику губернского жандармского управления, который отдавал распоряжение о производстве дознания. Оконченное производством дознание направлялось начальнику Тверского губернского жандармского управления и прокурору Тверского окружного суда. Об обстоятельствах дела сообщалось в Департамент полиции и прокурору Московской судебной палаты⁵.

В материалах содержатся уведомления о возбуждении и окончании дознания, само дознание, проводимое чинами полиции. В некоторых делах есть анкета, содержащая фамилию, имя, отчество обвиняемого, возраст, место жительства, род занятий. Про-

токолы допросов свидетелей и обвиняемых, как и установленная мера наказания присутствуют не во всех делах. В ряде дел имеются протоколы обысков у обвиняемых и осмотра изъятых нелегальных изданий с изложением их содержания, проводившихся приставами в присутствии понятых.

В ГАТО за период 1901–1904 гг. выявлено 45 дел о хранении и распространении крестьянами запрещенных изданий: 1901 г. – 2 дела, 1902 г. – 4, 1903 г. – 8, 1904 г. – 31⁶. Таким образом, число фактов обвинения крестьян в данном преступлении значительно возросло накануне революции 1905–1907 гг., хотя в целом их количество является незначительным. Наибольшее число материалов хранится в фонде Тверского губернского жандармского управления – 36.

Количество обвиняемых в изученных делах составило 75 человек. Большинство из них (81%) проживали в центральных уездах губернии, характеризовавшихся развитием отхожих промыслов: в городе Твери и Тверском уезде – 60%, Новоторжском – 14,5%, Старицком – 6,5%. Не выявлено случаев обвинения крестьян из западных Осташковского, Ржевского уездов и восточных Корчевского, Калязинского уездов. Восприимчивость крестьян к революционным идеям, изложенным в нелегальных изданиях, зависела и от уровня их грамотности. Так, Тверской и Новоторжский уезды отличались наибольшей грамотностью жителей в губернии, а Осташковский и Ржевский – наименьшей.

Род занятий указан у 64 обвиняемых, что составляет 85,5% от их числа. Большинство из них работали на заводах и фабриках в городах – 70%; крестьянским хозяйством и различными промыслами занимались 19%; служащие и новобранцы составили 11%. Данные сведения позволяют говорить о том, что запрещенные издания в основном приносились в деревню из города крестьянами-отходниками. Об этом также свидетельствует значительное количество обвиняемых из уездов, отличавшихся развитым отходом крестьянского населения на заработки.

Возраст указан у 42 обвиняемых, или 56% от их числа. Молодые люди до 29 лет составили 85,5%, от 30 до 50 лет – 12%, старше 50 лет – 2,5%. Высокий процент среди обвиняемых людей молодого возраста вызван их большей восприимчивостью к новым идеям и взглядам по сравнению с людьми зрелыми, имеющими устоявшиеся жизненные позиции. Трудоспособное молодое население чаще уходило на заработки в крупные города и, следовательно, больше было подвержено влиянию революционных идей.

подавляющее большинство обвиняемых крестьян моложе 30 лет работали на фабриках и заводах или занимались промыс-

лами – 75%, крестьянское хозяйство было основным занятием 14%, иными видами деятельности занимались 11%. В возрастной категории от 30 до 50 лет также преобладали отхожие промысловики – 60%, хлебопашество являлось основным занятием 40%. Род занятий крестьян старше 50 лет в делах не приводится.

Объяснения фактов нахождения или чтения нелегальных изданий приводятся 46 обвиняемыми, что составляет 61% от их числа. Чаще крестьяне не признавали себя виновными (83% от числа обвиняемых, объяснения которых приведены в делах), а их объяснения были следующими: использовал издание как бумагу для курения и не читал; нашел на улице. Было также и упорное отрицание вины. Однако некоторые признавались в распространении нелегальных изданий: они составили 17%. Полицейские находили нелегальную литературу у крестьян, доставленных в полицейское управление в нетрезвом виде – 9 человек, или 12% от общего числа обвиняемых.

Так, в 1901 г. крестьянин деревни Володино Никулинской волости Тверского уезда Василий Максимов Жуков, работавший ткачом на фабрике Морозова, был задержан городовым на улице в нетрезвом виде и доставлен в канцелярию полицейского надзирателя. При обыске у него нашли брошюру РСДРП «Майские дни в Харькове». Василий Жуков пояснил, что книгу купил для верчения папирос и на оглавление не смотрел. За крестьянином было установлено полицейское наблюдение⁷.

В 1902 г. директор ткацкой фабрики Товарищества Тверской мануфактуры доставил полицейскому надзирателю брошюру, изданную социал-демократической группой «Свобода», и заявил, что она была отобрана у ткача Василия Дмитриева, читавшего ее во время работы. Тот не хотел отдавать брошюру, и пришлось отобрать ее силой. Крестьянин села Пречистый Бор Первитинской волости Тверского уезда Василий Дмитриев объяснил, что брошюру нашел в казарме и не отдавал потому, что хотел дочитать. Крестьянин был взят под особый надзор полиции⁸.

В 1904 г. крестьянин Тредубской волости Старицкого уезда Алексей Федотов Кузнецов при допросе показал, что привез из Твери прокламации и раздавал крестьянам. Однако крестьяне, видя, что листовки антиправительственные и в них одобряется убийство министра внутренних дел, рвали их⁹.

В ряде случаев крестьяне не признавали вину, даже если изобличались свидетельскими показаниями. Примером является дело 1904 г. по обвинению крестьянина деревни Дьяково Первитинской волости Тверского уезда Федора Горячева, работавшего на фабрике в Твери. Обвиняемый крестьянин был задержан жандармским

офицером, когда разбрасывал в прядильном отделении фабрики воззвание Тверского комитета РСДРП «Жертвуйте, русские люди». Очевидцы подтвердили обвинение. В указанном воззвании говорилось, что война с Японией выгодна фабрикантам, чиновникам и дворянам, но не рабочим, которых «голодная смерть манит пальцем». Мера административного наказания – арест на 2 месяца¹⁰.

Применяемые меры наказания указаны для 49 обвиняемых, что составляет 65% от их числа. В случае недоказанности намерения крестьян распространить нелегальные издания дела производством прекращались. Следствие было прекращено в отношении 23 крестьян, что составляет 47% от числа обвиняемых, мера наказания которых указана; к ответственности привлечено 53%. Полицейский надзор был установлен за крестьянами в 16 случаях, что составляет 33% от числа обвиняемых, мера наказания которых указана; тюремному заключению подверглись 4 человека, или 8%; к высылке в Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую губернии приговорены 3 человека, или 6%; столько же подверглись денежному взысканию.

По результатам расследования, обвиняемых крестьян можно разделить на две группы в соответствии с мотивировкой их действий.

Первая: осознанное хранение и распространение изданий (54 обвиняемых, что составляет 72% от их общего числа). В данных случаях из свидетельских показаний следует, что обвиняемые умышленно пытались распространить нелегальные издания (раскладывали прокламации на фабриках или предлагали для чтения запрещенные книги). Однако даже в этих случаях большинство обвиняемых не признали вину.

Вторая: неосознанное хранение нелегальных изданий (21 обвиняемый, или 28%). В таких случаях запрещенная литература попадала к обвиняемым случайно, и их намерение ее распространить в делах не прослеживается.

Пример осознанного хранения и распространения запрещенных изданий имеется в деле 1901 г. по обвинению крестьянина деревни Борок Новинской волости Тверского уезда Федора Михайлова, рабочего мануфактуры Морозовых. Старший смотритель ткацкого отделения мануфактуры Морозовых Степан Гаврилов заявил, что Федор Михайлов, находясь в питейном заведении, вел разговор о том, что он социалист и предлагал ему посмотреть книгу, но Степан Гаврилов передал ее жандарму. Однако допрошенные в ходе следствия знакомые обвиняемого показали, что книг для чтения он им не предлагал и преступных разговоров не вел. Федор Михайлов объяснил, что на улице купил бумагу для курения. Разбирая листы дома,

увидел вложенную книгу. Начал ее читать, но не дочитал, так как она ему не понравилась. Дело прекращено, поскольку не было доказано намерение обвиняемого распространить брошюру среди рабочих¹¹.

Пример неосознанного хранения запрещенных изданий имеется в деле 1904 г. по обвинению крестьянина Старицкого уезда Дарской волости села Леонтьево Андрея Михайлова, у которого полицейский обнаружил папиросы, свернутые из прокламаций. Андрей Михайлов объяснил, что листки нашел на улице, прочитал и понял, что они нехорошие, и решил изрезать на папироски. Мера наказания не указана¹².

Доказать факт умышленного распространения обвиняемыми крестьянами запрещенных изданий следствию было сложно, поскольку, даже имея такое намерение, многие из них отрицали вину.

Тексты брошюр, листовок, прокламаций и передача их содержания в протоколах приведены в 12 случаях, что составляет 26,5% изученных дел. В них указывалось на тяжелое положение народа, критиковалась политика правительства, а заканчивались они политическими лозунгами, самый распространенный из которых – «Долой самодержавие!».

В 1903 г. крестьянин Константин Игнатов, работавший ремесленником в Твери, передал рядовому Николаю Железнову нелегальные сочинения партии социалистов-революционеров с целью распространения среди товарищей. Брошюры были посвящены тяжелому положению рабочих и необходимости организации стачек, отмечалась важность борьбы с целью захвата власти. Константин Игнатов признал себя виновным в распространении изданий. Мера наказания не указана¹³.

У крестьянина Тверского уезда Никулинской волости деревни Андрейкова Ивана Ильина было найдено воззвание, осуждавшее войну с Японией. Главной причиной поражений России в войне называлось казнокрадство и отмечалось, что при самодержавии, «основанном на безгласности народа и господстве бюрократии», улучшений не будет¹⁴.

Участники революционной деятельности в Тверской губернии А.В. Голодаев, М.А. Вейденбаум отмечали, что неудачи самодержавия в Русско-японской войне позволили пропагандистам найти хороший подход к населению и дали богатую пищу для развития революционного движения, поскольку подрывали доверие к правительству¹⁵.

А.Д. Балашов в воспоминаниях о революционной деятельности в Твери в 1902–1903 гг. писал, что нелегальная литература для большинства рабочих и крестьян была непонятна. При этом «на

крестьян хорошо влияло, когда говорилось о земле, но они были против свержения царя»¹⁶.

Крестьяне обвинялись и в участии в антиправительственных демонстрациях. Такая демонстрация прошла в Твери 23 февраля 1904 г. Днем на улице Миллионной собралось около 200 человек. Некоторые из них разбрасывали прокламации и несли красные флаги. Раздавались крики «Долой самодержавие!». Среди участников демонстрации преобладали рабочие. О случившемся было доложено министру юстиции. По распоряжению губернатора для поддержания порядка в город были направлены отряды драгун. В представлении прокурора Тверского окружного суда отмечалось, что в ночь с 22 на 23 февраля 1904 г. на улице Красной слободы было обнаружено около 600 прокламаций, что расценивалось как подготовительная к демонстрации мера¹⁷.

Полиция задержала нескольких участников демонстрации, в том числе крестьян. В ходе обысков в домах задержанных существенных улик не было обнаружено. Обвиняемые не признали вину, говоря, что в демонстрации не участвовали: видели толпу людей, но к ним не присоединялись. Показаниями свидетелей (городовых и унтер-офицеров) факт участия задержанных в демонстрации не был доказан. Выяснилось, что некоторые из них были задержаны потому, что шли по улице ускоренным шагом. Обвиняемые были отданы под особый надзор полиции¹⁸.

В целом, случаи привлечения крестьян к ответственности за хранение и распространение нелегальных изданий свидетельствуют о ведении революционерами пропагандистской деятельности среди населения, в основном среди рабочих заводов и фабрик города Твери, многие из которых являлись выходцами из крестьян. Особенно активно такая деятельность велась накануне революции 1905–1907 гг.

Нелегальные издания в основном приносились в деревню крестьянами, занимавшимися отхожими промыслами в городах и более подверженных влиянию революционных идей. В количественном отношении крестьяне, занимавшиеся отхожими промыслами, втрое превышали число обвиняемых, занимавшихся сельским хозяйством.

Привлеченные к ответственности крестьяне в большинстве случаев не признавали вину и старались оправдаться. Однако из материалов дел следует, что крестьяне осознанно стремившиеся распространить запрещенную литературу, составляли значительное количество – 72%.

Материалы изученных архивных дел свидетельствуют как о том, что доказать вину обвиняемых было делом достаточно сложным, так и об относительно снисходительном отношении

к ним губернских и полицейских властей в целом, особенно по сравнению с нормами Уложения о наказаниях. Рассматриваемая форма выражения протестных настроений, вероятно, считалась властями относительно неопасной: к ответственности в административном порядке были привлечены чуть более половины обвиняемых, а строгому наказанию – тюремному заключению – подверглись лишь 8%.

Изученные материалы свидетельствуют о довольно умеренном распространении среди сельского населения Тверской губернии революционных идей. Рассматриваемые протестные настроения в 1900–1904 гг. не являлись основной формой выражения крестьянами недовольства политикой самодержавия.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 124. Оп. 10. Д. 398, 399; Оп. 11. Д. 700, 701, 702, 1824, 1825; Оп. 13. Д. 423, 428, 2397; Ф. 102. Особый отдел. Оп. 230. Д. 360. Ч. 23; Оп. 232. Д. 4. Ч. 14, Д. 5. Ч. 14.
- ² Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56. Оп. 1; Ф. 927. Оп. 1; Ф. 524. Оп. 2.
- ³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1910. С. 308–309.
- ⁴ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 717. Л. 21.
- ⁵ Там же. Д. 563, 673.
- ⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12579, 12749, 28651, 28654; Ф. 524. Оп. 2. Д. 18, 20, 123, 125, 135; Ф. 927. Оп. 1. Д. 538, 539, 563, 595, 615, 622, 641, 665, 670, 673, 675, 686, 687, 692, 708, 711–713, 717, 719, 720, 725, 730, 731, 734, 736, 738, 739, 741, 744, 745, 761, 763, 767, 770, 771.
- ⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 399; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28651.
- ⁸ ГАТО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 18.
- ⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12579.
- ¹⁰ Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 708; Ф. 524. Оп. 2. Д. 141.
- ¹¹ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 398; ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 12749.
- ¹² ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 719.
- ¹³ Там же. Ф. 524. Оп. 2. Д. 123.
- ¹⁴ Там же. Ф. 927. Оп. 1. Д. 739.
- ¹⁵ Тверской центр документации новой и новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 114. Оп. 2. Д. 41. Л. 3; Д. 29. Л. 7.
- ¹⁶ Там же. Д. 12(а). Л. 3.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 13. Д. 423. Л. 2.
- ¹⁸ Там же. Д. 423; ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 29.

С.В. Медведев

АНОНИМНЫЕ ПИСЬМА
В МОСКОВСКИЕ ПОЛИЦЕЙСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ:
ДОНОСЫ О ПРОТИВОПРАВительСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГРОЗЫ ВЛАСТЯМ
(1903–1907 гг.)

В статье анализируются анонимные донесения, отправленные в Московское охранное отделение и Канцелярию московского обер-полицейстера в течение 1903–1907 гг. В центре внимания автора – письма с угрозами в адрес руководителей московской полиции, послания, разоблачающие революционеров, а также наветы обывателей друг на друга. Автор приходит к выводу о недостаточном внимании политической полиции к анонимным донесениям.

Ключевые слова: Революция 1905 г., полиция, политическая полиция, Московское охранное отделение, революционная деятельность, анонимный донос, Д.Ф. Трепов, С.В. Зубатов.

Деятельность Московского охранного отделения, подчиненного Департаменту полиции Министерства внутренних дел, неоднократно становилась объектом изучения отечественных историков. Только в последние годы были изданы обобщающие исследования Ю.Ф. Овченко, А.Ю. Дунаевой, С.Н. Жарова, В.С. Измозика, где рассмотрены вопросы структуры учреждений политического сыска, кадрового состава, перлюстрации, методов борьбы с революционным движением¹. В то же время вопрос о количестве и информативности анонимных доносов, поступающих в политическую полицию, до сих пор не получил подобающего освещения, несмотря на то, что ГА РФ хранит богатейшую коллекцию рукописных и печатных эпистол обывателей первых лет XX столетия, пожелавших остаться неизвестными. Это касается и анонимия, поступавших в канцелярию Московского обер-полицейстера.

Сохранившийся в фонде МОО ГА РФ корпус анонимных обращений на имя чиновников московской полиции предоставляет разнообразную информацию для анализа общественных настроений накануне и во время Первой революции в России. Фонд 63 содержит донесения 1903, 1904 и 1907 годов, отсутствуют анонимки за 1905 и 1906 гг., периода наибольшего развития революционных событий в стране. Авторами рукописных обращений зачастую являлись среднестатистические обыватели разных политических взглядов: некоторым из них хватало начальных навыков письменной речи для того, чтобы выразить протест или поделиться подозрением в отношении революционно настроенных граждан. Анонимки писали и те, кто симпатизировал революции; в этом случае обращения имели характер личных угроз по отношению к власти имущим, виновных, по их мнению, в тяготах русского народа.

Доносы различались не только по содержанию, но и по объему, причем самыми распространенными можно признать лаконичные, буквально в одно предложение, сообщения с призывом задержать того или иного «крамольника»: «Прошу вас немедленно накрыть курсистку Иванову, пока не поздно. Найдете нечто важное»². Подобные «информативные» письма, конечно, не могли заинтересовать Московское охранное отделение, доказательством чего является отсутствие резолюций и распоряжений, свидетельствующих об оперативных действиях в отношении некоей Ивановой.

Более развернутые, но также лишённые конкретики донесения не могли претендовать на реакцию со стороны охранных отделений. «Честь имею донести Вашему Высокоородию о том, что мною заподозрен содержатель аптекарского магазина Евгений Васильевич Дудкевич в социал-демократических намерениях. Насколько вышеизложенное мной подозрение верно, прошу покорнейше проверить, сделав надлежащее по сему делу зависящее от Вас распоряжение»³. «Социал-демократические намерения» могли заключаться в чем угодно: личном нерасположении автора анонимки, конкуренции в аптекарском бизнесе или банальным сведением счетов. Обвинения в социал-демократических взглядах было общим местом для анонимных донесений первых лет XX столетия. В сочувствии революции обвиняли воров, проституток и прочих асоциальных персонажей, не вписывающихся в традиционно понимаемое общество.

Нередко обер-полицмейстер, пересылавший анонимные донесения в Московское охранное отделение, получал письма от коллективов разнообразных учреждений. Так, в 1904 г. на имя Д.Ф. Трепова пришло очень спешное городское письмо из Боль-

шого Императорского театра. Обеспокоенные администраторы или актеры утверждали, что полицмейстер театра предупредил всех служащих о группе лиц, намеревающихся сорвать постановку. Реакция самого театрального полицмейстера, сообщившего эту новость, была, по меньшей мере, странной: «...В случае, если будут кричать пожар, то чтобы они не обращали внимание. Даже предполагает сделать распоряжение, чтобы во время антракта был поднят занавес и тем успокоить публику, что никакого пожара в театре нет». Далее следовал вывод о злокозненности распоряжения театральной полицейской службы: «Собираются кричать пожар для беспорядка и чтобы в толпе грабить»⁴. В этом письме странно все: каким образом можно было обвинять театрального полицмейстера в сочувствии вора, если он сам же оповестил служащих театра о готовящихся беспорядках? Что заставило составителей послания предполагать о том, что в полиции дадут навету ход? Так как никакой дополнительной информации о письме найти не удалось, можно попытаться объяснить его происками революционной молодежи, заинтересованной в срыве массовых предприятий.

Интереснейшее письмо обер-полицейстер Д.Ф. Трепов получил от Общества московских торговцев телеграммами. Это общество примечательно уже тем, что в отличие от многих других, его членами являлись «бедняки неимущие, ни квартиры ни одежды», которым «случалось голодать по целым суткам». Единственной надеждой для неимущих являлся выпуск телеграмм, от продажи коих общество улучшало финансовое положение. «Но вот опять несчастье: вышло будто бы разрешение от Вашего Превосходительства, чтобы нас ловили как собак, если есть у попавшего 20 копеек, то приходится дать городовому, а он разорвет телеграммы и можешь идти без денег и телеграмм»⁵. По закону жанра подобных прошений, в первой половине следовало перечисление тягот и бедствий, сравнения с прошлой, гораздо лучшей жизнью, а во второй, заключительной, плавный переход к угрозам в адрес властей прередающих. «Просить я никогда не просил, и совести не хватает, воровать у меня и мысли не было... В Москве занимается торговлей телеграммами десять тысяч, в каждом человеке, вы, Ваше Превосходительство, находите себе врага... Постигла участь городского головы Алексева, Министров Боголепова и Сиягина, и Вас тоже может постигнуть то же самое. Из нашего общества нам каждому жизнь не дорога, но Вы, Ваше Превосходительство, поберегите себя для процветания Москвы и дозвоьте нам торговать по-прежнему телеграммами»⁶.

В деле анонимок за 1904 г. сохранилось формально не анонимное письмо от некоей княгини Н.А. Трубецкой, адресованное

К.П. Победоносцеву. Поручиться за то, что автором письма была Трубецкая, нельзя, так как стилистически окрашенное в тона грубой простонародной брани, оно обвиняло во всех бедах чиновника, не занимавшего лидирующих позиций в правительственном аппарате империи: «Полагаю Вам следовало бы приехать в Москву послушать, как костят наш милый режим, нашу дипломатию, проморгавшую, как японцы усиленно, на виду всей Европы, готовились к войне с Россией целых 8 лет, вследствие чего мы очутились неподготовленными и по милости Его величества и сволочной К-О (Вы и прочие) теперь льется русская кровь несчастных воинов. Бедная Россия! Когда только избавится она от той саранчи, называемой Императорским Домом и его прихвостниками?»⁷.

Целью письма «Трубецкой» могла быть попытка запугивания престарелого сановника, пережившего покушение в 1901 г. Содержательно похожее обращение было написано в Московское охранное отделение человеком с распространенным псевдонимом «Русский». Ценность письма, лишенного четкой структуры и здравого смысла, заключается в том, что оно демонстрирует фривольность нравов и распушенность оппозиционной части населения, не останавливавшегося перед отправкой в полицию откровенно цензурных посланий. Из-за неразборчивости почерка «Русского» процитировать письмо полностью не представляется возможным, однако такие речевые обороты, как «прохвосты», «мерзкий нос», «гнилые мозги», «уснувшая совесть», «еб...тское самодержавие», «Россия царями русскими засрана», «великое национальное дело уничтожения этой саранчи»⁸, достаточно полно характеризуют настроение и развитие автора.

Традиционно каждый год московская охранка получала письма о неподобающих порядках, царящих в учебных заведениях. Наряду с обвинениями одних студентов в активном членстве в подпольных организациях, а других в злоупотреблениях сотрудничеством с полицией, подозрение вызывали и преподаватели. Иногда бдительность проявляли родители студентов: «Мой старший сын Иоанн был на экзамене в Техническом Училище, в два часа дня он пришел и рассказал мне и моему мужу, что на столе лежит бумага революционного комитета, в которой напечатано восхваление убийце, убившему министра Плеве»⁹.

Описанная ситуация довольно тривиальна для учебных заведений Москвы предреволюционного периода, в связи с чем Московское охранное отделение занималось контролем за внеучебной активностью студенчества¹⁰. Жалобы на студентов соседствовали в доносах с опасениями за деятельность последователей

Л.Н. Толстого, уже при жизни писателя объединявшихся в кружки и общины. Нередко авторы обращений в полицию наделяли фантастическими возможностями описываемых антагонистов монархии: «На фабрике Прохоровской... официально они себя называют толстовцами, то есть в отношении религии православия полное безверие... в сущности же шовинизм, антиправительственная и религиозная пропаганда... они говорят, что при помощи и студентов и англо-еврейских денег у нас скоро будет республика и московская полиция в их руках и проч.»¹¹. Для убедительности переданной информации автор доноса приводил название оппозиционной группы – «Партия крамолы».

Такая же странная, удивительная по своей неправдоподобности история якобы произошла на печально известном заводе Гужона у Рогожской заставы. Еще в 1902 г. ее французский владелец Юлий Гужон писал гневные письма во все инстанции, жалуясь на деятельность агентов тогдашнего начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова, склоняющих рабочих к забастовкам, а уже в октябре 1904 г., по свидетельствам анонимного информатора, на заводе вольготно чувствовали себя революционно настроенные мастера: «Мастер, зазывая рабочих по одному к себе в контору, под угрозой расчета, заставляет раскидывать прокламации по поводу войны и другие нелегальные брошюры»¹². С другой стороны, коллективные обращения рабочих рисовали административный произвол, царящий на фабриках: «10 числа сего года хожалый спальни фабрики Шредер с помощью сторожей отправил в участок ткачей Ивана Васильева и его брата Павла Васильева, а также и жен их, причем они говорят далее, что сторожа и дворники сильно били их... По словам ткачей, отправили в их участок за то, что между ними произошел крупный разговор... Ведя в участок, дворник держал Ивана Васильева за горло, а городской сорвал часовую цепь у него...»¹³. Похожее обращение было отправлено с фабрики Бутюгинной: «...Нас не выпускают за ворота в свободное от работы время, а перерыва на обед совершенно не полагается...»¹⁴.

Особую группу анонимных обращений составляют письма, написанные с целью угроз тем или иным сановникам. Подобные письма тщательно прорабатывались полицией, по ним шла переписка, разрабатывались оперативные действия. Осенью 1904 г. на имя киевского, подольского, волынского генерал-губернатора генерал-адъютанта Н.В. Клейгельса пришло анонимное письмо, оскорбительное по отношению к министру юстиции Н.В. Муравьеву. Так как письмо содержало московский штемпель, Департамент полиции переслал его в Московское охранное

отделение с просьбой выявить составителей дерзкого послания. Злокозненная депеша, как и многие подобные ей, была составлена в ехидно-издевательском тоне: «Вся Москва, взволнованная происшедшим покушением на драгоценную жизнь Вашу и помня Вашу плодотворную деятельность в качестве Прокурора Московской Судебной Палаты, проявленную Вами в бытность Вашу в Первопрестольной столице, спешим выразить Вам, Ваше Превосходительство, свои сердечные поздравления по поводу чудесного избавления Вашего от смерти».

Уже с первого предложения всем читающим было ясно, что лживый, льстиво-угодливый тон записки предвещает дальнейшие злобные угрозы обуреваемых жаждой мести составителей. Попутно упражнявшись в эзоповых восхвалениях министра юстиции («бескорыстные труды по усовершенствованию отечественного правосудия, идеал министра, посвятившего свою жизнь на привитие народу правосознания»), анонимы переходили к сути претензий, к перечислению дел, по которым был осуществлен «кривой суд»: «Как пример, можем указать на дело генерала Гартунга, Золотовой, Баранцевича, а также и Кишиневское. В последнем христиане оказались виновными в покушении на них евреев, убитые же христиане оказались жертвами же христиан, а не жидов, зато Вы и Давыдов деньгами убийц христиан заплатили Ваши долги».

Некоторые из перечисленных дел относились по времени к занятию Н.В. Муравьевым должности товарища прокурора Московского окружного суда, а, в частности, дело генерала Гартунга слушалось в октябре 1877 г. Генерал-майор Леонид Николаевич Гартунг обвинялся в присвоении векселей и различных документов, оставшихся после смерти купца 1-й гильдии Василия Карловича Занфтлебена. Авторов анонимки явно не интересовало то, что, скорее всего, усопший по национальности был немцем, а не евреем; дополнительный резонанс делу придавал факт самоубийства Гартунга прямо на судебном заседании. Суицид обвиняемого, в восприятии незнакомых с обстоятельствами дела обывателей, автоматически причислял его к невиновным, а вся ответственность возлагалась на обвинителя Муравьева. Расследование кишиневских событий 1903 г. и арест активистов антиеврейских погромов также признавался виной министра юстиции: «Читая же теперь о даровании евреям льгот, нам невольно приходится углубиться в сущность Кишиневского дела, и теперь нам только стало ясно, как искусно умеете вы делать из правды неправду, ради любостыжания Вашего». Раз, по мнению авторов письма, Муравьев небескорыстно сочувствовал евреям, он достаивался и облыжных обвинений в

неприкрытой коррупции: «Вас во всякое время можно купить за 1000 рублей и дешевле».

Дальнейшее содержание письма настолько оскорбительно, что для его получателя, адресата и полиции становилось делом чести поймать его составителей. «Первую оценку Вашим богоугодным делам и вместе с тем воздаяние за них воздал иностранец, посадив на Вашу физиономию – ни для чего более не пригодную – плевков, вторую – Ваш единоплеменник, как человек по природе более щедрый экономного немца, всего расчетливее русского, послав по тому же адресу сверток “ГОВНА” [Слово выделено в тексте. – С. М.]. Достойное – достойному: “ГОВНУ – ГОВНО”».

Помимо министра юстиции Муравьева, письмо явно адресовалось и самому императору Николаю II, сомнений в чем не оставалось после прочтения следующей фразы: «Итак, уже 10 лет Вы Самодержец, но не Помазанник, теперь же, наконец, сбылось веление Свыше: Вы помазаны на Свое царствование этим благовонным елеем, на станции Петергоф, в месяце июле, лето же от сотворения мира 7412»¹⁵.

Чуть более месяца Московское охранное отделение пыталось найти автора или авторов глупого и дерзкого письма. 24 ноября 1904 г. отчаявшийся начальник Московского охранного отделения подполковник В.В. Ратко отчитывался в Департамент полиции: «Выяснить автора дерзкого анонимного письма, направленного против министра юстиции, не представлялось возможным. При этом, однако, докладываю, что означенное письмо, не заключающее в себе ничего политического, не исходит от какой-либо местной революционной группы, а является выходкой какого-либо лица, принадлежащего к числу мелких служащих по Судебному ведомству»¹⁶. Примечательно, что охранка, в лице своего начальника, отказывалась продолжать дальнейшие поиски злоумышленника только лишь потому, что он не был связан с объединенными революционными группами.

За несколько месяцев до революции, в условиях участвовавших террористических актов против чиновников различных рангов, был грубо оскорблен один из министров Российской империи, а политическая полиция крупнейшего города страны не видела в этом акте ничего политического! Расследование – неизвестно, насколько тщательное, – длилось всего несколько недель, и было остановлено под предлогом бездоказательного предположения, что преступник в революционном обществе не состоял.

Нагнать страх должны были угрозы в адрес генерал-губернатора Москвы вел. кн. Сергея Александровича, погибшего 4 февраля

1905 г. в результате взрыва брошенной И. Каляевым бомбы. В фонде Московского охранного отделения хранятся подобные анонимные письма за 1902, 1903, 1904 гг.

В одном из них, за 1904 г., детально описывается внутренний состав взрывчатого вещества и план убийства великого князя. «Сергея, здравствуй! [Следующая фраза неразборчива. – С. М.]. Всего заговорщиков 15 человек, в числе которых нахожусь и я. Смерть ты получишь от взрыва динамита, наполненного в особый чугунный шар, который снабжен электрическим аппаратом. Шар очень удобен для взрыва тем более, что пристроенный к нему аппарат дает возможность быстро двигаться в желаемую сторону»¹⁷. Неправдоподобность описания взрывного устройства восполнялась частыми террористическими актами, совершаемыми в отношении министров и чиновников Российской империи. О том, что «шар» может быть направлен в разные стороны, в анонимном письме говорится не один раз, чтобы усилить впечатление неотвратимости наказания великого князя. Подобную же цель имели слова неизвестного о том, что самодельная конструкция была подвергнута неоднократным испытаниям, которые «дали очень хорошие результаты». Увлекаясь описанием, аноним излагает совсем уж фантастические особенности взрывного агрегата: «...Благодаря аппарату, нельзя отыскать, откуда был пущен шар. Устройство электрошины взято от автомобиля, но только разница в том, что автомобиль без человека не может идти, хотя и может, но только не долго, иначе он на что-нибудь наткнется, но шар, стоя на месте, можно направлять в желаемую сторону». Описание самого взрыва напоминает незатейливые сведения, почерпнутые из учебной книги по физике: «Взрыв происходит от нажатия в аппарате кнопки, от которой по проводнику ток идет прямо в шар. Ток, дойдя до резервуара, переходит на металлический шпиль и вмиг его раскаляет, после чего шпиль начинает метать искры в узкое отверстие и происходит взрыв»¹⁸.

Вторая часть послания посвящена обзору причин, подтолкнувших автора или авторов лишить члена августейшей семьи жизни. Подробное перечисление тягот беднейшего крестьянства, боготворившего своих «прежних благодетелей», обвинения вел. кн. Сергея Александровича в нерадении об их нуждах и непредставлении их челобитных царю, к которому он был «более доступен», избличают в анонимных судьях лиц, близких к партии социалистов-революционеров. Характерной чертой анонимки можно считать искусственное разочарование в якобы прежде горячих монархических чувствах составителей письма. В послании прямо указывается на то, что если ранее властители вели жизнь святую, распространяя на

всех подданных государственное благо, то современные правители «преданы отцу Вашему. Ибо Господь говорит: Всяк ненавидящий брата есть сын д...». Удивительная стыдливость «революционеров от крестьянства», не решившихся написать полностью наименование врага рода человеческого, и цитаты из Священного Писания могут также свидетельствовать об их желании выдать себя за представителей сельской общественности. В полном соответствии с известной двойственностью – цитаты из Евангелия соседствуют с желанием убить человека – потенциальные террористы, с одной стороны, расписываются в верности идеалам социализма, а с другой – демонстрируют своеобразное человеколюбие: «Все ваши доходы будут в наших руках. Уже давно бы мы всех вас перебили, но только жалели невинных детей и жен, которыми вы все, без исключения, очень богаты». Наконец, заключительная фраза письма содержала в себе не менее серьезную угрозу для монархии: «Поляки готовы крестьянам помочь»¹⁹.

Анонимные донесения за 1907 г. отразили беспокойство обывателей в связи с продолжающейся революцией. Письма в Московское охранное отделение изобилуют подозрительностью, вызванной не затихающей охотой на революционеров. Так, 10 апреля 1907 г. некий А. Воскресенский (фамилия, вероятно, вымышленна) предупреждал полицию о том, что «книгопродавец Николаев, торгующий по Никольской улице, в здании Городской Управы, что вплотную к Владимирским воротам, торгует революционной запрещенной литературой. Журнал “Былое” за март месяц сего года, который был запрещен, стоит даже в окне»²⁰. Объяснить тот факт, что после двух лет революции в центре города выставлялись запрещенные журналы, представляется затруднительным. Возможно, некоторые нижние чины московской полиции сочувствовали целям революционеров или просто не хотели лишиться раз рисковать своей головой, что вполне объясняется униженно скудным жалованьем и плохим, давно устаревшим вооружением²¹.

Похожее письмо, окрашенное в тона подозрительности, было написано анонимом, представившимся «Черносотенцем» в декабре 1906 г. Содержание послания живописует подробности ежедневной революционной борьбы: «Вы обыскивали Строгановское училище на Мясницкой улице, но ничего не нашли – а они опять все вооружены. Когда вы обыскивали помещение, то накануне этого дня они зарывали в землю финские ножи, пики, выломанные из ставен, самодельные кинжалы, патроны, зашивали в подушки револьверы, зашивали в перины ружья. Прошу, пожалуйста, общите их еще, так, чтобы неожиданно»²². «Черносотенец», не обвиняя прямо,

указывает на неспособность полиции осуществить квалифицированный обыск, найти спрятанное в койках оружие. Из-за профессиональной недобросовестности чинов политической полиции власть никак не могла искоренить революционное движение в студенческой среде – такой вывод напрашивается после прочтения анонимки радетеля самодержавия насчет «благонамеренности» учащихся Строгановского училища.

Недовольство полицией – довольно общее место для анонимных посланий первых лет XX столетия, однако в 1907 г. градус возмущения существенно поднялся. Некоторым обеспокоенным горожанам буквально мерещились повсюду революционеры: «Удивляюсь, чем занимаются агенты полиции – у них под самым носом вертятся люди, которые так много причиняют другим всякой подлости. Укажу вам двоих: В.С. Краева и его любовница Л.М. Чуракова. Эту пару я знаю давно – разыскиваю [В этом слове автор явно не дописал букву «т». – С. М.] как по политическим, так и по уголовным делам. Я же их встречаю чутьли не в каждом городе, где я бываю. Видно эту пару в Козлове, Томске, Туле, Пензе, Нижнем, Самаре, Саратове, Симбирске, Сызрани, Тамбове, несколько раз в Москве. Вчера я только возвратился из Казани и там эту пару встретил. Первый приобрел себе студенческую форму и занимается агентурой от фирмы Ундервуд и стереоскопическими снимками, а вторая проживает вместе с Краевым под чужим именем – состоит в партии с-р»²³. Удивительно, но факт: Московское охранное отделение запросило Адресный стол прислать все мужские и женские листки на фамилию Краев. И получило в ответ информацию о том, что «Краев Владимир Семенович, 30 л, Елизаветградский мещанин, Херсонской губернии, жил по 12 апреля 1906 года по Малому Палашевскому переулку, выбыл в Тверь». Полицию не смутили ни претензии на самостоятельные сыскные действия никем не уполномоченного автора анонимки, ни поразительная способность ездить по всей стране и видеть одних и тех же подозрительных личностей, переодетых и выдающих себя за других персон.

В 1907 г. сохранялась опасность и для официальных учреждений, в частности для сберегательных касс. В 12-м отделении Московской государственной сберегательной кассы, находившемся на Кудринской площади, в доме Салтыкова, были обнаружены подметные письма с угрозами и рисунками могил с датой смерти их потенциальных обитателей. Испуганные служащие банка могли прочитать текстовое приложение к рисункам: «Сим предупреждаются обитатели дома, что сберегательная касса будет взорвана бомбами ужасной силы»²⁴.

Подобные «черные метки» нередко оставляли представители активизировавшихся в течение революции групп анархистов и эсеров-максималистов. В частности, московские анархисты приговорили к смерти представителя администрации Московской центральной пересыльной тюрьмы: «...Вы, Помощник Начальника Московской Центральной Пересыльной тюрьмы, поручик Гартштейн приговорены к смерти за то, 1) во-первых, что подписали исполнение приговора над Исправляющим должность Начальника сей же тюрьмы Богрецовым. 2) за издевательство над вверенной Вам арестованной Фрумы Фрумкиной и в 3) за жестокое обращение с политическими арестованными (крепостниками)»²⁵.

Анонимные обращения в Московское охранное отделение накануне и в течение Первой революции в России передают настроения идейно противоположных общественных слоев Российской империи. Если представители революционных групп и объединений стремились затруднить работу полиции угрозами, дезинформационными сообщениями и «приговорами», отвлекая на подметные письма часть розыскного потенциала отделения, то проанархически настроенные обыватели, обуреваемые подчас не связанными с реальностью фобиями, усердно искали крамольников, указывая на людей, никакого отношения к подпольным кружкам не имеющих. Революционеров и их противников объединяло одно: те и другие нещадно критиковали полицию, иногда откровенно смеясь над их промахами в деле политического розыска.

Примечания

- ¹ Дунаева А.Ю. Реформы полиции в России начала XX века и В.Ф. Джунковский. М., 2012; Жаров С.Н. История оперативно-розыскной деятельности и ее правового регулирования в России. Челябинск, 2008; Измозик В.С. Служба перлюстрации и вольная русская печать: середина XIX века – 1917 год. СПб., 2008; Овченко Ю.Ф. Провокация на службе охраны // Новый исторический вестник. 2003. № 1 (9). С. 28–45; Он же. Московская охранка на рубеже веков: 1880–1904 гг. М., 2010; Он же. Безопасность империи. М., 2012.
- ² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 63. Оп. 24. Д. 44. Л. 117.
- ³ Там же. Л. 124.
- ⁴ Там же. Л. 8–9.
- ⁵ Там же. Л. 136.
- ⁶ Там же. Л. 135–136.
- ⁷ Там же. Л. 223.

- ⁸ Там же. Л. 224.
- ⁹ Там же. Л. 304.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1907. Д. 44. Л. 37.
- ¹¹ Там же. Оп. 24. Д. 44. Л. 382.
- ¹² Там же. Л. 389.
- ¹³ Там же. Оп. 1903. Д. 32. Л. 40.
- ¹⁴ Там же. Л. 49.
- ¹⁵ Там же. Оп. 24. Д. 44. Л. 348.
- ¹⁶ Там же. Л. 421.
- ¹⁷ Там же. Л. 318.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 313.
- ²⁰ Там же. Оп. 1907. Д. 44. Л. 15.
- ²¹ *Дунаева А.Ю.* Полиция Московской губернии в начале XX в.: условия службы и материальное положение // Новый исторический вестник. 2009. № 1 (19). С. 80–86.
- ²² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 1907. Д. 44. Л. 13.
- ²³ Там же. Л. 15–16.
- ²⁴ Там же. Л. 257.
- ²⁵ Там же. Л. 304.

С.В. Костерин

ВРЕМЕННЫЙ ВАРШАВСКИЙ КОМИТЕТ
ПО БОРЬБЕ С ГОЛОДОМ В РОССИИ
(1921–1922 гг.)

В статье на основе документов бывшего Пражского архива освещена история деятельности в Польше Временного Варшавского комитета по борьбе с голодом в России. Главное внимание уделено планам и деятельности комитета по оказанию помощи голодающим. Делается вывод о том, что, несмотря на желание облегчить участь голодающих в России соотечественников, реальной помощи комитет оказать не смог ввиду отсутствия соответствующих организационных и материальных возможностей.

Ключевые слова: русская эмиграция, Польша, Варшава, общественная организация, голод, эпидемия, помощь голодающим.

Голод 1921–1922 гг. – одна из наиболее трагических страниц отечественной истории, он стал общегосударственным бедствием и вызвал сочувственный отклик международных, благотворительных организаций за рубежом, а также в среде русской эмиграции, пытавшейся обратить внимание иностранных правительств и организаций на необходимость оказания помощи голодающим.

К наименее изученным вопросам этой темы относится деятельность небольших общественных организаций в разных странах, в основном состоявших из русских эмигрантов. Такие организации образовались в Париже, Берлине, Лондоне, Праге, Белграде, Константинополе, Эстонии, Финляндии и Польше. В данной статье осветим деятельность Варшавского Комитета по борьбе с голодом в России.

3 августа 1921 г. в Варшаве инициативной группой, состоявшей из российских эмигрантов, проживавших в Польше, в составе

А.Л. Бема, социалиста, сотрудника организации Б.В. Савинкова Н.Г. Буланова, кадета П.Э. Бутенко, Б.Р. Гершельмана, Л.В. Камчатова, В.Э. Кандыбы, В.А. Косинского, А.Г. Лелюхина, кадета Н.К. Штемберга принимается решение об организации Временного Варшавского Комитета по борьбе с голодом в России. Следует отметить участие в Комитете представителей диаметрально противоположных политических сил, начиная от монархистов и заканчивая социалистами. У них не получалось договориться в политической деятельности, но все они понимали, что только общими силами возможно помочь голодающим соотечественникам.

На первом заседании Комитета временным председателем избрали Петра Эрастовича Бутенко (1880–1960), по профессии инженера. В 1903 г. П.Э. Бутенко окончил Киевский политехнический институт, специалист по бетонному строительству. За несколько лет до революции 1917 г. вступил в кадетскую партию. Летом 1917 г. избран гласным Киевской городской думы, а в 1919 г. – Киевским городским головой. В эмиграции с 1920 г., жил в Югославии, потом переехал в Польшу. Причиной выбора П.Э. Бутенко, на наш взгляд, стала его роль в среде русской эмиграции в Польше. С 1921 г. он занимал должность уполномоченного Земгора в Польше и возглавлял Русский Попечительный Комитет об эмигрантах в Польше (РПК), оказывавший значительную всестороннюю помощь русским эмигрантам¹. Деньги, поступавшие от Земгора, проходили через руки П.Э. Бутенко, который их распределял между русскими общественными организациями. Поэтому в данном случае сыграл свою роль финансовый фактор и опыт П.Э. Бутенко в общественной работе.

По проекту положения о Комитете он создавался для объединения русских общественных сил в Польше и организации специалистов для совместной работы с русскими и международными организациями по ликвидации голода².

Исходя из анализа протоколов заседаний Комитета, можно сделать вывод о коллегиальном принятии всех решений. Также можно утверждать, что Комитет имел простую одноуровневую структуру, а должность председателя была формальной. Комитет подчинялся только польским законам.

На первом заседании 3 августа определили задачи. Они заключались в принятии мер к пополнению Комитета людьми, имеющими возможность принести пользу, в привлечении к участию в работе Комитета русских организаций через их представителей. Также в Комитете считали необходимым установить связь с Польским Комитетом помощи голодающим и с русскими комитетами

по борьбе с голодом в других странах. Кроме того, участники Комитета решили немедленно приступить к регистрации специалистов – медиков, железнодорожников и по продовольствию³. Таким образом, поставленные задачи свидетельствуют о том, что его члены понимали нереальность в одиночку помочь голодающим – миллионам! – русским, поэтому они стремились объединить русскую и польскую общественность для борьбы с голодом.

Заявление о создании Комитета нашло отклик в эмигрантской среде, и ряд организаций присоединились к деятельности Комитета. Уже 13 августа о своем желании сотрудничать заявили такие русские организации, действовавшие в Польше, как Русский Комитет, Миссия Российского Общества Красного Креста, Союз студентов-эмигрантов, Русская Академическая Группа. В Комитет в разное время входили: Н.Г. Буланов, П.Э. Бутенко, О.В. Воинов, Л.И., князь Д.В. Мещерский, Д.М. Одинец, В.И. Семенов, Н.С. Серебренников, П.Н. Симанский, Д.В. Философов и др.⁴ Входящие в Комитет люди играли значительную роль в деятельности русских эмигрантских организаций в Польше. Многие из них являлись руководителями общественных организаций и имели доступ к представителям высшей польской власти.

А.В. Урядова отмечает наличие в Комитете бывших депутатов Всероссийского Учредительного Собрания⁵, что не нашло подтверждения в выявленных нами документах. В составе Комитета большинство составляли представители Миссии Российского Общества Красного Креста в Польше и Русского Попечительного Комитета (РПК). Причина этого состоит в следующем: миссия РОКК в Польше, «идя навстречу высоким задачам Комитета по борьбе с голодом в России», вошла в полном составе в Комитет⁶, а РПК возглавлял П.Э. Бутенко – один из инициаторов создания Комитета по борьбе с голодом в России. Также в полном составе в Комитет вошел Русский Комитет в Варшаве⁷, заместителем председателя которого, а затем и председателем, являлся П.Э. Бутенко. В.И. Семенов – председатель Русского Комитета, также входил в Комитет по борьбе с голодом. Туда же вошли представители Академического Союза и Союза Студентов.

Русские эмигрантские организации в Польше вошли в состав Комитета еще и потому, что в среде общественно активной части русской эмиграции в Польше существовали тесные связи. Например, возглавляемый П.Э. Бутенко Русский Попечительный Комитет об эмигрантах в Польше оказывал помощь Русскому Комитету и Союзу Студентов⁸. Кроме того, многие организации находились в здании, принадлежащем Русскому Попечительному Комитету

(улица Маршалковская, дом 68). Также объединение организаций было необходимо для придания деятельности Комитета большого веса и легитимности, чтобы Лига Наций, международные благотворительные организации, польское правительство и т. д. восприняли всерьез деятельность и заявления Комитета.

В.А. Урядова пишет, что организации, состоявшие в Комитете, самостоятельно проводили работу по борьбе с голодом, что свидетельствует о недостаточно успешной работе Комитета в деле сплочения сил русской эмиграции. Например, культурно-просветительская комиссия Русского Комитета в Варшаве провела ряд лекций о голоде. Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России, как правило, поддерживал эти мероприятия организационно и финансово⁹. Но лекции не могли реально помочь голодающим, они лишь информировали общественность о ситуации в России и подпитывали страх перед наплывом голодных и больных людей в Польшу.

Временный Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России стремился координировать свою деятельность с работой и решениями Международного Красного Креста¹⁰ и установил с ним связь. 15 августа 1921 г. в Женеве под руководством Ф. Нансена состоялась международная конференция о помощи голодающим в России. Лига Наций отказалась принять участие в помощи голодающим в России и обвинила Нансена в симпатиях к большевикам и приверженности интересам советского правительства. Тогда Ф. Нансен устроил встречу с представителями Советской России, Германии, Австрии, Польши. Ее результатом стало создание организации комитета «Помощь Нансена» (по поручению Международного Красного Креста). Организация Ф. Нансена провела огромную работу по оказанию помощи голодающим Поволжья.

Варшавский Комитет по борьбе с голодом в России не был единственной организацией в Польше, созданной для помощи голодающим. По инициативе поляков, членов Польско-Русского Кола образовался Польский Общественный Комитет помощи голодающим в России¹¹. Варшавский Комитет попытался установить связи с Польским Комитетом и 5 августа обратился к нему с письмом, в котором говорилось о твердой уверенности в необходимости тесного сотрудничества комитетов¹². В ответном письме указывалось на то, что совместная работа возможна, но ситуация в Польше не позволяет рассчитывать на большую помощь¹³. Надежда Комитета на продуктивное взаимодействие с Польским Комитетом не оправдалась.

Организации по борьбе с голодом создавались и в Советской России. 21 июля 1921 г. в Москве возник Всероссийский комитет

помощи голодающим (ВКПГ), а декретом ВЦИК от 18 и 22 июля 1921 г. создавалась Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК. Появление ВКПГ заставило членов Варшавского Комитета обсудить вопрос о совместной с ним работе. На заседании 22 августа 1921 г. члены Комитета заслушали доклад Б.А. Евреинова «О задачах и формах деятельности Комитета и о необходимости выступить с декларативным заявлением о готовности к совместной работе с Московским Общественным Комитетом помощи голодающим». После прений по докладу Б.А. Евреинова постановили «признать излишним принимать решение об отношении к Московскому Комитету, а также выяснить в местных иностранных организациях могут ли и каким образом быть использованы русские эмигрантские силы для совместного с ними сотрудничества»¹⁴. Таким образом, сотрудничество Комитета с Москвой было отложено на неопределенный срок. Причины такого решения видятся в следующем: в ВКПГ состояли среди прочих коммунисты, а политические взгляды членов Варшавского Комитета были антикоммунистическими; по данным из Константинополя, имевшимся в распоряжении Комитета, председателем ВКПГ был избран изначально кадет Н.Н. Кутлер, но советское правительство не утвердило его, и председателем был избран большевик Л.Б. Каменев; членам Комитета стало известно об отсрочке на неопределенный срок предполагавшегося выезда за границу членов ВКПГ для привлечения иностранных организаций к делу помощи голодающим в России. Вследствие этих причин члены Варшавского Комитета могли не доверять ВКПГ, считая эту организацию не самостоятельной, а подконтрольной большевикам. Более предпочтительным для Комитета виделось сотрудничество с иностранными организациями, о чем и было сказано в резолюции. Что же касается сотрудничества с ЦК Помголом, то о сотрудничестве с ним не могло быть и речи, вопрос этот даже не обсуждался, так как Помгол создавался большевиками и действовал под их контролем.

Члены Комитета регулярно информировались о ходе работы по ликвидации голода в России, о мерах, предпринимаемых американскими общественными организациями и Международным Красным Крестом для оказания помощи голодающим, о переговорах этих организаций с советской властью. Но эта информация не служила основой для каких-либо конкретных шагов, а только использовалась для докладов на заседаниях общества.

Таким образом, члены Варшавского Комитета по борьбе с голодом летом 1921 г. не имели реальных возможностей для помощи

голодающим: с советскими организациями взаимодействие было невозможно по политическим мотивам, а собственными средствами Комитет не располагал. Средств организаций, входивших в Комитет, было недостаточно, кроме того, сами эмигранты нуждались во всесторонней помощи.

Весной 1922 г. стало очевидно, что голод в России может непосредственно затронуть Польшу. Весной 1922 г. началось усиленное движение с голодных мест – в Сибирь и Туркестан, а также на юг – в Украину. Кроме того, уже тогда многие голодающие направлялись на Запад – к границам Польши и Румынии, но суровая зима с глубоким снегом остановила их движение. С наступлением весны голодающие должны были двинуться ближе к границе, в надежде попасть в страны Запада. Часть голодающих с Волги направлялась в Украину, где, натолкнувшись на таких же голодающих, должна была направиться на Запад вместе с голодающими из Украины. «Никакие угрозы, никакие репрессии не остановят этого потока людей, ибо позади – одна смерть. Даже если они встретят на своем пути непреодолимую преграду, вроде военно-санитарного карантина, то и тогда они не пойдут назад, а будут скопляться в пограничной полосе. Места их стоянки сделаются очагами самой свирепой заразы, которая, несмотря на все мероприятия, будет просачиваться за кордон», – считали члены Варшавского Комитета. Тем более пограничная местность в районе Барановичей и вдоль Польской железной дороги вся была поражена эпидемиями. В Ровно всю зиму свирепствовал сыпной тиф. «Ровно и Барановичи являются главными пропускными пунктами беженцев. Смертность сильно поднялась при наступлении холодов. Приезжающие страшно слабы»¹⁵, – говорил член Варшавского Комитета Ю.Я. Азаревич весной 1922 г.

Русские общественные организации – Земгор и Красный Крест – по мере сил организовали помощь беженцам, устроили на границе чайно-питательные пункты, столовые и общежития, имелся план медицинской помощи¹⁶. Но это не могло решить проблему, так как рассчитывалось на отдельных беженцев, проникавших в Польшу и искавших в ней политического убежища.

Голодающие обеспечивались питанием, но не получали медицинской помощи, одежды; впрочем, и питания не всегда хватало. Правительство Польши образовало межведомственное совещание для обсуждения вопроса помощи голодающим в России¹⁷. Но так как Польша находилась в состоянии экономического и социального кризиса, выделять средства на помощь голодающим в России не спешила. Поэтому имеет смысл полагать, что совещание, прежде всего,

заботил вопрос проникновения в Польшу голодающих и возможного распространения в связи с этим эпидемий. Угроза эпидемий стала одним из ключевых аргументов при обращении Варшавского Комитета к польским организациям и правительству.

Весной 1922 г. шла подготовка к Международной санитарной конференции в Варшаве. Комитет составил меморандум, опубликованный в варшавской газете «Вестник эмигранта»¹⁸, где заявлял о готовности «принять участие в работах или конференции, или в заседаниях совещательного характера и осведомить конференцию о действительном положении дела в России, которое нам лучше известно и предложить свой исполнительный аппарат»¹⁹. Решение принять участие в конференции было обусловлено в том числе и желанием активной части русской эмиграции заявить о себе, показать свое значение и возможность принести пользу в защите Польши от эпидемий.

В меморандуме излагается план борьбы с голодом и эпидемиями. План включал в себя организацию нейтральной полосы вдоль границы России с Польшей, Румынией и прибалтийскими государствами; организацию санитарных участков; организацию управления по борьбе с эпидемиями; создание пунктов приема и обеззараживания прибывающих и выпускных пунктов²⁰.

В Комитете понимали, что правительство Польши и мировое сообщество необходимо убедить в необходимости помощи голодающим в России, поэтому члены Комитета, планировавшие озвучить свой доклад на Международной санитарной конференции в Варшаве, прогнозировали в нем бегство голодающих в Польшу. Но масштабную помощь польской стороны получить не удалось, так как, что уже отмечалось, Польша находилась в состоянии тяжелого, длительного экономического кризиса и сама получала помощь от АРА, поэтому оказать значительную помощь голодающим в России не могла.

Варшавский Комитет привлекал и регистрировал специалистов, имевших возможность оказать помощь голодающим, для отправки в Советскую Россию. К 4 августа 1921 г. Комитетом были зарегистрированы: по санитарной части – 10 врачей, 3 фельдшера и лекарственных помощника, 4 сестры милосердия; по транспорту – 1 инженер, 3 техника, 4 конторских служащих железной дороги; по продовольствию – 7 человек, работавших в общественных организациях по продовольствию на ответственных должностях, 23 работавших во время войны по продовольствию и транспорту в воинских частях²¹. В основном были зарегистрированы медицинские работники.

Главным условием, выдвигавшимся специалистами, была гарантия личной неприкосновенности. Один из специалистов, изъявивший желание отправиться в Россию, писал: «Ввиду того, что в Совдепии свирепствует холера, я изъявляю свое согласие работать в одном из отрядов эпидемических по борьбе с холерой в качестве фельдшера (я школьный фельдшер с 8-летним стажем и работал на эпидемии холеры 1915 г.) и согласен выехать во все те места, куда нужно, но чтобы личность моя не была прикосновенна никому в России, кроме Международного Красного Креста. Не верю ни одному комиссару и коммунисту ни в России, ни в Польше и нигде и если будет гарантия о неприкосновенности при работе на эпидемии, то я могу ехать, а лживым зазываниям и обещаниям со стороны большевиков не верю»²². Большевикам не доверяли, их боялись, считали их власть незаконной и преступной.

Международная санитарная конференция, где 20 марта 1922 г. был озвучен доклад Варшавского Комитета помощи голодающим, приняла положения о совместной борьбе с эпидемиями. В решении конференции отмечалось, что ликвидация и предотвращение эпидемий требует больших усилий, которые не под силу только заинтересованным государствам, поэтому все европейские правительства должны принять активное участие в борьбе с эпидемиями в Восточной Европе²³. Однако конференция в Варшаве не имела практического результата для помощи голодающим, так как была созвана под конец периода голода, а основную заботу ее составляло обсуждение, выработка мер и решение вопроса о финансировании предотвращения развития и ликвидации эпидемий в Восточной Европе, а не оказание реальной помощи голодающим.

Основными итогами восьмимесячной работы Варшавского Комитета стали: 1) объединение большинства русских эмигрантских и русских польских организаций; 2) установление связи с другими подобными организациями за рубежом; 3) разработка меморандума для санитарной конференции в Варшаве с обоснованием необходимости участия русских организаций в Польше в помощи голодающим в России и предотвращения гуманитарной катастрофы, а также включавшего в себя подробный план борьбы с голодом и эпидемиями; 4) пропаганда идеи, в том числе и в польском правительстве, о необходимости оказывать помощь голодающим. Таким образом, формально Комитет выполнил свои ближайшие задачи, правда на это потребовалось восемь месяцев, но действительной помощи Комитет оказать не мог, да и не планировал оказывать, здраво оценивая свои скромные возможности.

-
- 1 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
  - 2 Там же. Л. 23.
  - 3 Там же. Л. 6.
  - 4 Там же. Л. 15.
  - 5 *Урядова А.В.* Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах // Славяноведение. 2009. № 1. С. 12.
  - 6 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
  - 7 Там же. Л. 18.
  - 8 Там же. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 10. Л. 35–37 об.
  - 9 *Урядова А.В.* Указ. соч. С. 12.
  - 10 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
  - 11 Там же. Л. 41.
  - 12 Там же. Л. 10.
  - 13 Там же. Л. 41.
  - 14 Там же. Л. 22–22 об.
  - 15 Там же. Л. 1.
  - 16 Там же. Л. 166 об.–167.
  - 17 Там же. Л. 41.
  - 18 Вестник эмигранта (Варшава). 1922. 15 марта; 1 апр.; 16 апр.
  - 19 ГА РФ. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
  - 20 Там же. Л. 167–168 об.
  - 21 Там же. Л. 79.
  - 22 Там же. Л. 3 об.
  - 23 Вестник эмигранта (Варшава). 1922. 1 апр.

В.В. Коровин

УЧАСТИЕ ПОЛИТОРГАНОВ РККА В ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ (1941–1942 гг.)

В статье впервые в отечественной историографии рассматривается деятельность политических органов РККА по организации партизанской борьбы на основе впервые вводимых в научный оборот документов Центрального архива Министерства обороны РФ. Особое внимание уделяется рассмотрению участия политических органов фронтов и армий в формировании партизанских отрядов и координации их действий на территории Центрального Черноземья, оккупированной немецко-фашистскими войсками в 1941–1942 гг. Делается вывод о том, что вклад армейских политических органов в организацию сопротивления ограничивался содействием партизанам в пересечении линии фронта, а также распространением агитационных материалов на оккупированных территориях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА), политические органы РККА, партизанское движение, Центральное Черноземье.

В отечественной историографии партизанской борьбы в тылу немецко-фашистских войск изучение вопросов военного руководства сопротивлением на оккупированной территории сводилось, главным образом, к освещению деятельности Центрального и фронтовых штабов партизанского движения. Вне поля зрения исследователей долгие годы оставалась многоплановая работа политических органов фронтового, армейского и дивизионного звена по координации совместных действий РККА, партизанского движения и подполья, начатой еще летом 1941 г. Именно тогда на основании директивы Главного политического управления РККА от 19 августа 1941 г. при политуправлениях фронтов начали созда-

ваться отделы по партийно-политической работе среди населения и частей РККА, действующих на советской территории, занятой противником. В соответствии с директивой при политотделах армий создавались аналогичные отделения.

В задачи создаваемых отделов и отделений входили: установление и поддержание регулярной связи с частями РККА, находящимися длительное время в окружении и ведущими партизанскую борьбу, партизанскими отрядами из населения оккупированных областей; направление представителей в тыл врага для партийно-политического руководства партизанским движением; издание и распространение специальной литературы (памяток, листовок, обращений) среди населения оккупированных районов¹.

Изучение деятельности политорганов РККА по организации сопротивления немецко-фашистским захватчикам сопряжено с определенными трудностями. Более 70 лет остается закрытой для исследователей документация политуправлений фронтов и политотделов армий, находящаяся на хранении в Центральном архиве Министерства обороны РФ. В соответствии с установленной процедурой, в течение 2006–2013 гг. по нашей заявке был снят гриф «секретно» с некоторых архивных дел. Введение в научный оборот рассекреченных документов позволило значительно расширить представление о работе армейских структур по руководству партизанским движением в регионе.

Среди политорганов войск Западного направления одними из первых начали функционировать структуры политуправления Брянского фронта. Основное внимание в его работе уделялось организации партизанской борьбы в зоне Брянских лесов на территории Орловской области. Как следует из документов, 4-й отдел при Политуправлении был организован в августе 1941 г. В его штат входили четыре человека во главе с батальонным комиссаром М.И. Малковым. Перед ними стояла задача организации партизанских отрядов в прифронтовых районах и засылка партизан в тыл врага.

Работники отдела, выезжавшие в районы, оказывали помощь местным партийным органам в создании партизанских отрядов, инструктировали бойцов о предстоящей боевой деятельности в тылу противника. При их непосредственном участии были организованы партизанские отряды в Фатежском и Дмитровском районах Курской области, в ряде районов Орловской и Сумской областей².

Так, в информации Политуправления Брянского фронта (октябрь 1941 г.) содержались сведения о Дмитриевском и Фатежском партизанских отрядах Курской области, которые были укомплектованы личным составом, обеспечены вооружением и боеприпаса-

ми. Отмечалось, что общим недостатком в подготовке партизан к предстоящей борьбе было привлечение их к несению караульной службы в истребительных батальонах, использование на сельскохозяйственных работах³.

Факты участия представителей 4-го отдела Политуправления Брянского фронта в создании партизанских отрядов на территории Курской области и руководства ими не отражены в документах региональных архивов. Но в опубликованных воспоминаниях бывшего комиссара 1-й Курской партизанской бригады А.Д. Федосюткина содержится упоминание о посещении Дмитровска – центра одноименного района Курской области – командующим войсками Брянского фронта генерал-полковником А.И. Еременко. 17 сентября 1941 г., прибыв в райцентр, он пригласил в районный отдел связи первого секретаря РК ВКП(б) А.Д. Федосюткина, председателя райисполкома Ф.Р. Рудых и начальника районного отдела НКВД Д.В. Гололобова⁴. Детали этой встречи автор воспоминаний не раскрывает, но отмечает, что на ней поднимался вопрос и о создании районного партизанского отряда. Ведь накануне, 16 сентября 1941 г., в Курске было проведено совещание с руководителями прифронтовых районов, на котором поднимался вопрос об организации отпора оккупантам.

Выступивший на совещании генерал-полковник А.И. Еременко отметил: «Обстановка на фронте пока сложилась для нас неблагоприятная. Враг, имея превосходство в живой силе и технике, приближается к границам вашей области. Нашему фронту, наряду с ведением боевых операций, поручено решать вопросы координации совместных действий армии, партизанского движения и подполья. На захваченных врагом территориях уже действуют многочисленные партизанские отряды, подпольные группы... Если говорить кратко, то от вас требуется сделать все для того, чтобы земля горела под ногами у оккупантов. Только общими усилиями мы сможем остановить, а затем изгнать их с нашей священной русской земли»⁵.

Крайне тяжелая обстановка, сложившаяся на Брянском фронте в начале октября 1941 г., окружение 3-й, 13-й и 50-й армий не позволили до конца выполнить поставленные задачи по координации руководства сопротивлением в тылу. Поэтому реальное управление партизанскими отрядами Курской области со стороны Брянского фронта начнет осуществляться лишь летом 1942 г., после передачи их в подчинение штабу партизанского движения при Военном совете фронта.

Наиболее эффективно взаимодействие партизанских отрядов с политорганами РККА складывалось в полосе войск Юго-Запад-

ного фронта (ЮЗФ) – на территории южных районов Центрального Черноземья. В августе 1941 г. при Политуправлении фронта был создан 4-й отдел, который возглавил батальонный комиссар Г.Ф. Боровиков. Согласно «Положению об отделе по работе среди частей Красной Армии и партизанских отрядов в тылу противника»⁶, разработанному Политуправлением Юго-Западного фронта, в его штате, кроме начальника, было 6 старших инструкторов и секретарь.

За каждым инструктором закреплялось определенное направление деятельности. Два сотрудника отдела занимались проведением партийно-массовой работы среди находящихся в тылу противника частей РККА и партизанских отрядов. Одному из инструкторов поручалось проведение воспитательной работы с комсомольцами тех же подразделений. Отдельный инструктор отвечал за агитационно-пропагандистскую работу среди населения оккупированных районов, вербовку его в партизанские отряды и восстановление органов Советской власти в занятых противником населенных пунктах. Также в штате отдела состоял старший инструктор по информации и связи.

Анализ задач, ставившихся перед 4-м отделом Политуправления ЮЗФ, показывает, что фронтовые политорганы в августе 1941 г. слабо представляли специфику партизанской борьбы в тылу противника. Во-первых, попавшие летом 1941 г. в окружение части действующей армии быстро распадались как организованные воинские формирования. Оставшиеся в живых и не попавшие в плен военнослужащие мелкими группами или, чаще всего, поодиночке стремились пересечь линию фронта. Если этого не удавалось, они селились в оккупированных населенных пунктах под видом местных жителей. Поэтому организованно проводить партийно-политическую работу с указанной категорией военнослужащих было практически невозможно.

Во-вторых, установление регулярной связи с действующими в тылу противника формированиями путем направления представителями, да еще с привлечением авиации, танков, речного флота и железнодорожного транспорта, было неосуществимо из-за стремительно изменяющейся обстановки на фронте. По тем же причинам проблематично было организовать снабжение войсковых частей и партизанских отрядов агитационными материалами и инструкциями по дезорганизации вражеского тыла.

Руководство боевой деятельностью партизанских отрядов в южных и юго-западных районах Курской области длительное время осенью 1941 – весной 1942 гг. осуществляло 4-е отделение

политотдела 21-й армии Юго-Западного фронта. Отделение возглавлял старший политрук В.А. Чаплыгин. В его подчинении работали старшие инструкторы Жильников, Перов и Поздняков. Работу среди партизан сотрудники отделения начали проводить с октября 1941 г. Они участвовали в формировании партизанских отрядов и создании их продовольственных баз, проведении агитационно-политических мероприятий среди личного состава, определении явочных квартир и установлении паролей, разработке планов диверсионной деятельности.

Первые месяцы работы 4-го отделения политотдела 21-й армии в организации партизанского движения выявили значительные недостатки в деятельности местных органов власти. В докладе на имя начальника Политуправления ЮЗФ бригадного комиссара С.Ф. Галаджева отмечалось, что «не все местные партийные и советские организации достаточно серьезно отнеслись к организации партизанских отрядов. Имело место нарушение принципа добровольности и персонального отбора в отряд, не учитывалось состояние здоровья и степень пригодности отдельных людей, не всегда удачный подбор руководства отрядами (начальник отряда, комиссар, начальник штаба)»⁷.

Среди недостатков назывались отсутствие связи между партизанами и населением оккупированных районов, необеспеченность отрядов радиоприемниками, невыполнение указаний по формированию диверсионных групп и разработке планов диверсионной деятельности. Армейские политработники критически относились к боеспособности оставленных в тылу партизанских отрядов. В частности, отмечалось, что Грайворонский и Большетроицкий отряды Курской области не вступают в бой с противником из-за боязни выдать собственное местонахождение. С партизанами Борисовского района пришлось организовывать занятия по изучению материальной части оружия⁸.

Осенью 1941 г. работники 4-го отдела Политуправления ЮЗФ, занимаясь вопросами организации партизанского движения, посетили ряд районов Курской области. Так, старший инструктор 4-го отдела батальонный комиссар С.С. Шевчук, побывав в Валуйском районе, провел собрания с личным составом партизанских групп, проверил обеспеченность их оружием и одеждой. В Валуйской типографии было издано шесть наименований листовок, общим тиражом 18 000 экземпляров. Часть листовок была заложена в тайники на случай возможной оккупации района.

Во время пребывания в Новом Осколе (здесь в это время находился штаб 21-й армии), С.С. Шевчук провел совещание с ру-

ководителями районных органов власти. Как удалось выяснить, численность партизанского отряда ограничивалась райкомом партии, выполнявшим плановые показатели, полученные из Курского обкома ВКП(б). Не было предусмотрено создание отряда в Касторенском районе. По мнению политработника, кадровые резервы и материальные возможности для этого имелись⁹.

Находясь в штабе 40-й армии, который дислоцировался в Старом Осколе, батальонный комиссар С.С. Шевчук занимался вопросами переброски участников сопротивления на оккупированную территорию. В тыл противника был направлен Валуйский партизанский отряд. Два организатора, семь пропагандистов и связных с листовками и агитационными материалами были командированы в Беловский, Льговский, Обоянский, Суджанский и другие районы Курской области. В течение ноября–декабря 1941 г. через линию фронта авиацией и пешим порядком было переправлено 100 тыс. экземпляров листовок 16-ти наименований, которые способствовали подъему населения на борьбу с оккупантами.

Оценивая эффективность проводимой работы, С.С. Шевчук внес ряд рациональных предложений. Во-первых, посылаемые в тыл партизанские отряды не знали районов предполагаемых действий и не имели мест базирования, что могло привести к их быстрому разгрому. Поэтому целесообразнее было направлять в оккупированные населенные пункты организаторов, способных поднять на борьбу местных жителей. Во-вторых, направляемых пешком в глубокий тыл противника связных и организаторов разумнее было оставлять на оккупированной территории до прихода частей РККА, не требуя их повторного перехода через линию фронта.

Еще одно предложение касалось запрета редакторам газет публиковать информацию о методах партизанской борьбы. После выхода в свет материалов о боевых операциях партизан их тактика становилась известной оккупантам, что позволяло им совершенствовать контрпартизанские действия.

Во взаимоотношениях с областными органами власти у армейских политработников не было достигнуто согласия по вопросам связи с партизанскими отрядами, оставленными в тылу противника. Информацией о местах базирования, явочных квартирах и паролях для связи с партизанами располагали только сотрудники местных структур НКВД. Но они не делились ею с политорганами РККА. Начальник УНКВД по Курской области капитан госбезопасности П.М. Аксенов мотивировал отказ в предоставлении сведений необходимостью получения разрешения Наркомата обороны СССР. В результате посылаемые через линию фронта 4-ми отделениями

политотделов армий связные и организаторы должны были самостоятельно искать способы связи с партизанскими отрядами¹⁰. При этом в ходе организации отрядов сотрудниками НКВД давалось указание расстреливать лиц, пришедших без паролей¹¹.

Понимая слабую эффективность организации связи с партизанскими формированиями посредством посыльных, многие сотрудники 4-х отделений и отделов обращались с докладными записками в вышестоящие политорганы с предложением обеспечить отряды радиостанциями. Но, как свидетельствуют документы, до весны 1942 г. не было технической возможности предоставить в распоряжение партизан средства радиосвязи.

В ноябре 1941 г. работу по подготовке к организации партизанских отрядов на территории Воронежской области проверял старший инструктор 4-го отдела Политуправления ЮЗФ батальонный комиссар Ткаченко. Ситуация с созданием партизанских формирований в районах области оказалась противоречивой. Если в Острогжском, Лискинском и Хреновском районах отряды были укомплектованы личным составом, то в Алексеевском и Бобровском районах к этой работе даже не приступали. Была выявлена тенденция к включению в списки партизанских отрядов только ответственных партийных работников районного звена, тогда как рядовых коммунистов, беспартийных рабочих и колхозников к предстоящей борьбе в тылу противника не готовили. Неравномерно распределялось и вооружение между отрядами. Например, в Лискинском районе на 35 бойцов имелось 85 винтовок, а в Хреновском – на 40 человек всего две¹².

Изученные документы политотдела 21-й армии дают достаточно полную характеристику партизанских отрядов, действовавших в зоне ее дислокации. В донесении начальника 4-го отделения политотдела 21-й армии В.А. Чаплыгина начальнику 4-го отдела Политуправления Юго-Западного фронта батальонному комиссару Г.Ф. Боровикову, датированном январем 1942 г., сообщалось, что отделение имеет связь с Больше-Писаревским, Сумским, Белгородским, Сажновским, Микояновским партизанскими отрядами. Белгородский и Сажновский отряды находились в полосе фронта и действовали в тылу. Этими отрядами велась разведка и засылка отдельных диверсионно-истребительных групп в тыл противника.

Белгородским партизанским отрядом во взаимодействии с частями РККА был проведен ряд операций. Отряд активно распространял листовки на оккупированной территории. Причем для этого использовались собаки и телята, которым привешивали на шею кипы листовок и переправляли в сторону противника. Активное

участие во взаимодействии с частями РККА в боевых операциях принимали резервные Шебекинский и Корочанский отряды. Отделение принимало меры для восстановления распавшихся партизанских отрядов в Борисовском, Грайворонском, Больше-Писаревском и Томаровском районах.

4-м отделением Политотдела 21-й армии были подобраны 20 человек из партийного актива Белгородского и Сажновского районов, находящихся в резерве Курского обкома ВКП(б) и направлены в села, освобожденные от немецких оккупантов, для проведения массово-политической работы и укрепления Советской власти на местах¹³.

В донесении от 22 февраля 1942 г. начальник 4-го отделения докладывал о десяти партизанских отрядах, действовавших в полосе обороны армии, каждый из которых имел на своем боевом счету от 40 до 100 уничтоженных вражеских солдат и офицеров. В связи с зимним наступлением частей РККА отряды были расставлены на определенных стратегических участках для их переброски в тыл противника.

С заданием установления связи с партизанскими отрядами, организации партизанских групп и проведения разъяснительной работы с населением оккупированных территорий 4-м отделением через линию фронта было переправлено 40 человек и 19 – со специальным заданием опергруппы при Военном совете Юго-Западного фронта. По заданию Политуправления фронта в тыл противника также были направлены сотрудники 4-го отделения старший политрук Жильников и политрук Рожков.

С целью уничтожения коммуникаций противника в районы населенных пунктов Мелехово и Прохоровка были направлены две диверсионные группы саперов. Группа из восьми партизан, направленная для минирования дороги Дальняя Игуменка – Белгород уничтожила 5 автомашин с живой силой и боеприпасами противника.

Проведение агитационно-разъяснительной работы с населением оккупированной территории и вражескими войсками осуществлялось путем распространения печатной продукции. С декабря 1941 по февраль 1942 г. 4-м отделением было переправлено в тыл противника наземными средствами и авиацией 40 000 экземпляров листовок, из которых 20 000 подготовил Политотдел армии¹⁴.

В конце 1941 – начале 1942 г. в зоне обслуживания 4-го отделения Политотдела 40-й армии находились юго-восточные и восточные районы Курской области. Инструкторами отделения в это время велась подготовительная работа по заброске в тыл против-

ника трех партизанских отрядов Старооскольского района. Была установлена связь с несколькими партизанскими отрядами. Бойцы Хотенского отряда Сумской области, дислоцировавшегося в расположении 1034-го стрелкового полка 293-й стрелковой дивизии в с. Мантурово Курской области, взаимодействовали с военнослужащими, выполняли их разведывательные задания¹⁵.

В январе 1942 г. 4-м отделением политотдела 40-й армии было переправлено через линию фронта 19 связных, пропагандистов и организаторов партизанских отрядов в Солнцевский, Большесолдатский, Беловский, Обоянский, Льговский и Кореневский районы Курской области¹⁶.

Изменение обстановки на фронте расширило объем работы 4-го отделения Политотдела армии. Директивой начальника Политуправления Юго-Западного фронта дивизионного комиссара С.Ф. Галаджева от 8 февраля 1942 г. № 0011¹⁷ на работников 4-х отделений было возложено не только руководство работой среди партизанских формирований, действующих в тылу противника и прифронтовой полосе, но и проведение партийно-политической работы среди населения временно оккупированной территории и местностей, освобожденных от врага, а также оказание помощи партийным и советским организациям в восстановлении органов Советской власти и мобилизации местного населения в помощь оперирующим на фронте частям РККА. Кроме этого, от них требовалась посылка своих представителей в тыл врага для усиления разъяснительной работы и призыва к участию в сопротивлении немецким оккупантам.

В связи с отсутствием в штатах политотделов дивизий специального инструктора по работе среди населения, частей РККА и партизанских отрядов, действующих в тылу противника, на заместителей начальников Политотделов дивизий возлагалась персональная ответственность за проведение мероприятий.

Кадры для этой работы предполагалось подбирать из партизанских отрядов прифронтовой полосы, из отрядов, ранее действовавших на территории, освобожденной РККА, а также из местного партийно-комсомольского и советского актива, проявляя при этом максимальную обидительность и оперативность. Для координации действий партизанских отрядов и диверсионных групп с личным составом дивизии, перед началом и в ходе наступательных операций на Политотделы возлагалась переброска партизанских отрядов и диверсионных групп, находившихся в полосе действия дивизии.

В освобожденных населенных пунктах политработники дивизий должны были восстанавливать органы Советской власти, ставя

задачи широкого привлечения населения освобожденного пункта в помощь РККА в разгроме немецко-фашистских оккупантов. После проведения организационной работы они должны были немедленно собирать население и силами пропагандистов разъяснять положение в стране, рассказывать об успехах Красной армии, работе советского тыла и задачах населения прифронтовой полосы.

Перед дивизионными политорганами ставились задачи оформлять документацию (фотографирование, составление актов) грабежа и зверств немецких оккупантов над населением освобожденных населенных пунктов. Собранные материалы срочно представлять через Политотдел армии Политуправлению фронта для дальнейшей пересылки в Главное политическое управление РККА.

В полосе действия дивизии требовалось заранее подбирать и готовить из числа местных жителей людей для ведения партизанской войны с оккупантами на случай временного оставления нашими частями того или иного населенного пункта. О ходе выполнения директивы начальники 4-х отделений обязывались сообщать в Политотдел армии специальным донесением еженедельно. Новые обязанности, возложенные на политорганы армейского и дивизионного звена директивой начальника Политуправления Юго-Западного фронта, предполагали развитие наступательного успеха его войск.

В связи с расширением задач, стоявших перед 4-ми отделениями Политотделов, руководители 38-й армии обратились к начальнику Политуправления ЮЗФ с предложением создать при 4-х отделениях две группы. Одна из них занималась бы вопросами партийно-политической работы с партизанами, населением оккупированных территорий и освобожденных населенных пунктов. На вторую группу предполагалось возложить оперативную работу по подготовке и переброске в тыл врага диверсионных групп, связанных с партизанскими отрядами, пропагандистов¹⁸.

В районе деятельности армии, кроме 4-го отделения Политотдела, зафронтовой работой параллельно занимались две оперативные группы НКВД, оперативная группа Военного совета Юго-Западного фронта и 4-й отдел УНКВД. Все они работали самостоятельно. Предлагалось объединить группы, подчинив их Политотделам армий.

Для решения этой проблемы начальник 4-го отдела Политуправления Юго-Западного фронта Г.Ф. Боровиков обратился к начальнику 4-го отдела Главного политического управления РККА бригадному комиссару А.Ф. Киселеву с просьбой поставить вопрос перед НКВД СССР о передаче его областными структурами све-

дений о дислокации партизанских отрядов, действующих в полосе обороны фронта. Поскольку вопрос о разграничении полномочий между обкомами ВКП(б), областными УНКВД и политорганами РККА оставался открытым, для разъяснения ситуации Г.Ф. Боровиков просил выслать директивные документы ЦК ВКП(б) и НКВД СССР по руководству партизанским движением¹⁹.

Пока решение вопроса о руководстве борьбой в тылу войск противника находилось в стадии разработки, ряд армейских политорганов самостоятельно пытался урегулировать взаимоотношения с местными властными структурами. В марте 1942 г. был подготовлен план совместных мероприятий 4-го отделения Политотдела 40-й армии с 4-м отделом УНКВД по Курской области²⁰. Согласно плану, в три крупных партизанских отряда, действовавших в оккупированных районах области, направлялись представители Политотдела армии с задачами проведения агитационно-разъяснительной работы, вовлечения местного населения в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками, организации связи и взаимодействия партизан с частями Красной армии. 4-е отделение брало на себя обязательство содействия в переброске через линию фронта кадров связных, пропагандистов и организаторов, снабжение их печатной продукцией. От 4-го отдела УНКВД требовалось оперативное предоставление информации о дислокации партизанских отрядов.

После того как 1 апреля 1942 г. 40-я армия Юго-Западного фронта была передана в состав Брянского фронта, для установления связи и организации руководства партизанскими силами, действовавшими в зоне Брянских лесов, была направлена группа политработников во главе со старшим инструктором 4-го отдела Политуправления Брянского фронта батальонным комиссаром И.Д. Калинин. В течение нескольких дней он ознакомился с состоянием добровольческих военизированных формирований, базировавшихся тогда в южных районах Брянских лесов. Высоко оценивая боеспособность отрядов № 1 и № 2 им. Ворошилова, Сумского (под командованием С.А. Ковпака), он отметил, что курские и сумские партизаны длительное время «отсиживались и оторвались от своих районов»²¹. Предлагаюсь направить в зону Брянских лесов группу ответственных работников областных органов власти, сотрудников Оперативного и Разведывательного отделов штаба армии.

Характеризуя потенциальные возможности партизанского края, И.Д. Калинин указывал, что это – могучая сила, повседневно разрушающая коммуникации и уничтожающая живую силу про-

тивника. Они «живут полнокровной жизнью боевых отрядов и их трудно отличить от частей Красной Армии. Личный состав преимущественно кадровый, имеются все специалисты, организованы мастерские – даже оружейников»²².

Но эта сила использовалась не в полной мере. Для повышения эффективности боевой деятельности партизанских отрядов южной зоны Брянских лесов они были подчинены объединенному штабу под командованием Д.В. Емлютина.

Весной 1942 г. на оккупированной территории Курской области и в прифронтовой полосе обороны 40-й армии находилось 14 партизанских отрядов, о которых 4-е отделение ее Политотдела располагало информацией²³. По сведениям, полученным от связанных и из радиogramм, стало известно, что в это время в тылу противника действовали Дмитриевский, Троснянский, Хомутовский и Коньшевский отряды. Из-за предательства местных полицейских прекратил существование Беловский партизанский отряд. При переходе линии фронта был рассеян Суджанский отряд²⁴. В первой половине мая 1942 г. 4-м отделением совместно с 4-м отделом УНКВД по Курской области были подготовлены к переброске в тыл противника Медвенский, Старооскольский, Новооскольский, Обоянский и Кривцовский партизанские отряды, которые находились на линии фронта.

10 мая 1942 г. Военный совет 40-й армии принял постановление № 0021 «О ликвидации параллелизма в руководстве партизанскими отрядами и активизации их боевой деятельности». В целях активизации партизанского движения в полосе действия армии создавалась оперативная группа по руководству партизанскими отрядами. В ее состав вошли: член Военного Совета 40-й армии бригадный комиссар И.С. Грушецкий, начальник Политотдела 40-й армии бригадный комиссар В.И. Уранов, заместитель начальника штаба – начальник Оперативного отдела штаба армии полковник Н.В. Еремин, секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин, заместитель начальника областного управления НКВД В.Т. Аленцев, начальник Разведотдела штаба 40-й армии полковник С.И. Черных. Опергруппе предлагалось разработать план мероприятий по оказанию конкретной помощи партизанским отрядам и оживлению их боевой деятельности²⁵.

Разработанный план боевой деятельности партизан и диверсионных групп на участке 40-й армии в период с 15 мая по 1 июня предусматривал: нарушение железнодорожной перевозки войск, боеприпасов и материальной части по важнейшим магистралям области; срыв переброски войск по автомобильным дорогам; унич-

тожение складов горючего и боеприпасов; нападения на штабы противника с целью уничтожения лиц офицерского состава и захвата оперативно-боевых документов; сбор разведанных о противнике. В плане указывались населенные пункты, в которых находились вражеские штабы и базы снабжения (Курск, Льгов, Обоянь, Суджа, Щигры, Охочевка и другие) и где должны были проводиться в намеченные сроки операции курских партизан. К 14–15 мая 1942 г. планировалось перебросить в тыл противника руководство Льговского и личный состав Кривцовского и Обоянского партизанских отрядов, кроме этого – диверсионные группы, численностью 50 человек, находившиеся на линии фронта в районах: Солнцево, Тим, Черемисиново. Самый важный пункт плана касался обеспечения партизанских отрядов материальными средствами, документами, боеприпасами, средствами связи; эта задача возлагалась на штаб 40-й армии. Организовать пункты переправы и провод партизан через линию фронта должен был Разведотдел штаба армии. Для переброски людей, боеприпасов, вооружения и продовольствия в глубокий тыл противника привлекались самолеты 206-й авиационной дивизии. Подготовленный план боевых действий 13 мая 1942 г. был утвержден командующим 40-й армии генерал-лейтенантом артиллерии М.А. Парсеговым²⁶.

Медвенский партизанский отряд был переправлен в тыл противника на участке обороны 21-й армии по договоренности с командованием 8-й мотострелковой дивизии. Но неоднократные попытки кривцовских и обоянских партизан перейти на том же участке линию фронта не увенчались успехом. В результате они вынуждены были вернуться в расположение 62-й стрелковой дивизии 40-й армии.

Некоторые отряды оставались в прифронтовой полосе не только по причине усиления вражеской обороны, но и из-за нежелания их командования рисковать жизнью. Так, после предварительной подготовки в сопровождении пяти армейских разведчиков к линии фронта был направлен Новооскольский партизанский отряд под командованием Н.Д. Иерусалимова. Доведя отряд до переднего края обороны противника, разведчики возвратились, сообщив о благополучном переходе отряда в тыл. Но вскоре отряд вернулся назад. Командир отряда объяснил решение неумением ориентироваться по компасу и карте в ночное время. Впоследствии Н.Д. Иерусалимов покинул расположение дивизии. 12 бойцов отряда написали заявления об отказе выполнить боевое задание на оккупированной территории.

После тщательной проверки на знание поставленных перед партизанами задач и предварительной разведки местности, в ночь

с 30 апреля на 1 мая 1942 г., к линии фронта был направлен Старооскольский отряд (численностью 30 человек) и представитель Политотдела 40-й армии М.М. Варфоломеев. Их сопровождали разведчики 104-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии. Пройдя вглубь территории противника на 5 км, отряд подошел к деревне Возрождение, где был обстрелян боевым охранением врага. Растерявшись, командование решило вернуться назад. Но в панике партизаны сбились с ориентиров и угодили в засаду у хутора Солнцев-Верх. Оставшись без твердого руководства, бойцы разделились на группы и с потерями в 12 убитых и одного раненого ушли в расположение советских войск²⁷.

Противоречивым было отношение к переброске в тыл противника партизанских отрядов и у командования ряда войсковых частей РККА. Начальник Разведотдела штаба 21-й армии полковник И.С. Хохлов заявлял, что военными было многое сделано для переброски: «выделены разведчики, показаны проходы, выдано продовольствие (на 4 дня) и взрывчатка, однако отряды не перешли». Комиссар 293-й стрелковой дивизии 40-й армии, старший батальонный комиссар А.М. Богданов заявлял руководству Белгородского отряда: «Я не знаю, что с вами делать. Пройти в тыл невозможно. Ищите сами проход – правее или левее. Вообще из вас лучше сделать роту». Командир дивизии генерал-майор П.Ф. Лагутин отмечал: «Перебросить вас в тыл врага возможности нет. Могу вас выбросить на танках. Танки пройдут, но вас всех перебьют». Особый отдел 1-й гвардейской стрелковой дивизии (командир – генерал-майор И.Н. Руссиянов) без основания отобрал у Микояновского партизанского отряда рацию и трофейные автоматы²⁸.

Вообще, видение ситуации с направлением в тыл противника партизанских отрядов у представителей местных органов власти и военного командования было диаметрально противоположным. Так, в докладной записке 4-го отдела УНКВД по Курской области в обком ВКП(б) отмечалось, что штаб 297-й стрелковой дивизии (командир – полковник Н.М. Московцев), занимавшей оборону в районе Беленихино – Прохоровка, томаровских партизан в тыл не перебрасывал, а использовал для патрулирования и ведения разведки. Начальник штаба Томаровского партизанского отряда В.М. Зезюкин командованием дивизии был назначен начальником гарнизона на хуторе Львов. Под его руководством партизаны патрулировали этот населенный пункт²⁹.

В докладной записке старшего инструктора 4-го отделения Политотдела 21-й армии, старшего политрука Жильникова морально-волевое состояние и боевая подготовка томаровских партизан

были оценены иначе³⁰. Для переброски на оккупированную территорию отряд был разбит на три группы.

После проведения инструктажа командиром и комиссаром 297-й стрелковой дивизии, 25 апреля 1942 г., первая группа в количестве 8-ми человек была направлена к линии фронта. Бойцы пробыли на переднем крае обороны в районе с. Малиновка до 30 апреля и, израсходовав 5-суточный запас продуктов, вернулись на хутор Львов. Группа не предприняла ни одной попытки перехода в тыл, хотя ею руководил начальник штаба отряда В.М. Зезюкин.

Вторая группа, возглавляемая командиром отряда В.А. Дობрохотовым, была проведена армейскими разведчиками мимо вражеских огневых точек в ночь с 4 на 5 мая 1942 г. Пройдя овраг, разделяющий рубежи обороны, партизаны залегли. Дождавшись полнолуния, бойцы повернули назад, ссылаясь на то, что при ярком свете луны они могли быть моментально обнаружены противником. Повторная попытка пересечь линию фронта на следующую ночь также не дала положительных результатов. Разложению дисциплины в отряде способствовало и поведение комиссара, секретаря РК ВКП(б) Т.А. Енина.

Но весной 1942 г. оперативная обстановка сложилась таким образом, что части 21-й, 38-й и 40-й армий вынуждены были вести непрерывные оборонительные бои. Поэтому установка на увеличение числа партизанских отрядов, действующих в ближнем тылу противника, оказалась трудновыполнимой.

Таким образом, вклад политорганов РККА в организацию партизанского движения ограничивался оказанием содействия местным органам власти в пересечении линии фронта организаторами, связными, пропагандистами, а также распространением агитационных материалов на оккупированных территориях. Будучи неподотчетными территориальным властным структурам, армейские политработники с достаточной степенью критичности оценивали их деятельность по руководству партизанской борьбой и подпольем, при этом не всегда объективно показывая собственную роль в этом процессе.

Примечания

- ¹ Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 20 (9). М., 1999. С. 23–24.
- ² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1074. Л. 57.

- 3 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 202. Оп. 36. Д. 22. Л. 17–18.
- 4 *Федосюткин А.Д.* На земле железной (записки комиссара Первой Курской партизанской бригады) // Курские мемуары. Вып. 1. Курск, 2006. С. 16.
- 5 Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 8. Л. 2.
- 6 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 2–4.
- 7 Там же. Л. 306.
- 8 Там же. Л. 308.
- 9 Там же. Л. 483–484.
- 10 Там же. Л. 266, 463.
- 11 Там же. Ф. 220. Оп. 242. Д. 4. Л. 23.
- 12 Там же. Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 258–260.
- 13 Там же. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 23–24.
- 14 Там же. Л. 55–57.
- 15 Там же. Ф. 229. Оп. 213. Д. 41. Л. 19–20.
- 16 Там же. Л. 143–146.
- 17 Там же. Ф. 335. Оп. 5136. Д. 130. Л. 131–133.
- 18 Там же. Ф. 220. Оп. 242. Д. 1. Л. 90–91.
- 19 Там же. Л. 88.
- 20 Там же. Л. 104.
- 21 Там же. Ф. 202. Оп. 36. Д. 275. Л. 52.
- 22 Там же. Л. 55.
- 23 Там же. Д. 147. Л. 292–297.
- 24 Суровая правда войны: 1942 год на Курской земле: Сб. документов. Ч. 2. Курск, 2004. С. 357.
- 25 Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.
- 26 Там же. Л. 74–76.
- 27 ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147. Л. 298.
- 28 Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 4-го отд. УНКВД КО. Д. 54. Л. 264–266.
- 29 Там же. Л. 266 об.
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 213. Д. 41. Л. 471–471 об.

ЗАЩИТА ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются проводимые мероприятия и взаимодействие партийных и государственных учреждений по защите военной и государственной тайны в 1941 – осенью 1942 г. Благодаря принятым мерам удалось не допустить утечки значительной части сведений военного и государственного значения и в значительной мере заблокировать действие разведки противника в данном направлении.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, ЦК ВКП(б), Народный комиссариат внутренних дел СССР, Народный комиссариат государственной безопасности СССР, военная тайна, государственная тайна, цензура, контрразведка.

С началом Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 г. на территории ряда республик, краев и областей было объявлено военное положение. Война особо остро поставила вопрос о соблюдении секретности, о сохранении военной тайны, задачи сохранения которой в связи с войной усложнились.

В первую очередь с началом военных действий вводятся подготовленные на случай войны «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время», которые уже на второй день войны, 23 июня 1941 г., Главлит направляет в ЦК ВКП(б) и СНК СССР для утверждения. Кроме этого, предлагается сразу же ввести цензуру писем и телеграмм, поступающих из-за границы и отправляемых из страны, а также на территориях, где объявлено военное положение, причем цензуру предлагалось возложить на НКГБ, а в учреждениях полевой по-

чты – на органы Наркомата обороны, а также прекратить выпуск многотиражек промышленных предприятий, отраслевых журналов наркоматов, организаций, учреждений, прекратить высылку по подписке и в порядке обмена печать из СССР в Германию, Италию, Румынию, Финляндию, Болгарию, Грецию, Норвегию, как и в другие вражеские или оккупированные страны, аннулировать подписку, принятую от иностранных представительств перечисленных государств, на все издания, выходящие в СССР, запретить переговоры частных лиц по международному и радиотелефонам¹.

В итоге по предложению уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати и начальника Главлита (далее уполномоченный СНК СССР) с 22 июня 1941 г. цензурными органами по всей стране был введен в действие «Перечень сведений, составляющих военную и государственную тайну на военное время»; введены требования Перечня в телеграфной переписке и междугородних телефонных переговорах; запрещен вывоз за границу заводских, районных, городских, областных, краевых, республиканских газет; запрещена межрайонная и межобластная подписка внутри страны.

25 июня 1941 г. приказом начальника Главного управления гидрометеорологической службы Союза ССР при СНК № 271сс во всех ведомствах СССР был установлен на военное время порядок сбора, распространения и использования гидрометеорологических сведений на условиях секретного кодирования. Все метеобюллетени были внесены в разряд документов с грифом «секретно» и «дсп». Данный приказ был согласован с Генштабом РККА, НКВД, НКГБ, Главморштабом ВМФ. Приказами уполномоченного СНК СССР по защите военных и государственных тайн в июне 1941 г. были аннулированы подписки и выписки советских изданий иностранных представительств и консульств Германии, Италии, Румынии, Греции, Финляндии, Венгрии, Словакии. Также запретили в военное время продавать, а библиотекам выдавать карты, схемы, атласы, планы путей сообщения, справочники, фотоснимки городских улиц, сооружений (шлюзы, плотины, мосты, электростанции, железнодорожные станции и вокзалы, предприятия, фабрично-заводские корпуса и т. п.)².

По военным вопросам Главлит взаимодействовал с военным командованием. Так, по указанию Генштаба Красной армии в целях сокрытия масштаба гарнизонов, запрещалось показывать в публикациях приказов и распоряжений военные звания начальников гарнизонов³. Циркулярным письмом Главлита № 1780/с от 28.06.41 г. всем Главкрайобллитам было предписано следить, чтобы

при опубликовании объявлений о введении военного положения в приказах военного командования или постановлениях о военном положении на местах не должны упоминаться номера и названия воинских частей⁴. Приказом уполномоченного СНК СССР с 1 июля 1941 г. было временно запрещено издание 174-х журналов с общим тиражом 4762 тыс. экземпляров⁵. В сентябре 1941 г. было запрещено указывать, какие части Красной армии и куда возвращались после окончания боевых действий, а в целях воспитания трудящихся на примерах героизма разрешалось лишь описание эпизодов боевых действий. Тактика частей Красной армии могла быть показана только в пределах материалов, опубликованных в центральной газете «Красная звезда»⁶.

Необходимо было не дать разглашать сведения и о работе, и подготовке тыла к обороне. Так, циркулярными письмами уполномоченного СНК СССР всем начальникам Главкрайобллитов, начальникам отделений и уполномоченным центрального аппарата в июле 1941 г. запрещалось в открытой печати и радио давать сведения о работе Гражданского воздушного флота в военное время, дислокации флотилий, авиаотрядов и авиагрупп, территориальных управлений, ранее разрешенных, запрещалось также разглашать все сведения о работе аэроклубов Осоавиахима в военное время и дислокацию их аэродромов⁷, не разрешалось издание книг, статей, газет и радиопередач по вопросам противовоздушной обороны без визы ГУ МПВО НКВД⁸, а также показывать организационную структуру частей народного ополчения (корпус, дивизия, полк и т. д.), пункты обучения и расположения, их численный состав и нумерацию. В целях популяризации можно было показывать лишь факты организации, обучения, проведения занятий народного ополчения в том или ином городе⁹. Запрещалось упоминать в открытой печати заводы и фабрики, подвергшиеся бомбардировкам. О рабочих-стахановцах разрешалось упоминать как о рабочих «н-ских» заводов¹⁰.

В конце 1941 г. информационным письмом уполномоченного СНК СССР Н.Г. Садчиково № 6 от 23 декабря 1941 г. даются дополнительные разъяснения по сведениям, что нельзя показывать в печати и радио. К ним относились сведения об эвакуации предприятий. Так, нельзя было показывать, откуда какие заводы эвакуировались в область, город, районы и их новое месторасположение, ограничивалось упоминание фамилий директоров эвакуированных заводов, при этом директоров, известных на старом месте по указам Президиума Верховного Совета или по печати, вообще нельзя было указывать. В районных газетах об эвакуированных заводах вообще

не разрешалось печатать. При упоминании о госпитале в открытой печати нельзя было указывать количество больных, характер ранений, с какого фронта больные и т. п. Но, к примеру, о нахождении «н-ского» госпиталя в области без указания города или района его местонахождения в областной газете печатать разрешалось. Нельзя было печатать сведения по транспорту: о времени, пунктах отправления, прибытия, составе и маршрутах поездов с воинскими частями и военным грузом, а также сведения о системах паровозов на дорогах, которые считались военной тайной¹¹.

Отдельно стоит отметить, что в связи с поставками по ленд-лизу, которые считались секретными, категорически запрещалось упоминание в печати о прибывших из-за границы в порты СССР транспортах, о путях их следования, времени прибытия, характере перевозимого груза, порте прибытия, названии транспортов, все сведения о конвоях (транспорты и сопровождающие их военные корабли)¹².

Изменялась и практика работы с секретной партийной информацией. К примеру, есть упоминание о заседании Секретариата ЦК ВКП(б) от 24 августа 1941 г., на котором рассматривался вопрос «О шифрсвязи с райкомами и горкомами».

Кроме того, органам цензуры в оперативном порядке постоянно давались указания следить за сохранением тайны и тех сведений, которые возникали непосредственно в ходе боевых действий на фронте. Так, в 1941 г. циркулярными письмами Главлита запрещено было, кроме правительственных сообщений и Совинформбюро, публиковать материалы, раскрывающие боевые действия подводных лодок, ход мобилизации женщин в Красную армию (о добровольном вступлении писать было можно), сведения об английских танках «Черчилль» и «Тетрарх» и частично танках «Матильда» и «Валентайн», поставляемых по ленд-лизу в СССР, боевые действия в масштабе фронта и направления, а также действия парашютных и морских десантов, сведения о мероприятиях по сооружению укрепленных рубежей, об установках Костикова (установка реактивных минометов «Катюша»), о деятельности Севморпути, абсолютные количественные данные о падеже скота, о препарате Кудряшева «Трамбин», действиях партизанских отрядов, участии в боевых операциях медицинского персонала, сведения о стальном нагруднике и винтовочной агитгранате, сведения о формировании и боевых действиях минометных частей и соединений, использование трофейных танков с немецкими опознавательными знаками, данные о новой организации в Красной армии гвардейских минометных бригад и дивизий, о формировании Уральского доброволь-

ческого корпуса, сведения о восстановлении военных заводов в освобожденных от немецких оккупантов районах, боевые действия дальнебомбардировочной авиации, количество номенклатур грузов, перевозимых по Севморпути, Каспийскому морю, Волге и каналу Москва – Волга, боевые операции на фронтах, а также статьи генералов с обобщением боевых операций на каком-либо участке фронта или направлении, и другие¹³.

В 1942 г. некоторые вышеописанные сведения, не подлежащие разглашению, конкретизировались. Так, «все материалы» о парашютных и морских десантах включали: место высадки, количество, боевые действия, подготовку, виды транспорта, вооружение и другие. В каждом отдельном случае вопрос об опубликовании решался только после просмотра сведений Совинформбюро. Все материалы о боевых действиях, авторами которых являлись генералы Красной армии, печатались только с разрешения Главлита¹⁴. Материалы об участии морской пехоты на любом фронте и направлении разрешалось пропускать к опубликованию только в строгом соответствии с требованиями «Дополнений к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время». Циркулярным письмом уполномоченного СНК СССР от 27 мая 1942 г. № 410с предписывалось не пропускать материалы о конкретных мероприятиях по сооружению укрепленных рубежей вокруг городов, населенных пунктов или определенных участков, разрешалось печатать их в отдельных случаях только с санкции Главлита¹⁵.

По данному поводу, к примеру, так писал в отчете начальник отдела Главлита: «...Важно отметить, что засланные враги, шпионы и диверсанты, особенно в фронтовой и прифронтовой полосе именно используют материалы местной печати в своей вражеской деятельности. В неофициальной беседе с работником нашей разведки Южного фронта мне были показаны несколько документов, свидетельствующих об использовании врагом нашей областной печати. В донесении одного из завербованных на нашей территории шпиона и перехваченном нашей разведкой, сообщалось о проводимых фортификационных работах вокруг города Батайска... Его информация была совершенно точной... приложенные вырезки из районной газеты, свидетельствующие о проведении второй линии оборонительных укреплений в форме лишь простого упоминания, послужили аргументом к утверждению довольно подробной письменной информации этого шпиона о деталях строительства этого рубежа»¹⁶. Также конкретизировалось опубликование сведений: «1. Категорически запрещается... об установке изобретения Ко-

стикова конструкция, боевые качества, место действия на фронте, производства установки и снарядов к ней. 2. Запретить без санкции Главлита опубликовать материалы о боевых действиях подводных лодок наших союзников, если лодки выполняют задания советского командования. 3. Распространить Дополнения к перечню на военное время на воинские части наших союзников, находящихся в составе действующих частей Красной Армии. 4. Впредь запрещается опубликование данных о получении от союзных государств и осваивании или введенных в действие Красной Армией конкретных предметов вооружения и боевой техники, независимо от того сообщалось или не сообщалось в иностранной печати»¹⁷.

Периодически для цензоров печатались списки вооружений по родам войск, по которым было запрещено полностью опубликовывать (сведения, снимки и рисунки) или же разрешалось опубликовывать, но с ограничениями, а также сведения, которые можно было сообщать свободно без ограничений. Разрешалось опубликовывать сведения, в основном, об уже известной врагу и устаревшей технике. Так, например, по танкам: Т-26, Т-27, Т-28, Т-34, Т-35, Т-37, Т-38, Т-40, Т-60, Т-70, БТ-2, БТ-5, БТ-7, КВ-1, КВ-2 можно было упоминать в открытой печати и показывать их фото, а их тактико-технические данные – только с грифом «дсп»¹⁸.

По сведениям о промышленном потенциале страны и военных заводах, к примеру, разрешалось показывать выполнение плана конкретного завода за отдельные промежутки времени только в процентах по месяцам и за квартал, не допуская разглашения сведений о выполнении плана в абсолютных цифрах¹⁹, сведения по дислокации и местонахождению военных заводов следовало не публиковать, ограничиваясь указанием «город “Н”»²⁰, по электростанциям разрешалось публиковать материал о работе, строительстве, реконструкции электростанций, о борьбе за экономию электроэнергии, не раскрывая при этом их мощностей и количества выработанной электроэнергии²¹.

В начале войны, а потом на всем ее протяжении приказом Главлита постоянно вносились дополнения и разъяснения к «Дополнению к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время». Так, циркулярным письмом от 20 июля 1942 г. № 644с цензурным органам было внесено такое дополнение в Перечень: «Разрешаются в сообщениях упоминание гарнизонов в центрах союзных, республиканских, краевых, областных городах... не раскрывая состав воинских частей, род войск, количество бойцов и др. ... Во всех остальных пунктах упоминание о наличии гарнизона запрещается... в приказах начальников гарни-

зонов в пунктах прифронтовой полосы не разрешается указывать звание начальников гарнизонов»²².

Особое значение придавалось соблюдению военной тайны в печати, радио и в переписке при упоминании воинских частей. Так, в письмах и по радио запрещалось упоминать адреса конкретных воинских частей, род войск и местонахождение, фронт, участок, направление, пункт, а в письмах разрешалось оставлять только номер полевой станции, почтовый пункт, а если его нет, то наименование части, фамилию, имя, отчество и должность комсостава до командира батальона включительно. Должность же выше командира батальона упоминать как «командир части»²³.

Вопросами направления деятельности государства в сложившейся партийно-государственной системе в целом и, в частности, по координации работ по обеспечению сохранности военной и государственной тайны в масштабах всей страны как функцией государства занимались высшие органы ВКП(б), как через государственные учреждения, так и через партийные органы. По государственной линии они действовали через органы НКГБ и НКВД, аппарат уполномоченного СНК СССР по охране военных и государственных тайн в печати, систему Главлита и другие режимно-секретные органы в учреждениях и предприятиях, по партийной линии – особые сектора партийных комитетов. ЦК утверждал или предлагал к исполнению определенные, в основном, наиболее важные вопросы как внешнеполитической, так и внутригосударственной деятельности, связанные с защитой военной и государственной тайны. Так, в секретном письме Отдела агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) уполномоченному СНК СССР от 31 октября 1942 г. № 2В говорилось: «ЦК предлагает при освещении в печати вопросов партизанского движения запретить опубликование: а) Фамилий и имен командиров и комиссаров партизанских отрядов, а также фамилий партизан, фотоснимков, по которым можно опознать личность партизан или местность, где действуют партизаны; б) названия населенных пунктов и районов действий партизан, кроме указания области; в) материалов, раскрывающих: – количественный состав партизанских отрядов, их структуру и вооружение; – формы связи партизан с населением и командованием Красной Армии; – действия диверсионных групп в городах и населенных пунктах, занятых немцами. Распоряжение о данных цензурных ограничениях необходимо довести до сведения редакторов газет и журналов»²⁴.

Далее на основании данного письма вышел приказ уполномоченного СНК СССР, по которому разрешалось печатать сведения

только с визой Штаба партизанского движения, а параграф 18 Дополнения к перечню утрачивал силу. Но имело место не только руководящая составляющая со стороны ЦК ВКП(б), но и движение в обратном направлении, когда во многом инициаторами вопросов становились вышеперечисленные государственные учреждения, когда ЦК не только утверждал, но сам просил экспертизы и заключения (были случаи, когда и сами высшие органы страны и партии подвергались цензурной оценке) по тем или иным вопросам обеспечения режима секретности для данных компетентных инстанций. Так, в письме И.В. Сталину, Л.П. Берия и Г.П. Маленкову от 25 апреля 1942 г. № 267/с о расшифровке секретных сведений в указах Президиума Верховного Совета СССР, Главлит отмечал, что, к примеру, обозначенный в письме указ дает возможность установить промышленность, производящую минометное вооружение, сосредоточенное, главным образом, в Москве, Ленинграде, Рыбинске, Пензе, Красноярске, Саратове, Коврове. И далее: «...По танковой и авиационной промышленности запрещено всякое упоминание всех конкретных сведений по Перечню... однако в соответствии с существующим законодательством от предварительного цензурного контроля освобождены все правительственные материалы. В связи с изложенным, просим рассмотреть проект решения»²⁵.

В письме уполномоченного СНК СССР Н.Г. Садчикова в ЦК ВКП(б) от 14 мая 1942 г. № 343/с он объясняет, что имело место «раскрытие командиров и дислокаций воинских частей» в газетах «Красная Звезда», «Красный Флот», «Красноармейская газета». И далее: «В военном Перечне в военное время можно указывать командиров и политсостав до командира батальона и равным им во флоте. 1. Наименование кораблей указывать запрещено. Запретить впредь опубликовывать старший командный и политический состав с указанием фронта. 2. По ВМФ запретить опубликовывать фамилии командиров соединений, частей, кораблей, береговых батарей, подводных лодок и наименование кораблей»²⁶.

Во время войны необходимо было не только реагировать на оперативную обстановку, но в связи с действиями разведок противника, как на фронте, так и в тылу, укреплять систему защиты информации, проводить контрразведывательные режимно-секретные мероприятия в целом по стране. Необходимо было следить за состоянием военной и секретно-мобилизационной работы и соблюдением режима секретности, в том числе и секретно-мобилизационного делопроизводства в наркоматах, ведомствах, учреждениях, организациях, на предприятиях, предписанных разработанными секретными инструкциями, особенно в условиях войны.

В начальный период войны действовала основная общегосударственная «Инструкция по ведению секретных и мобилизационных работ и делопроизводства в учреждениях и на предприятиях» от 2 января 1940 г. и утвержденная ЦК ВКП(б) 28 июня 1940 г., последняя предвоенная «Инструкция о постановке секретного делопроизводства в обкомах, крайкомах и ЦК республик», а также введенные с началом войны «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время», кроме этого действовали множество военных и других ведомственных секретных нормативных документов. То есть к началу нападения Германии на СССР уже имелась реальная нормативная база, созданная еще до войны, необходимо было ее соблюдать и перерабатывать в новых изменившихся условиях.

Война, безусловно, вносила свои коррективы. В масштабах страны задача обеспечения защиты военных и государственных тайн в целом, а также контроль за ее соблюдением возлагался на органы НКГБ и НКВД и конкретно, в тот период, на 7-й отдел УГБ и 5-й спецотдел НКВД СССР. Условия военного времени, обстановка на фронтах, отступление в начальный период и эвакуация намного усложнили и, в некоторой степени, разбалансировали работу в этом направлении. Это было большой проблемой и вызывало серьезную озабоченность. Для начала, чтобы исправить положение, НКВД СССР требовал от наркоматов, ведомств и подчиненных им организаций и предприятий сведений о состоянии секретно-мобилизационного делопроизводства и наличии секретных документов на настоящий момент. В результате проведенных НКВД проверок выяснилось, что в связи с эвакуацией и созданием новых предприятий у них отсутствуют руководящие документы по ведению секретного и мобилизационного делопроизводства, учет лиц, допущенных к секретной работе, а секретные документы находятся в запущенном состоянии и сведения, составляющие военную и государственную тайну, могут легко попасть в руки противника. Поэтому во все наркоматы и в Главлит было направлено письмо НКВД СССР, подписанное начальником 5-го спецотдела НКВД СССР майором госбезопасности Шевелевым и начальником 16-го отделения капитаном госбезопасности Григорьевым. В письме наркоматам и ведомствам предлагалось разработать и выслать до 20 мая 1942 г. для согласования в 5-м спецотделе НКВД СССР: 1. Инструкцию по ведению секретного и мобилизационного делопроизводства в учреждениях и предприятиях; 2. Перечень секретных вопросов, составляющих государственную тайну; 3. Номенклатуру должностей, связанных по роду службы

с секретными и мобилизационными работами и документами; 4. Положение о работе Секретного отдела. После согласования в НКВД эти документы должны были быть утверждены наркомками или их замами и направляться за их подписями в ведомственные организации²⁷.

НКВД СССР проводило проверки соблюдения режима секретности по всей стране, в учреждениях всех ведомств и в партийных комитетах, контролировало исполнение и данного письма. В результате все ведомства произвели обследование своих учреждений и предоставили соответствующие документы НКВД СССР, который постоянно получал отчеты и посылал разъяснения 5-го Спецотдела НКВД СССР по отчетам, посылаемым ведомствами, по секретной работе, а также вопросам по дополнению Перечня на военное время и переработки Инструкции 1940 г.

Особое внешнеполитическое и идеологическое значение придавалось сведениям о государственной границе, опубликование которых согласовывалось только на высшем государственном уровне. Так, в письме Начальника ГУКС при СНК СССР Баранова и уполномоченного СНК СССР Садчикова секретарям ЦК ВКП(б) Андрееву, Маленкову, Щербакову и наркому НКВД Молотову от 20 мая 1942 г. № 375/с о показе государственных границ на картах предлагалось: «...д) В отношении Польши снять надпись на картах “область государственных интересов Германии”, город Варшаву дать знаком столицы Польши, город Прагу и Вену показывать столицами; е) С Богемии и Моравии снять надпись “протекторат”, а также окантовку итальянской оккупации с Абиссинии. Прошу рассмотреть наши предложения»²⁸.

Во-первых, как видно, решать такие вопросы было прерогативой только высшего руководства страны. Во-вторых, следует отметить, что ввиду изменившейся международной обстановки здесь прослеживается линия на «избавление» от последствий пакта с Германией, заключенного в 1939 г. Затем текст данного письма в основном вошел в постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1942 г. № 1551–744с, подписанном председателем СНК СССР Сталиным и секретарем ЦК ВКП(б) Андреевым, в котором, в частности, было зафиксировано следующее: «О показе государственных границ на географических картах. В целях упорядочения показа государственных границ на географических картах, изданным Главным управлением геодезии и картографии... постановляет: 1. Государственную границу СССР показывать по состоянию на 22 июня 1941 года. 2. Снять с географических карт Союза ССР надпись “АССР Немцев Поволжья” и пункты немецких поселений.

3. Границы всех государств наносить на картах по образцу “Политической карты мира”, подготовленной к изданию в 1942 году. (см. приложение). 4. Абиссинию, Албанию, Австрию, Чехословакию и Польшу показывать как самостоятельные государства в границах до оккупации их Италией и Германией»²⁹.

Оценивая итоги работы Главлита по защите сведений, составляющих военную и государственную тайну, их количестве, обоснованности, своевременности и мотивации, приведем «Сводку изъятий» цензуры в материалах радио, печати, кино с 19 января 1942 г. по 31 декабря 1942 г., которые направлялись в СНК СССР и ЦК ВКП(б). Всего «изъятий» было 870. Из них по охране военной и политической тайны – 764; политическим мотивам – 103; политико-идеологическим – 3. По мотивам разглашения военно-государственной тайны были изъяты сведения: «По организации Красной Армии и Военно-Морского Флота, раскрывающие новые виды формирования, вооружения, номера воинских частей, дислокацию; дислокации и передислокации Красной Армии и Военно-Морского Флота, где указаны фронты, города, районы, пункты, а также фамилии командиров частей; боевой подготовке и боевой готовности к выступлению на фронт конкретных частей; боевой технике Красной Армии и Военно-Морского Флота – новое оснащение, вооружение, совершенствование, повышение боеспособности; тактике, военной хитрости или разгадывание планов противника; о партизанских отрядах и партизанах, их конкретных действиях с указанием районов действий; о высадке и способе высадки десантов; по боевым эпизодам, способствующим раскрытию оперативных планов, сведения, не сообщавшиеся Совинформбюро; указание пунктов, где происходили бои, не опубликованные в Совинформбюро; о мобилизации женщин в Красную Армию; сведения о военно-санитарном деле, запрещенные к опубликованию; строительству оборонительных сооружений с указанием районов строительства; гидрографическим и морским приборам; вопросам военной промышленности: дислокация, характер военной продукции, выработка конкретных заводов, строительство новых и др.; путям сообщений, железнодорожному транспорту, морским коммуникациям, условиям транспортировки грузов из Англии, Америки и пр.; вопросам, связанных с Всевобучем: количество обучающихся в конкретных районах, формирование из них военных частей, отправка в действующую армию сформированных частей; о шпионаже, где было описание нескольких случаев, где указаны конкретные лица, место, время и условия поимки шпионов; сведениям о падеже скота от острых инфекционных заболеваний, нося-

щих массовый характер, с указанием районов и цифровых данных. Также были изъятия и по политико-идеологических мотивам»³⁰.

Как видно из сводки, все указанные там сведения входят в «Перечень сведений на военное время, запрещенные к опубликованию», то есть подавляющее большинство сведений (764 из 870) секретного военного и государственного характера, разглашение которых нанесло бы военный ущерб.

В заключение следует отметить, что с началом Великой Отечественной войны, когда коренным образом меняются и условия функционирования государства (создание чрезвычайных органов власти и проведение чрезвычайных мер), меняются и условия обеспечения секретности в целом. Экстренно вводятся в действие «Дополнения к Перечню сведений, составляющих военную и государственную тайну, на военное время», что сопровождается расширением круга сведений, составляющих военную и государственную тайну. Кроме этого, срочно проводится ряд первоочередных ограничительных мероприятий по защите информации. Война, реальные боевые действия постоянно вносили свои коррективы в состав сведений, составляющих военную и государственную тайну; таких корректив становилось все больше, их требовалось постоянно вносить в «Дополнения... на военное время», что, соответственно, и делалось. Аппарат уполномоченного СНК СССР и Главлит держали, что называется, руку на пульсе, оперативно реагируя на быстро меняющуюся обстановку и возникновение новых сведений, требующих защиты. Очень сложно было в начальный период войны обеспечить режим секретности в стране. Отступление и эвакуация в этом плане породили очень большие проблемы. В этих условиях органы госбезопасности и цензуры проводили соответствующие проверочные и контрольные мероприятия по соблюдению режима секретности и сохранения государственной и военной тайны в стране в целом.

В итоге в 1941–1942 гг. благодаря взаимодействию государственных учреждений и партийных органов в области обеспечения секретности военной и государственной тайны удалось не только сохранить наработанный в предшествующий период потенциал, но и организовать защиту информации уже в военное время. Проводя работу по защите информации, которая является составной частью контрразведывательной деятельности, удалось не допустить утечки значительной части сведений военного и государственного значения и в определенной мере заблокировать действия разведки противника в данном направлении, что в общем способствовало стабилизации фронта и тыла, и создать предпосылки для дальнейшей борьбы и залога победы.

-
- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9425. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–9
  - ² Там же. Д. 21. Л. 90–91.
  - ³ Там же. Д. 22. Л. 57.
  - ⁴ Там же. Л. 56.
  - ⁵ Там же. Д. 21. Л. 92–97.
  - ⁶ Там же. Д. 17. Л. 14а.
  - ⁷ Там же. Д. 22. Л. 58.
  - ⁸ Там же. Л. 66.
  - ⁹ Там же. Л. 65.
  - ¹⁰ Там же. Л. 69.
  - ¹¹ Там же. Л. 91–92.
  - ¹² Там же. Л. 73.
  - ¹³ Там же. Д. 24. Л. 7–9.
  - ¹⁴ Там же. Д. 38. Л. 8.
  - ¹⁵ Там же. Л. 9.
  - ¹⁶ Там же. Д. 43. Л. 85–86.
  - ¹⁷ Там же. Д. 38. Л. 10.
  - ¹⁸ Там же. Д. 36. Л. 128.
  - ¹⁹ Там же. Д. 38. Л. 21.
  - ²⁰ Там же. Л. 28.
  - ²¹ Там же. Л. 32.
  - ²² Там же. Л. 14.
  - ²³ Там же. Л. 11.
  - ²⁴ Там же. Д. 35. Л. 69.
  - ²⁵ Там же. Л. 6–7.
  - ²⁶ Там же. Л. 47–50.
  - ²⁷ Там же. Д. 39. Л. 4–4 об.
  - ²⁸ Там же. Д. 35. Л. 3.
  - ²⁹ Там же. Л. 1.
  - ³⁰ Там же. Д. 108. Л. 248–248 об.

О.В. Терешина

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ
В ОСВЕЩЕНИИ ОРЛОВСКОЙ ГАЗЕТЫ «РЕЧЬ»
(1941–1944 гг.)

В статье анализируются материалы на религиозную и церковную тематику, опубликованные в коллаборационистской газете «Речь», выпускавшейся в Орле и распространявшейся на временно оккупированной территории в 1941–1944 гг. Главное внимание уделяется раскрытию тематических линий, стилистических приемов и пропагандистской направленности статей о религиозной жизни населения и деятельности Русской православной церкви в период оккупации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупация, немецко-фашистский оккупационный режим, Русская православная церковь, периодическая печать, коллаборационизм, антисемитизм, Орел.

Коллаборационистские периодические издания, вышедшие в годы Великой Отечественной войны на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории СССР стали в настоящее время весьма востребованным источником при изучении оккупационного режима¹. Их используют для исследования конкретных сторон жизни при оккупантах (в частности, политических настроений населения² и религиозной жизни³) и деятельности отдельных коллаборационистских организаций. Началось и изучение коллаборационистской прессы как исторического источника⁴.

Выходившая в период оккупации в Орле газета «Речь» интересна исследователям именно тем, что широко освещала религиозную жизнь и положение РПЦ в условиях оккупационного режима.

«Речь» выходила 3 раза в неделю с 5 декабря 1941 г. и стоила 15 коп., а с 28 мая 1943 г. – 50 копеек. С декабря 1941 г. газета выпускалась с подзаголовком «Издание полевого подразделения

№ 06836» и на одной странице. 7 января 1942 г. вышел впервые номер на лист, с 8 февраля 1942 г. «Речь» стала постоянно публиковаться на двух, а с 1 марта 1942 г. – на четырех листах. С 1 февраля 1942 г. подзаголовок о полевом подразделении убрали. Ради значительных событий делали 8 листов: например, 3 февраля 1943 г. вышла публикация «Десятилетие прихода национал-социализма к власти», 5 февраля 1943 г. представлена большая речь Геббельса, посвященная тому же событию. Сатирический листок «Жало» существовал как ежемесячное приложение к газете «Речь» и предлагал читателям фельетоны, анекдоты, карикатуры.

Редактором «Речи» с 15 марта 1942 г. был Михаил Октан.

Первое упоминание о религиозной жизни появилось в номере за 27 февраля 1942 г., где в выделенной рубрике «Церковная хроника» было дано расписание богослужений в сохранившихся церквях города (Кафедральный Богоявленский собор, Афанасьевская и Крестительская кладбищенские церкви, Никитская церковь), а также объявление, что «запись детей, желающих обучаться закону Божьему, продолжается»⁵. Следующее упоминание было сделано в выпуске от 6 мая 1942 г.: сообщалось об обычных событиях церковной жизни («происходят богослужения», «совершаются литургии», «огромное стечение молящихся наблюдалось»⁶). В выпуске от 14 июня 1942 г. в разделе «В освобожденных областях» дали заметку об иконописной мастерской в Клинцах и богословских курсах в Днепрпетровске.

Значительные временные промежутки между публикациями на религиозную тематику были характерны для «Речи» и в 1943 г. В номере от 7 января 1943 г. дан большой материал про Рождество. Следующее упоминание от 10 февраля 1943 г.: об освящении храма в с. Архангельское⁷.

Рождеству и Пасхе 1943 г. в «Речи» посвящен большой материал. И одновременно в майском номере дано поздравление «редакции... с праздником освобождения труда – 1 мая». Сделано это было целенаправленно: для лучшего восприятия читателями редакция пыталась сохранить советскую тематику и одновременно подчеркнуть произошедшие изменения. Так, было указано, что «уже второй год население освобожденных от жидо-большевизма областей празднует 1 мая с совершенно иными чувствами»⁸. Подразумевалось, что это – новый труд при новых властях, на новых условиях.

Чтение материала замещало незнание читателями реальной обстановки выгодной для оккупантов идеологической картинкой. Раздел религиозной жизни общества являлся для этого благодат-

ной почвой. Религиозную картинку давали при отсутствии нужной информации из других тематических разделов или приурочивали к соответствующему празднику, что и обуславливало периодичность ее появления. Религиозные темы перемежались историческими фактами, которые при Советской власти замалчивались.

Материал давался по нескольким тематическим направлениям. Первое и самое обыденное направление – это освещение рядовых фактов церковной жизни. Так, в отдельной рубрике «Церковная хроника» предлагалось расписание богослужений в сохранившихся церквях Орла, а в подрубрике «В епархиальном управлении» перечислялось, сколько, когда и кем было отремонтировано и освящено церквей в епархии. На Пасху 1942 г. «Речь» констатировала, что «прихожане деятельны. Церкви благоустроены», и делала обязательный реверанс в пользу оккупантов: «с помощью немецких военных властей... осуществляется благоустройство города»⁹.

Несколько простых фраз о хоре певчих, проповедях настоятеля и «громадном стечении верующих» предлагались к чтению в заметке «Богослужение в Богоявленском соборе», опубликованной 10 января 1943 г. «Празднование Благовещения... напомнило прежние времена», а собор был «переполненным множеством молящихся». К одному этому предложению можно свести все содержание заметки о празднике Благовещения в выпуске газеты за 9 апреля 1943 г.¹⁰ Автор создавал типичную картинку, в которой не было подробностей и высокохудожественных приемов. Цель таких новостных заметок состояла в том, чтобы занять место в газете и в нужном свете представить возрождение религиозной жизни, начавшееся с приходом немцев.

На Рождество в г. Клетне в школах «красиво убрана... елка», «программа художественных выступлений была жива и разнообразна», «розданы премии в виде литературы»¹¹. Также «интересно прошли рождественские дни в Белых Берегах, Большом Полпине, Супоневе, Коростовке, Глинищеве, Теминичах»¹². Большое перечисление населенных пунктов не сопровождалось развернутым рассказом о том, что же было «интересно». Очевидно, предложенное к чтению не соответствовало действительности. Не очень верилось, что «районные управы... выделили материальные и денежные средства для приобретения... подарков и угощения», а школьники «не раз вспомнят о веселом отдыхе... поблагодарив от души устроителей праздника»¹³.

Использование придуманной новостной картинки из религиозной жизни активно практиковалось газетой все месяцы ее издания. Так, в статье «Воскресный день в Бежице» 29 января 1943 г.

И. Новосильцев пытался одновременно представить и типичный, и особенно счастливый после прихода немцев день в этом городе Брянской области. Изображение повторяющегося из недели в неделю выходного давалось только благостное и праздничное, что и предлагалось как рядовая новость: «опять зазвонили церковные колокола», «крестьянские обозы... везут на базар... картофель, хлеб, молоко, мясо», «подбодрил праздничное настроение в городе свадебный обоз»¹⁴. Так изображалась процветающая, мирная, счастливая жизнь.

Редакция не забывала и о саморекламе («группы молодежи читают свежие номера газеты “Речь”») и о пропаганде в духе идеологии оккупантов («мы застали девушек за чтением брошюры “Что такое национал-социализм?”») ¹⁵.

Номер «Речи» от 28 апреля 1943 г. почти всем своим содержанием был посвящен празднику Пасхи. В номере дана заметка «Заутреня в ...Церкви», уже своим названием претендующая на преподнесение обычности новой религиозной жизни. Основными мотивами публикации являлись изображение нового счастья («лица радостные и одновременно торжественно-сосредоточенные», «лица у всех ласковые и радостно-просветленные»), массовой религиозности («внутренность храма переполнена»), резкого отличия от страшных, но прошедших времен и блестящих перспектив (прошли «тягостные времена большевизма», «все дело будущего») ¹⁶.

Преподнесение «ободряющих» новостей являлось еще одной тематической линией в статьях о религиозной ситуации на оккупированной территории. Часто заголовки содержали слова «первый», «новый», а заметки с такими заголовками перепечатывались в газетах разных издательств. Видимо, в реальности позитивных известий было мало.

Сообщение в «Речи» от 23 октября 1942 г. «Первые монастыри в освобожденных областях» было скопировано из № 102 газеты «Новый путь» (Смоленск), а та, в свою очередь, давала информацию по Новгороду. С тем же названием сообщение было дословно воспроизведено в «Новом времени» (Вязьма) от 11 ноября 1942 г. Из «Нового пути» № 104 была позаимствована «Речь» (номер от 1 ноября 1942 г.) и заметка «Новый молитвенник». Последний назван «первой ласточкой возрождения церковно-религиозной литературы» и «доказательством того, что германская армия несет с собой свободу русскому народу в делах веры» ¹⁷. Редакции либо «списывали» друг у друга материал, либо получали их «циркулярно» из какого-то одного органа пропаганды.

Новости о религиозной жизни часто приходили из далеких от редакции областей. Так, «Речь» от 14 июня 1942 г. дала информацию о перспективах открытия богословских курсов в Днепропетровске, «которые будут готовить священнослужителей для периферии Украинской автокефальной церкви»¹⁸. Под «периферией» понимался и сам город Орел.

Новостью из церковной жизни стала организация Смоленского епархиального комитета по религиозно-нравственному просвещению в марте 1943 г., чему посвящена статья в «Речи» от 10 апреля 1943 г. Она опять же являлась перепечаткой из № 26 газеты «Новый путь» (Смоленск) и давала информацию о работе с сентября 1942 г. «небольшого кружка... смоленских интеллигентов», переросшего впоследствии в «Смоленский Епархиальный Комитет по нравственному просвещению»¹⁹. Были указаны направления его работы: религиозные радиодоклады, издание сборника молитв, стихов, публикации в газетах на религиозные темы, «популярные доклады в церквах», «организация двух передвижных библиотечек религиозной литературы», «духовные концерты»²⁰. Масштабы деятельности комитета преувеличивались: 15 тыс. экземпляров сборников молитв, как это провозглашалось в заметке, в оккупированном Смоленске вряд ли возможно было издать. Предполагалось создать целую образовательную систему «церковно-приходских комиссий по религиозно-нравственному просвещению» во главе с епархиальным комитетом²¹. Было ли это осуществлено, в газете не указывалось.

Одной из немногих подлинных новостей явилось открытие в Орле в октябре 1942 г. духовной школы, где слушатели «делали учебные успехи», сдавали зачеты по «догматическому богословию, церковному уставу, пению, методике преподавания Закона Божия... апологетике»²². В пику советскому прошлому и в прославлении оккупационного настоящего приводилось восклицание автора статьи: «Могли ли мы лет пять тому назад думать об открытии духовной школы?»²³.

Тематической линией в статьях, опубликованных в «Речи», как и в других коллаборационистских газетах, посвященных религии, было представление личностей-героев или групп страстотерпцев. «Речь» 9 декабря 1942 г. в статье «Епископ Печорский» давала отдельные факты из жизни этого мученика. Источник сведений не назывался, а события происходили в Прибалтике – далеко от орловской редакции, что позволяло заместить литературными приемами многое из реальности. Дана не богослужбная практика (проповеди, разногласия с Синодом Эстонской Церкви,

учебные выезды за границу, взгляды на церковный стиль) епископа Печорского Иоанна (Булина), действительно арестованного НКВД и расстрелянного в 1941 г., а нарисован образ мученика, пострадавшего от безбожной Советской власти, но сумевшего все преодолеть. Создан образ «старика с кроткими и ласковыми глазами», который был «всеми любимым и обожаемым пастырем», не испугался угроз большевиков и «ушел ...с поднятой головой»²⁴. Этому герою противопоставлен типаж «жида-следователя», а также сестры епископа, которую «обратило в большевизм знакомство с видным комиссаром»²⁵.

Такой же героиней была представлена игуменья Христиана, «пример душевной бодрости и силы», в 99 лет возглавившая новый монастырь в г. Вырица Ленинградской области. Информацию о ней дословно перепечатывали друг у друга «Новое время», «Новый путь» и «Речь».

Важнейшей тематической линией, центральной в церковной подборке, присутствовавшей в той или иной мере во всех статьях, было сравнение религиозной жизни в советский период и во время оккупации. Положение об освобождении практики вероисповедания, о не «провозглашенной на бумаге», а «подлинной свободе совести», установленной немцами, – предмет большинства изложений и рассказов. Смысл и пафос их был прост: все страшное осталось позади и впереди только счастливое церковное будущее. Отображение счастья на фоне прошлых лет страха, безысходности приурочивалось традиционно к какому-то религиозному празднику.

«Речь» от 7 января 1943 г. поздравляла читателей с Рождеством Христовым и вся была ему посвящена. «Из мрака к свету» – так метафорически была названа статья, описывающая «страдания верующих в СССР»²⁶. Множество метафор, эпитетов, сравнений использовано для изображения того, как резко к лучшему изменилась церковная жизнь с приходом немцев. Если ранее были «страшная печаль безнадежности», «гробовое отчаяние», было «заплевано само звание человек», то теперь «новые крестоносцы, сокрушающие власть кремлевского “змия”, извлекли нас ...[из] могилы», а «потерянное счастье открыто»²⁷. Текст полон восклицательных знаков, изложение очень иносказательно, автор избегает конкретики в описании места и времени, не называет фамилий.

Использование множества литературных приемов одновременно с избеганием конкретики и подробностей описания места, времени и фамилий, вообще отвлеченность сюжета – характерный стиль многих публикаций коллаборационистских газет.

Статья «Радость праздника» в том же номере начиналась с обвинений в адрес Советской власти: большевики «не щадили религиозных чувств народа», а «большевистская власть всеми силами искореняла религиозное чувство»²⁸. Большая часть публикации посвящена изложению библейских событий: ясли, младенец, пастухи, дева Мария. Судя по всему, сотрудники редакции газеты видели в своих читателях обывателей, которые не претендуют на научные трактаты и готовы читать примитивный, всем известный материал. Праздник был назван «днем радости всех христианских народов мира», и этим делался намек на эквивалентность русской и немецкой религиозных традиций. Общность оккупантов и населения пытались подчеркнуть и фразой, что «германская армия радуется вместе с нами... участвует в нашем религиозном торжестве», вследствие чего «рождаются... новые взаимоотношения по духу учения Христова»²⁹. В общем, статья эта – рассказ для детей с цитатами из Евангелия, простым изложением сюжета, картинкой елки и вдобавок с объявлением, что 7 января – нерабочий день.

Как правило, в статьях делали упор на ужасы прошлого, а не на описание преимуществ оккупационного режима, которые часто необходимо было придумывать. Так, без демонстрации «прелестей» настоящего в «Размышлениях в рождественские дни» описана антирелигиозная кампания, в ходе которой «иудеи действовали... устрашением», «следили за всем агенты НКВД» и захлебывались, «брызжа зловонной слюной, глашатаи иудо-большевистской мерзости»³⁰. Эта «красочность» фразеологии заменяла конкретное сравнение религиозной жизни в Орле при Советской власти и при оккупантах, которое было явно неполным и, вероятно, не могло убедить местных жителей в однозначных преимуществах оккупационного режима.

Подспудные призывы поддержать оккупантов и установленный ими режим можно обнаружить в заметке «Праздник Рождества Христова в лагере военнопленных», опубликованной в номере «Речи» от 7 января 1943 г. Самым положительным событием в жизни военнопленного Красной армии представлена сдача в плен, где в праздник можно побывать «на концерте в городском театре, организованном германским командованием» и думать как «отомстят... за свой народ, стонущий под игом жидовим, за веру свою православную»³¹. По всей видимости, редакция рассчитывала, что номер этот будет распространяться немцами в этом лагере, а потому попытались направить пропагандистский запал статьи именно на пленных.

Призыв к пленным записываться в добровольческие подразделения германской армии прослеживался в заметке «Рождество в воинских частях» (номер «Речи» от 22 января 1943 г.), согласно которой «русские добровольцы встречали сочельник» «в одном здании с германскими солдатами»³². Как и во многих других подобных публикациях, в заметке подчеркивается морально-политическая и культурная близость населения и оккупантов: «оркестр из германских солдат-музыкантов, исполнявших русские музыкальные вещи»³³.

Воины же Красной армии, в данном случае – летчики, изображались извергами и чудовищами, совершающими «бесчеловечные акты советского воздушного разбоя», а пострадавшее от них население могло лишь организовать «день поминовения безвременно погибших от советских бомб»³⁴. При этом Русская православная церковь и нравственные основы православия использовались для нравственной оценки «преступлений» Красной армии, для изображения «злодеями» защитников своего Отечества, а не оккупантов.

Таким образом, центральную линию демонстрации контраста религиозной жизни в советский период и во время оккупации реализовывали в статье тремя смысловыми наборами.

Первый – традиции и обращение к старым временам: «традиционный обряд крестного хода г. Карачева в Одрино-Никольский монастырь»³⁵, «в разноцветных костюмах люди, благоговейно несущие образа»³⁶. Целенаправленно проводилась и укреплялась в сознании читателей связь между дореволюционной Россией и оккупационным временем через употребления словосочетаний: «стародавние времена», «как и в добрые старые годы»³⁷, «напоминает что-то отдаленное»³⁸.

Второй – изображение эмоционального всплеска («слезы радости»³⁹, «необычайный подъем религиозного чувства»⁴⁰, «как сильно чувство русского человека ко Всевышнему!»⁴¹, «изголодавшиеся духовно»⁴²). Одновременно демонстрировалась массовая поддержка организуемым церковным мероприятиям («церковь так переполнена, что немисливо даже протиснуться»⁴³, «и старые, и молодые коленапреклоненно вникают... молитвам»⁴⁴, «храм ломился от народа»⁴⁵).

Третий – самый богато и образно представленный – сравнения советского антирелигиозного «кошмара» и нынешней «свободы вероисповедания», набор благодарностей немцам, избавителям от ужасного «большевистского ига». Из этого делалось заключение: «Таких гонений, каким подвергалась религия в годы

владычества большевизма... история не знала», но теперь «мы не боимся и не прячемся», ибо «никогда уже не вернутся на нашу землю темные силы»⁴⁶.

Редакция газеты «Речь» имела немалые основания для того, чтобы быть уверенной в особой успешности своих пропагандистских усилий именно на ниве проклятий в адрес советского антирелигиозного «кошмара».

Действительно, провозглашение в 1932 г. «пятилетки безбожия», всеобъемлющие гонения на РПЦ и использование различных средств борьбы с ней (от провокаций церковных расколов до физического уничтожения священнослужителей накануне Второй мировой войны) практически уничтожили институт Московского патриархата. Еще в конце 1930-х гг. на большей части территории РСФСР были упразднены епархии, репрессированы их архиереи. К 1941 г. РПЦ имела 3732 действующих храма, причем 3350 из них находились на территориях, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг.; к 1938 г. не осталось ни одного официально действующего монастыря⁴⁷. С начала войны на оккупированных территориях РСФСР открылось 2150 храмов: в том числе, 108 – в Орловской области⁴⁸. С октября 1941 г. по апрель 1942 г. в городах и селах Орловской епархии было отремонтировано до 20 церквей, проверено и допущено к служению 12 иереев в г. Орел и до 20 – в городах и селах епархии. Однако это было не поощрением или помощью в восстановлении религиозной жизни со стороны оккупантов, а отсутствие препятствий к ее возрождению: все было осуществлено по инициативе и руками местных жителей.

Особой тематической линией в статьях коллаборационистских газет – и орловская «Речь» не была исключением, – посвященных церкви, можно считать указание на «виновного во всех грехах» – евреев. Иудейское вероисповедание и учение марксизма были связаны (марксизм – «мировоззрение, ставшее для многих религией»), и был найден «главный преступник – К. Маркс («еврей, соединявший в себе... животный эгоизм, люютую ненависть, стремление осквернить признанные идеалы и ненасытную жажду власти»)»⁴⁹. Ничего конкретного из экономического учения («пресловутая теория о прибавочной стоимости») не приводилось, однако утверждалось, что классовая теория «влила ненависть в сердца людей»⁵⁰.

Марков, автор статьи «Талмуд и безбожие», опубликованной в номере «Речи» от 15 января 1943 г., пытался не только найти врага, но и натравить разные вероисповедания друг на друга: «Большевистская пропаганда имела наглость утверждать, что она борется одинаково со всеми религиями... Но каждый житель Советского

Союза... знал из практики, что жидовство не преследовалось... си-нагоги существовали, раввины процветали»⁵¹.

Талмуд объявлялся «программой подлости, кровожадности и человеконенавистничества», которая «призывает жидовство к уничтожению всего, созданного трудом народов»⁵². Конкретных примеров в обоснование этого утверждения автор не приводил, соответствуя стилю бездоказательности и голой пропаганды, характерной для всех подобных публикаций. В то же время Марков претендовал на объективность и предлагал сопоставить «не с религиозной, а с общечеловеческой точки зрения» советскую «антирелигиозную литературу» – журнал «Безбожник» и «Талмуд»⁵³. В его сравнении нет выдержек из текста и их анализа – одни голословные утверждения. Вывод его свелся к тому, что советская, марксистско-ленинская идеология ничего новаторского, оригинального из себя не представляет: «Советское безбожие... просто повторяло Талмуд»⁵⁴.

Для повышения заинтересованности читателей была использована тематическая линия русской церковной истории. К этой истории обращались авторы научно-популярных статей, доступных пониманию всех читателей. Так, предлагались сведения о порядке исчисления даты праздника Пасхи⁵⁵, о «Пасхальных обрядах и обычаях на Руси»⁵⁶. Рубрика «Наш календарь», появившаяся в газете «Речь» с 9 апреля 1943 г., еженедельно предлагала перечень церковных событий, которые пытались связать с историческими фактами. Наряду с религиозными датами в рубрике представлялись события из истории нацистской Германии, чем пытались внедрить в сознание населения представление о «родственности» двух стран. Так, 20 апреля – «преподобный Георгий», именно в этот день, в 1889 г., родился «фюрер германского народа Адольф Гитлер»⁵⁷.

Подводя итог, отметим, что статьи на церковно-религиозную тему, опубликованные в орловской газете «Речь», отличались стремлением навязать читателю, внедрить в сознание населения убежденность в том, что религиозная жизнь в условиях немецко-фашистской оккупации значительно активизировалась. Для изображения резко изменившейся с приходом оккупантов к лучшему религиозной жизни авторами статей использовались множественные художественные приемы, однако все они избегали конкретики в своих журналистских описаниях. Это может свидетельствовать только об одном: став частью немецко-фашистской пропагандистской машины, они гораздо чаще живописали придуманное, чем то, что в действительности имело место на оккупированной территории.

- 1 *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области (1941–1944 гг.) // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 105–120; *Ермолов И.* Три года без Сталина: Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941–1944. М., 2010.
- 2 *Федорова З.А.* К изучению политических настроений населения Калининской области во время немецко-фашистской оккупации // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 127–137.
- 3 *Корнилов А.А.* Преображение России: О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Н. Новгород, 2000; *Шкаровский М.В.* Крест и свастика: Нацистская Германия и православная церковь. М., 2007; *Перельгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел, 2008.
- 4 *Грибков И.В.* Коллаборационистская пресса на оккупированных территориях СССР (1941–1945 гг.) // Отечественные архивы. 2007. № 6. С. 60–71; *Грибков И.В., Молчанов Л.А.* Русские газеты на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.) // Новый исторический вестник. 2007. № 2 (16). С. 143–154.
- 5 Речь (Орел). 1942. 27 февр.
- 6 *Русанов В.* В церквях города Брянска // Речь. 1942. 6 мая.
- 7 Речь. 1943. 10 февр.
- 8 Там же. 1 мая.
- 9 *Русанов В.* В церквях города Брянска.
- 10 Праздник Благовещения // Речь. 1943. 9 апр.
- 11 *Русанов В.* Рождественская елка в деревнях // Там же. 22 янв.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 *Новосильцев И.* Воскресный день в Бежице // Речь. 1943. 29 янв.
- 15 Там же.
- 16 *Горовой Л.* Заутреня в ... Церкви // Речь. 1943. 28 апр.
- 17 Новый молитвенник // Там же. 1942. 1 нояб.
- 18 Речь. 1942. 14 июня.
- 19 Там же. 1943. 11 апр.
- 20 Там же.
- 21 Там же.
- 22 *Баранов Н.* На пастырских курсах // Речь. 1943. 28 апр.
- 23 Там же.
- 24 Епископ Печорский // Речь. 1942. 9 дек.
- 25 Там же.
- 26 Из мрака к свету // Речь. 1943. 7 янв.
- 27 Там же.

- 28 *Булгаков Д.* Радость праздника // Речь. 1943. 7 янв.
29 Там же.
30 *Самарин Вл.* Размышления в рождественские дни // Речь. 1943. 7 янв.
31 Праздник Рождества Христова в лагере военнопленных // Там же.
32 *Якименко П.* Рождество в воинских частях // Там же.
33 Там же.
34 День скорби // Речь. 1943. 7 апр.
35 Церковная жизнь в Карачеве // Там же. 22 янв.
36 *Баранов Н.* Ход с иконами // Там же. 28 апр.
37 *Вечернин Н.* Крестный ход // Там же. 22 янв.
38 В храме // Там же. 4 июля.
39 Церковная жизнь в Карачеве // Там же. 22 янв.
40 В Богоявленском соборе // Там же. 28 апр.
41 *Далев Н.* В Афанасьевской // Там же.
42 В храме // Там же. 4 июля.
43 В Богоявленском соборе.
44 *Н.В.* Троицын день // Речь. 1943. 16 июня.
45 В храме.
46 *Весенин А.* Христос воскрес из мертвых. Светлая заутреня // Речь. 1943. 25 апр.
47 Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2008. С. 8.
48 *Шкаровский М.В.* Германская церковная политика и «религиозное возрождение» на оккупированной территории Белоруссии, Прибалтики и Северо-Запада России // Материалы ежегодной богословской конференции ПСТБИ. М., 1997. С. 192.
49 Еврейство и марксизм // Речь. 1943. 3 янв.
50 Там же.
51 *Марков.* Талмуд и безбожие // Речь. 1943. 15 янв.
52 Там же.
53 Там же.
54 Там же.
55 *Варушкин.* Как исчисляется время празднования Пасхи // Речь. 1943. 20 апр.
56 *Н.В.* Пасхальные обряды и обычаи на Руси // Там же.
57 Наш календарь // Там же.

А.И. Тимиргазиева

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ
В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
В БАШКИРСКОЙ АССР
(1950–1960-е гг.)

В статье на основе архивных документов рассматривается развитие научно-исследовательской работы в области общественно-гуманитарных наук в Башкирской АССР в 1950–1960-е гг. Главное внимание уделяется критическому анализу основных проблем организации научно-исследовательской работы научных кадров как в высших учебных заведениях, так и в учреждениях Академии Наук СССР.

Ключевые слова: Башкирская АССР, социальные науки, гуманитарные науки, научно-исследовательская работа, высшая школа, Академия наук СССР, марксистско-ленинская идеология.

Одним из направлений государственной политики по отношению к научным кадрам общественно-гуманитарного профиля в советский период являлась организация их научно-исследовательской работы. По мере развития научных изысканий она превратилась в достаточно логичную, согласованную систему с налаженным механизмом внутреннего регулирования. Основные задачи в области научных разработок определялись высшим руководством КПСС и Советского государства, которое затем делегировало их соответствующим партийным и государственным, республиканским органам. Последние, в свою очередь, передавали требования и инструкции, касающиеся исследовательской работы, в вузы и научные учреждения.

До первой половины 1950-х гг. уровень научно-исследовательской работы общественно-гуманитарного профиля в высших учебных заведениях и научных учреждениях Башкирской АССР требовал серьезного улучшения. Об этом свидетельствовали справ-

ки и докладные записки областного комитета партии, протоколы заседаний ученых советов вузов и кафедр, секторов и отделов.

Среди основных недостатков, мешающих развертыванию активной научно-исследовательской работы в вузах, являлись: недоукомплектованность кафедр высококвалифицированными научными сотрудниками и руководителями и недостаточное привлечение имеющихся кадров к участию в научных изысканиях¹. В частности, в Башкирском государственном педагогическом институте (БГПИ) в начале 1950-х гг. около половины преподавателей не занимались научными исследованиями, что противоречило характеру деятельности высшего учебного заведения. В институте укоренилась практика, которая являлась предметом острой критики со стороны обкома, когда преподаватели, защитив кандидатские диссертации, переставали работать над дальнейшим повышением квалификации. Так, в 1954 г. из 50 преподавателей, имеющих ученую степень кандидата наук, над докторской диссертацией работали только 13 человек. Из 27 преподавателей кафедр общественных наук вуза в научно-исследовательскую работу были вовлечены 11: четверо из девяти на кафедре марксизма-ленинизма², трое из пяти на кафедре истории СССР, трое из четырех на кафедре политэкономии³. Ими готовились кандидатские диссертации и публиковались статьи. И только один на кафедре философии, ее заведующий, работал над докторской диссертацией.

На заседаниях обкома, дирекций и кафедр вузов обсуждались и анализировались причины подобного положения. Секретари Башкирского обкома объясняли его недостаточной организацией творческих дискуссий, рецензирования и критического обсуждения научных докладов и статей⁴.

Следующим недостатком, препятствующим ведению эффективной научно-исследовательской работы, являлось то, что диссертантам приходилось долго добиваться приема их работ к защите вузами и научными учреждениями, которым было предоставлено такое право. Особенно затруднительным являлся прием диссертаций по тем отраслям науки, по которым было мало вузов, имеющих право принимать работы к защите. Институтам Башкирии была необходима помощь Министерства просвещения РСФСР в прикреплении диссертантов к высшим учебным заведениям страны для защиты кандидатских и докторских диссертаций, которую оно не всегда могло оказать по формальной причине: из-за перегруженности диссертационных советов. Затруднения при представлении законченных диссертаций к защите вузы Башкирии испытывали на протяжении десятилетий. Так, в 1952 г. не была принята к за-

щите диссертация преподавателя БГПИ Ленинградским педагогическим институтом имени А.И. Герцена из-за перегруженности диссертационного совета⁵.

Во-вторых, практически отсутствовала координация исследовательской деятельности вузов и институтов Академии Наук СССР, что приводило к дублированию в научной работе и распылению сил и средств. Вместо разработки плановых тем совместно с другими научными учреждениями практиковался лишь частичный обмен изданной научной продукцией.

Долгое время для научных и научно-педагогических кадров представляла сложность также публикация статей и докладов. В вузах не был налажен регулярный выпуск научного журнала «Ученые записки». Например, в БГПИ он почти не издавался⁶, а Стерлитамакскому учительскому институту не было предоставлено право его издания⁷. В башкирском филиале Академии наук отсутствовала собственная типографская база, ввиду чего подготовленные сотрудниками статьи не издавались годами⁸.

Проблема развития научной издательской базы в стране обсуждалась на заседании ректората Академии общественных наук при ЦК КПСС от 14 сентября 1956 г. Ректор И.А. Дорошев отмечал, что перед авторами статей постоянно стоял вопрос о том, где печатать: «...Каждый, кто пробивался в большие журналы, знает, что такое значит опубликовать свою статью. Аспирант бьется, как рыба об лед, несколько раз переделывая статью, но напечатать не может. Отсюда встает вопрос, как же аспирант будет защищать диссертацию, если нет опубликованной статьи? То есть получается квадратура круга». Участники заседания пришли к выводу о том, что наиболее оптимальный выход из сложившегося положения – наладить регулярный выпуск «Ученых записок»⁹.

Все указанные недостатки в организации научной деятельности работников общественно-гуманитарного профиля неизбежно приводили к невыполнению планов научно-исследовательских работ. В вузах и научных учреждениях составлялись перспективный план научно-исследовательской работы сроком на пять лет и план научной работы на календарный год. Последний уточнялся в начале каждого учебного года¹⁰. Большинство утвержденных тем научных исследований не выполнялось и являлось переходящим из года в год.

На заседаниях бюро обкома партии отмечалось, что обсуждение и утверждение планов носило формальный характер. Фактически обсуждение происходило только один раз в году и сводилось к документальному утверждению. Творческие дискуссии по разра-

ботке различных проблем или отдельных глав диссертаций почти не практиковались, в основном преобладали организационные вопросы. Именно по этой причине, по мнению участников заседаний, не выполнялись планы и большинство преподавателей и научных работников занимались исследовательской деятельностью бессистемно, урывками, часто за счет своего очередного отпуска¹¹.

На совещаниях директоров институтов, их заместителей и секретарей партийных организаций институтов отмечалось: «Планы научно-исследовательских работ пестрые, нет конкретных проблем. Сначала подбирается руководитель, потом подыскивается тема. Работают кто во что горазд»¹². При таких условиях возможность разработки фундаментальных, масштабных проблем исключалась и составление конкретных, качественных рекомендаций для общественно-политического, экономического развития страны являлось затруднительным.

Отсутствие системности, хаотичность в научно-исследовательской деятельности наблюдались на кафедрах общественных наук в БГПИ, Башкирском государственном медицинском институте (БГМИ), Уфимском авиационном институте (УАИ), Бирском педагогическом институте, Стерлитамакском и Месягутовском учительских институтах, а также в отделе экономических исследований Башкирского филиала Академии наук.

Разобщенность научно-исследовательских работ являлись следствием недостаточного уровня кадровой подготовки, слабого планирования научной деятельности. Отсутствие четкой и систематизированной координации снижали потенциал коллективов, могли привести в дальнейшем, по мере увеличения числа научно-педагогических кадров и расширения круга исследований, к дублированию и неглубокому, поверхностному раскрытию научных проблем.

Переломным в развитии научно-исследовательской деятельности работников общественно-гуманитарного профиля явился XX съезд КПСС, состоявшийся в феврале 1956 г. Прежде всего, он сыграл заметную роль в создании качественно новых условий развития общественного сознания в стране. Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев в своем «секретном докладе», прочитанном в последний день работы съезда, говорил о тяжелых последствиях культа личности. Перед представителями общественных наук ставилась задача «отбросить субъективно-идеалистические наклонения периода культа личности и проводить изучение истории партии в соответствии с исторической правдой»¹³. Под «исторической правдой» подразумевалось то, что никакой культ личности не мог

изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов, хотя этот культ и нанес серьезный ущерб развитию социалистического демократизма, подъему творческой инициативы миллионов.

В качестве важной задачи определялся также переход от абстрактной работы над произведениями классиков марксизма-ленинизма к решению более насущных проблем. Задачи становления тесной связи научной деятельности с профилем института, с производственной сферой, расширения масштабов научных изысканий, ликвидации многотемности и формирования комплексной темы на каждой кафедре общественно-гуманитарных наук провозглашались как наиболее важные в организации научно-исследовательской работы.

После XX съезда КПСС практически на всех кафедрах общественно-гуманитарных наук были сформированы комплексные темы исследований, в разработке которых принимало участие подавляющее большинство сотрудников. Тематика диссертаций, статей, докладов и конференций отражала проблемы комплексных исследований¹⁴.

К концу 1960-х гг. в вузах республики оставалось только около 10% преподавателей, которые не занимались исследовательской деятельностью. Расширение вовлечения преподавателей вузов в научно-исследовательскую деятельность можно проследить на примере крупнейшего в республике высшего учебного заведения – Башкирского государственного университета (бывший БГПИ). Если в начале 1950-х гг. из 146 преподавателей научно-исследовательской работой занимались 73 (50%), в 1960 г. из 190 преподавателей – 144 (75%), то в конце 60-х гг. научными изысканиями были заняты 370 преподавателей из 388 (95%)¹⁵. В вузе регулярно стали издаваться «Ученые записки».

В середине 1950-х гг. Стерлитамакский государственный педагогический институт (СГПИ) получил от Министерства просвещения РСФСР право издания «Ученых записок», что способствовало оживлению научно-исследовательской деятельности. Если в начале 1950-х гг. теоретические статьи работников кафедры марксизма-ленинизма практически не публиковались, в 1955–1956 гг. было опубликовано восемь статей преподавателей кафедры, то в 1960–1961 гг. – 16 статей, а в 1968–1969 гг. – уже 21 статья¹⁶.

По общественным и гуманитарным наукам были определены такие комплексные темы, как «История Франции в средние века и новое время» (кафедра всеобщей истории), «Пути повышения про-

изводительности труда промышленных предприятий Башкирии» (кафедра политэкономии), «История башкирской партийной организации» (кафедра истории КПСС), «Вопросы истории Башкирии» (кафедра истории СССР) в БГУ; «Исторические предпосылки и история Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Урала)» (кафедра марксизма-ленинизма) в СГПИ; «Повышение производительности труда в нефтедобывающей промышленности» (кафедра политэкономии), «Парторганизация нефтеперерабатывающего завода в борьбе за повышение производительности труда», «Использование партийных решений в курсе основ марксизма-ленинизма», «Вопросы борьбы с пережитками капитализма в сознании людей» (кафедра марксизма-ленинизма) в УНИ; «Роль совхозов Башкирии в подъеме сельского хозяйства в шестой пятилетке» (кафедра политэкономии) в Башкирском сельскохозяйственном институте (БСХИ)¹⁷.

Несмотря на некоторые сохранявшиеся организационные проблемы в научно-исследовательской работе научных и научно-педагогических кадров, во второй половине 1950-х гг. эта работа перешла на новый, более высокий уровень.

Во-первых, было положено начало профильно-тематическому характеру научных разработок, что приближало их к практическим потребностям общества. Хотя выводы всех научных исследований по-прежнему содержали априорную мысль об определяющей, руководящей и прогрессивной роли Коммунистической партии и Советского государства, в научных изысканиях появились элементы творческой свободы, поиска, инициативы, обусловленные общественными потребностями. Обобщался значительный эмпирический материал, опыт республики. Исследователи в своих работах представляли не готовые, абстрактные истины, а рассматривали конкретную историю развития промышленности, сельского хозяйства, литературы, языкознания, педагогической мысли и т. д., а также вырабатывали конкретные рекомендации в этих областях.

Во-вторых, ослабление декларативности в научно-исследовательской деятельности, а также развитие организационного опыта способствовали расширению и активизации научных изысканий. Это проявилось в совершенствовании издательской базы, увеличении числа диссертационных работ и статей, формировании комплексных тем исследований.

В Москве 12–14 июня 1961 г. состоялось Всесоюзное совещание научных работников, где рассматривались пути развития науки и совершенствования научной деятельности. Участниками сове-

щения было отмечено, что за последние годы проделана большая работа по расширению масштабов научных исследований и ликвидации многотемности, но необходимо усиление теоретических исследований по важным проблемам, имеющим практическое, хозяйственное значение¹⁸.

В 1962 г. министерством высшего и среднего специального образования СССР было разработано и утверждено «Положение о научно-исследовательской работе в высших учебных заведениях», где подчеркивалась важность организации научных исследований в высшей школе на основе прямых хозяйственных договоров с предприятиями и другими производственными организациями. Так, кафедра философии и научного коммунизма УНИ с 1967 г. активно включилась в выполнение хоздоговорной научно-исследовательской работы по теме «Свободное время рабочих, инженерно-технических работников и влияние его структуры на их производственную активность». Была образована социологическая группа, которая собирала и обрабатывала данные, необходимые для квалифицированного, обстоятельного анализа структуры свободного времени работников различных предприятий¹⁹.

Исследования членов кафедры с последующими рекомендациями для руководства проводились по договору с Уфимским заводом синтетического спирта, Уфимским химическим и Новоуфимским нефтеперерабатывающим заводами, Салаватским нефтехимическим комбинатом (хоздоговорные работы стали впоследствии проводиться и другими кафедрами вуза, в частности, с 1971 г. кафедрой политэкономии).

По заказу Министерства нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР членами кафедры философии и научного коммунизма УАИ в конце 1960-х гг. была обоснована реальная потребность предприятий отрасли в инженерах, техниках и организаторах производства, изучены проблемы рационального использования инженерно-технических кадров, текучести рабочей силы на конкретных промышленных предприятиях. Впоследствии коллектив кафедры составлял планы социального развития промышленных предприятий и городов²⁰.

В БСХИ впервые стала проводиться исследовательская работа на хоздоговорных началах при кафедре политэкономии. В 1967 г. была разработана тема «Изучение эффективности полного хозрасчета в совхозе “Урал” Абзелиловского района» и представлены предложения к Всесоюзному совещанию экономистов по проблемам повышения эффективности сельского хозяйства²¹.

Все хоздоговорные работы, проводимые на перечисленных кафедрах общественных наук высших учебных заведений, несомненно, имели практическое значение для планомерного совершенствования промышленного и сельскохозяйственного производства и свидетельствовали о поступательном развитии науки.

Между тем во второй половине 1960-х гг., после подавления «Пражской весны», идеологическая «погода» в стране поменялась. Основными лозунгами руководства Л.И. Брежнева стали стабильность, устойчивость, усиление идеологического контроля. Заведующим Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС был фронтовой друг Л.И. Брежнева С.П. Трапезников, нетерпимость и догматизм которого стали притчей во языцех. С.П. Трапезников олицетворял в ЦК те силы, которые укрепились вместе с Л.И. Брежневым и боролись против идеологических вольностей предшествующего периода.

Усиление партийного руководства привело к тому, что слова «идеологическая дисциплина» стали ключевыми для определения состояния общественных и гуманитарных наук. ЦК КПСС давал ясную установку: разномыслие не должно допускаться. В результате научные споры экономистов, историков, философов носили по преимуществу «цеховой» характер, постоянно подвергались проверкам на соответствие идеям и установкам марксизма-ленинизма и были сравнительно малоизвестны широким слоям населения.

Однако несмотря на попытки партийных органов и государственных учреждений уложить все исследовательские разработки в области общественных наук в заранее заданные рамки, настоящая наука в стране действительно существовала, целенаправленно развивалась и имела достижения, принесшие ей мировое признание. С одной стороны, во второй половине 1960-х гг. роль общественных наук «благополучно» возвращалась к комментированию «исторических решений партии и правительства», с другой – проводились высококачественные научные исследования прикладного и теоретического характера, появлялись новые научные школы и направления. Наряду с обоснованием в диссертационных и других работах эффективности планового хозяйства и госсобственности в противовес рыночной экономике, прославлением коллективного опыта партии и мудрости вождей, постоянным утверждением «исторического превосходства социализма» и «преимуществ планового хозяйства»²², исследовались и конкретные пути повышения рентабельности производства, исторические события и явления, развитие философской и общественной мысли, расширялась источниковедческая база исторических исследований.

На кафедрах общественных наук разрабатывались темы: «Деятельность КПСС по созданию и развитию нефтяной, нефтеперерабатывающей и химической промышленности на Волго-Урале и повышению ее экономической эффективности» (кафедра истории КПСС), «Повышение экономической эффективности работы предприятий нефтяной и нефтехимической промышленности Башкирии» (кафедра политэкономии) в УНИ; «Повышение коллективного сельскохозяйственного производства» (кафедра политэкономии), «Наука, философия и идеология», «Диалектика структуры и функции в живой природе» (кафедра марксистско-ленинской философии и научного коммунизма) в БСХИ; «Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция СССР» (кафедра марксистско-ленинской философии), «Экономические категории прибыли, рентабельности и цены в социалистическом народном хозяйстве» (кафедра политэкономии), «Руководство Башкирской партийной организации развитием промышленности и культуры республики» (кафедра истории КПСС) в УАИ; «История Франции в XX веке» (кафедра всеобщей истории) в БГУ²³ и т. д. Практически каждым научным коллективом была определена комплексная тематика исследований.

В 1960-е гг. в УАИ начались первые в Башкирии социологические исследования, которые были связаны с именем известного и в СССР, и за рубежом социолога Н.А. Аитова, создавшего в Уфе при кафедре философии УАИ свою лабораторию. В БГПИ лаборатория социологических исследований была организована под руководством Дж.М. Гилязетдинова. Материалы исследований обеих лабораторий содержали многоуровневые сведения о нескольких десятках коллективов предприятий различных городов. Широкомасштабная работа по анализу структуры кадров, определению их образовательного, профессионально-технического уровня способствовала формированию в республике научных школ. При них проводились хозяйственные работы, готовились кандидатские и докторские диссертации, организовывались многочисленные конференции²⁴.

Несмотря на идеологические ограничения и трудности, в социалистическом обществе были созданы объективные предпосылки для развития творческого научного труда. Развитие региональных научных центров, в частности, организация Башкирского филиала Академии наук СССР, сопровождение учебного процесса в вузах активной научной работой, совершенствование научной издательской базы давали ощутимые плоды: формировались новые направления исследований, создавались научные школы и коллективы, состоящие из ученых, которые учились друг у друга.

В республике научные кадры общественного и гуманитарного профиля постепенно включились в исследование проблематики, связанной с развитием Башкирской АССР как одного из ведущих регионов страны. В зависимости от профиля учреждения разрабатывались отдельные аспекты истории, культуры, экономики, социальной сферы, общественно-политических отношений и государственного строительства в республике. Образовательные и научные учреждения прошли значительный путь от разработок отдельных тем и направлений до широкой научно-исследовательской деятельности, которая стала частью процесса возрастания научного потенциала Башкирии. Это позволяло проводить важные научные конференции, издать большое число научных публикаций, сборников и статей, открыть новые научные журналы. Активизация научно-исследовательской деятельности положительно сказывалась на научно-методической и учебно-воспитательной работе. Влияние насаждаемой партийными органами идеологии не лишало научных работников значительной автономности.

Примечания

- ¹ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 534. Л. 138.
- ² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 122. Оп. 30. Д. 1519. Л. 27.
- ³ ЦГИА РБ. Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 968. Л. 30.
- ⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 30. Д. 985. Л. 27.
- ⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-802. Оп. 3. Д. 1181. Л. 43.
- ⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 30. Д. 544. Л. 13.
- ⁷ ЦГИА РБ. Ф. Р-3274. Оп. 1. Д. 84. Л. 88.
- ⁸ Уфимский научный центр Российской Академии наук (УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 1. Д. 316. Л. 4.
- ⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. Д. 117. Л. 15.
- ¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. Р-3274. Оп. 1. Д. 240. Л. 21.
- ¹¹ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 30. Д. 337. Л. 18.
- ¹² Там же. Оп. 32. Д. 337. Л. 18.
- ¹³ ЦГИА РБ. Ф. Р-4398. Оп. 1. Д. 116. Л. 70.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 192. Л. 151.
- ¹⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 266. Л. 32.
- ¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 192. Л. 151.
- ¹⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 266. Л. 32.

- 18 ЦГИА РБ. Ф. Р-2372. Оп. 1. Д. 246. Л. 12.
- 19 Там же. Д. 820. Л. 19.
- 20 Там же. Л. 19.
- 21 Там же. Ф. Р-1254. Оп. 4. Д. 360. Л. 35.
- 22 Там же. Д. 58. Л. 9.
- 23 Там же. Ф. Р-2372. Оп. 1. Д. 774. Л. 133.
- 24 ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 71. Д. 266. Л. 32.

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

А.И. Еремин

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ДОКУМЕНТАЦИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (конец XIX – начало XX в.)

В статье рассматриваются приемы выявления и использования информации историко-антропологического характера, содержащейся в документах архивных фондов классических гимназий. Делается вывод, что в ходе подготовки и бытования документов гимназий происходили преобразование и деформация информационных связей, для раскодирования которых требуется проведение источниковедческого исследования.

Ключевые слова: Орловская мужская гимназия, классическое образование, делопроизводство, социальная история, источниковедение, новая локальная история, историко-антропологическая информация, историко-культурный контекст.

Тема школьной жизни (в западной терминологии *schooling*) затрагивается многими историографическими направлениями внутри социальной истории. Но наибольшее внимание фокусирует на ней социальная история образования, приоритетом для которой стала высшая школа, развитие системы высшего образования¹, социальное портретирование студенчества² и профессуры³. Работы, выполняемые в русле тематики школьной жизни, выходят в более широкий контекст путем встраивания в проблематику формирования гражданского общества в России. Их объединяют и методологические затруднения, возникающие при сопоставлении и интегрировании исследований.

Подходы и программы изучения, применяемые социальной историей образования, основаны на умозрительном объединении в одной социальной группе, скажем, всего студенчества, профессуры (или только московской профессуры), учительства⁴ и разнородности исторических источников, не получили заинтересованного обсуждения в научных институциях. Взаимодействие высшего и среднешкольного образования, формирование и состав абитуриентов оказались на периферии интересов историков.

В новейших исследованиях основное внимание уделяется соотношению малых социальных групп и практик в сфере образования с современным им обществом. Заявлены преимущества методов «устной истории», источников личного происхождения, непосредственно не выраженной в источниках информации. Обоснованность этих утверждений не продемонстрирована, и едва ли может быть проверена ввиду недостатка источников личного происхождения в корпусе источников.

Внутри субдисциплин социальной истории «разорваны и параллельно сосуществуют» научно ориентированное и социально ориентированное историописание⁵. Показательным примером, поясняющим это утверждение, являются обстоятельства введения и корректировки Единого государственного экзамена (ЕГЭ). В них не оказалось места даже предположениям о возможном значении исторического опыта испытаний зрелости в российских гимназиях конца XIX – начале XX в., которые являлись историческим аналогом, предшественником современного ЕГЭ. Не изучались исторические аналогии современных проблем и роль конкретных обстоятельств в их возникновении, взаимовоздействии и взаимоперетекании.

Потребность интегрировать научно ориентированное и социально ориентированное историописание, преодолеть оппозицию микро- и макроподходов, получить «строгое знание», применимое для решения прагматических задач подтвердили и университетские исследования, и изучение научной и образовательной политики⁶.

В актуальной познавательной ситуации перспективы социальной истории связаны с вопросом о том, сумеет ли она представить обществу «строгое знание» вместо иллюстративного подбора источников и информации. Соответствующий инструментарий предлагает источниковедческая парадигма исторического знания, развиваемая научно-педагогической школой источниковедения (НПШИ)⁷. Концептуальной новацией НПШИ, связанной с именем О.М. Медушевской, является отнесение истории к когнитивным наукам, изучающим феномены сознания⁸. Тогда историческое

исследование призвано зафиксировать в реально существующем объекте (корпусе источников) проявления сознания.

Историки обычно объективируют эту нематериальную субстанцию в источниках там, где происходит отбор и преобразование информации. В процессе и в результате деформации информационных потоков заключен ресурс информации историко-антропологического характера, который требует своего раскодирования и включения в интерпретационные построения.

Изучаемые тексты можно связать с окружающей культурой, локальными контекстами и культурными традициями. Такой подход, основанный на источниковедческом микроанализе, предлагает новая локальная история. Эта историографическая практика призывает видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать контекстность, глобальное и локальное, соотношение исторических макро- и микроуровней⁹.

Согласно источниковедческой парадигме корпус источников изучаемой эпохи и человечества обладает фундаментальной соотношенностью, следовательно, в нем срабатывает компенсаторный механизм выражения человеком своих интересов. Стремление к установлению вторичных социальных связей, не реализованное в одних видах деятельности и соответствующих им исторических источниках (например, источниках личного происхождения), получает свое выражение в других видах деятельности (например, в делопроизводственной документации).

Все источники, при всех возможных различиях социальных функций, вызвавших их появление и бытование, содержат информацию о своем создателе и времени, в котором они были созданы, имеют ресурс информации историко-антропологического характера. Историки, ищущие решения научных проблем в русле антропологически-ориентированных подходов, сталкиваясь с недостатком источников и информации о субъективных проявлениях интересов людей, восполняют его конструированием объектов изучения, нарративными приемами доказательства и аргументации.

Методологически ориентированные авторы постановочных и теоретических работ предлагают восполнять информационные пробелы «новыми источниками понимания». Тогда как в конкретных исследованиях основным источником продолжает оставаться делопроизводственная документация.

Ясно, что материалы делопроизводства составляют только часть письменной документации той или иной эпохи. Помимо письменных, есть источники других типов: остатки зданий учебных заведений, фотографии, легенды и материалы устной истории,

предметы быта. Круг источников широк, но вполне обозрим. Возможно, именно через делопроизводственную документацию следует восстанавливать цепочки информационных связей с другими источниками эпохи и изучаемыми проблемами. Так или иначе, но источники, возникшие и бытовавшие в сфере образования, используются едва ли не во всех субдисциплинах социальной истории. Поэтому необходима теоретическая рефлексия об их информационных ресурсах для исторических исследований.

Относительно новая и традиционная историческая проблематика изучается, в том числе, на материалах местных и низовых учреждений. Локальные массивы документации в ограниченных пространственных рамках позволяют увидеть «большое в малом», комбинировать микро- и макроисследования, актуализировать вопросы применимости общих источниковедческих методик и специальных приемов использования делопроизводственной документации разных периодов. Примеры использования документации фондов местных и низовых учреждений легко найти по любой проблеме социальной истории нового времени. Значительно меньше изучены и используются документы низовых учреждений образования.

В конце XIX – начале XX в. самыми популярными средними учебными заведениями в России являлись классические гимназии. Главная привлекательность гимназии, которая притягивала российское юношество и их родственников к классическому образованию, заключалась в правах, которые получали выпускники вместе с аттестатом зрелости – право быть принятым на любой факультет университета без вступительных экзаменов и преимущества по гражданской и военной службе. Такой способ соединения высшего и среднего образования имел своих сторонников и противников, но не был осмыслен научно, беспристрастно.

Таким образом, соотнесенность источников в источниковой базе эпохи можно использовать для взаимодополнения микро- и макро-подходов, где новизна и эффективность методов связаны с возможностью ближе подойти к историческим субъектам (акторам). Изучение информационных возможностей делопроизводственной документации классической гимназии имеет методическое значение для исследования других материалов, учреждений, институций сферы образования России нового времени.

Цель статьи – в развитие наших предыдущих работ, опубликованных в «Вестнике РГГУ» и «Новом историческом вестнике», выработать приемы выявления и использования информации историко-антропологического характера, содержащейся в дело-

производственной документации классической гимназии для изучения проблематики социальной истории.

* * *

Деятельность гимназий определялась Уставом гимназии и прогимназии 1871 г., «Правилами об испытаниях учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» 1891 г.¹⁰, распоряжениями министра народного просвещения и попечителя учебного округа, должностными инструкциями служащих и учащихся, и подлежала всестороннему документированию. Отложившаяся за более чем столетие документация гимназий хранится в фондах областных архивов, а отчетная документация и переписка отложились еще и в фондах попечителей учебных округов, которыми гимназии непосредственно подчинялись и были подотчетны.

Чтобы из массивов множественной дублируемой документации сформировать объект исследования, отобрать взаимосвязанные комплексы документации, необходимо оценить полноту фонда, знать особенности делопроизводства в конкретной гимназии. Найти нормативные материалы по делопроизводству Орловской мужской гимназии, старые делопроизводственные описи, журналы входящих и исходящих бумаг не удалось.

Не имея нормативных материалов по делопроизводству, для оценки особенностей комплектования и сохранности документации были сопоставлены фонды Орловской, Владимирской и Тверской гимназий. Фонды Владимирской и Тверской гимназий сохранились плохо, фонд Орловской – сохранился полно, за отдельными исключениями. Дела не переформировывались, но были изменены их заголовки и нумерация, данные фондообразователем.

Определение сохранности, состояния первичной документации местных и низовых учреждений, возможностей ее использования традиционно является первоочередной источниковедческой задачей¹¹. В связи с тем, что материалы гимназий не изучены, а структура научно-справочного аппарата архивов не соответствует проблематике современных исторических исследований, основным приемом изучения стал полистный просмотр всех архивных дел Орловской мужской гимназии, отложившихся в конце XIX – начале XX в.

По старым делопроизводственным обложкам была восстановлена номенклатура дел. Документы выполнены на бланках гимназии, частью в рукописном виде, частью – на печатной машинке. Заголовки дел неоднократно переименовывались при их архивном хранении. Основные формы документации таковы: ежегодные

отчеты директора о состоянии гимназии, сочетающие текстовые и табличные сведения, согласно законодательно определенному формуляру; протоколы Педагогического совета и экзаменационных комиссий; экзаменационные работы; характеристики выпускников; документы о сдаче экзаменов; ведомственная переписка.

Эта номенклатура дел повторялась из года в год. Новым направлениям деятельности присваивались следующие за постоянной номенклатурой номера дел. Увеличение нагрузки по основным направлениям деятельности выражалось в присвоении литеров основным делопроизводственным номерам, что указывает на тенденции эволюции документации.

Номенклатура дел фондообразователя раскрывает все основные направления деятельности гимназии. Как видим, в конце XIX – начале XX в. большинство документов фонда связано с проведением экзаменов, важнейшими из них были испытания зрелости¹². Эта документация состоит из двух групп: журналы, протоколы, отчеты и письменные работы абитуриентов (так называли лиц, державших испытания зрелости).

Механизм функционирования гимназий был хорошо отлажен. Несмотря на это, даже в казенных гимназиях отличались порядки документирования деятельности. Нормативная база допускала представление начальству копий протокольной документации. Поэтому гимназии стремились оптимизировать свои усилия и служебное рвение тем, что протокольная функция документации подменялась отчетной.

Вся документация гимназий готовилась под руководством директоров. Их служебные и личные приоритеты оказывали решающее влияние на параметры не только отчетной, но и протокольной документации. Журналы и протоколы готовили секретари соответственно Педагогического совета и испытательных комиссий из числа преподавателей, отчетную документацию и переписку – делопроизводитель и переписчики. Но от директора зависела полнота передачи журналами Педагогических советов и протоколами испытательных комиссий того, что происходило на них.

Так, секретарь Педагогического совета Орловской гимназии учитель древних языков статский советник Ф.К. Лютер по своему служебному положению был выше делопроизводителя, однако он не имел полномочий «редактировать» выступления коллег. Должны были существовать какие-то общие основания для практической подготовки журналов заседаний. Несомненно, что в той или иной мере отбор содержания и редакция высказываний имели место. Полнота фиксации того, что происходило и произносилось

на заседаниях и экзаменах, зависела и от технической подготовленности секретаря. В любом случае, журналы и протоколы готовились в ходе заседаний и подписывались всеми членами Педагогического совета и испытательных комиссий, поэтому в конкретном исследовании каждый раз необходимо исходить из конфигурации реальных обстоятельств.

Таким образом, некоторые разновидности делопроизводственной документации (отчетная документация, протоколы и журналы заседаний, переписка) использовались в делопроизводстве всех государственных учреждений России нового времени. Наряду с ними были специфические, не использовавшиеся в других учреждениях разновидности документации, такие как письменные работы абитуриентов, характеристики выпускников, жизнеописания экстернов. Несмотря на указанные различия, вся документация является делопроизводственной, для извлечения и оценки содержащейся в ней информации нужно установить, как именно исполнялись и/или не исполнялись предписанные нормы делопроизводства.

* * *

Исследователи используют все разновидности делопроизводственной документации в самых разных конфигурациях с другими источниками, но предпочтение традиционно отдают отчетной документации и переписке. Потому что отчеты позволяют преодолеть множественность документации и повторяемость информации, а в переписке видны структурно-функциональные связи документов и способы преобразования информации.

Одновременно с выбором групп документации для изучения нужно локализовать комплекс источников в тех или иных границах места и времени в связи с предметным полем, дисциплиной и направлением исследования. Нужно отсеять избыточную документацию, выделить группы документации, которые не дублируются, более приближены к первичному пласту информации, оценить их информационный ресурс, возможности и ограничения для использования в исследованиях.

Для исследования перспективнее тот источник, без которого нет полноты корпуса источников эпохи и проблемы. С этой точки зрения наиболее интересны экзаменационные работы абитуриентов гимназии, характеристики выпускников и жизнеописания экстернов.

Чтобы оценить достоверность информации, содержащейся в делопроизводственной документации, недостаточно знать состояние делопроизводства и документооборота. Важно выяснить собы-

тия и обстоятельства, влиявшие на состояние сферы образования, и смену должностных лиц гимназии.

В 1899 г. министр народного просвещения Н.П. Боголепов, в ответ на начавшийся переход к всеобщему начальному образованию и резко выросшую активность общества, инициировал реформы высшего и среднего образования. Эти важнейшие изменения в сфере образования почти совпали с заменой в 1897 г. директора Орловской гимназии. Тогда был отправлен в отставку до выслуги пенсии И.М. Белоруссов. Сменивший его О.А. Петрученко (ранее служил инспектором Рязанской прогимназии) при назначении на должность получил рекомендации (указания) о желательных изменениях в работе гимназии. В русле этого негласного правила, проводившегося во всех звеньях российской государственности, воспринимали действия нового директора преподаватели и родители гимназистов.

Наше предположение о том, что новое назначение сопровождалось важными изменениями в жизни гимназии, подтвердили документа фонда гимназии. В первый же год директорства Петрученко по два ученика из основного и параллельного VIII классов были оставлены на второй год. Впоследствии недопущение кого-то из учеников VIII класса и поголовный допуск экстернов к испытаниям зрелости стали обычным явлением.

Насаждение дисциплины среди учащихся и учащихся, дистанцирование от местных властей и общественных деятелей, отставки и перемещения преподавателей сформировали жесткий и эффективный стиль управления гимназией, который позволил Петрученко, в отличие от большинства директоров гимназий того времени, оставаться на этой престижной в России должности до упразднения гимназий в 1918 г.

В 1899 г. на испытаниях зрелости разразился громкий скандал, связанный с установлением массового списывания абитуриентов на выпускном экзамене по латинскому языку. В документации Орловской мужской гимназии нам удалось выявить всего несколько подобных случаев списывания. Два из них, произошедшие в 1899 г.¹³ и 1903 г.¹⁴, запечатленные случайно появившимися и сохранившимися документами, сопровождались конфликтами внутри педагогической корпорации, среди воспитанников гимназии и их близких. Каждый последующий инцидент менее подробно документирован и информативен, чем предыдущий.

В любом конфликте и происшествии участники применяют кажущиеся им оптимальными средства достижения своих целей. Они сознательно и неосознанно преобразовывают обстоятельства

произошедшего, его вербальные и подразумевавшиеся признаки и обоснования. В процессе и в результате деформации образа предмета оспаривания и заключен, повторимся, ресурс информации историко-антропологического характера, для выявления и раскодирования которого нужно проводить исследование источников.

Материалы о происшествиях или неординарных событиях, особенно нарушения делопроизводственных норм, могут иметь решающее значение для конкретного исследования. Например, столкнувшись с нарушением делопроизводственной клаузулы Н.Л. Пушкарева реконструировала черты выражения эмоций в семейных отношениях русских людей XVI в.¹⁵ Казусы интересны не самим фактом экстравагантного события, а тем, что в них заключен ресурс ненамеренной скрытой латентной информации.

Чтобы эксплицировать контекст, не предзаданный исследовательской ситуацией, а доказательными и проверяемыми приемами, сначала в документации гимназии были выделены события и смыслы, о которых спорили, затем установлены их повторения или реинтерпретации в других источниках. Так был зафиксирован диалог источников и сделан выход в контексты. Этим приемом предполагалось избегать иллюстративного использования источников, «принуждения» источника к диалогу с исследователем, в том числе путем постановки актуальных историографических вопросов.

Исследование подтвердило обязательность первоначального сопоставительного изучения делопроизводственной документации с нормативными актами. Конкретные пути формирования контекстов, выхода микроисследований в социальное определили состояние источников и локальные особенности осмысления проблемы. Например, выход в социокультурные контексты споров о списывании в Орловской гимназии произведен материалами рукописного журнала «Школьные досуги» и рассказа «Картинки школьной жизни»¹⁶.

Исследование документации Владимирской гимназии будет связано с историями гимназии, написанными ее преподавателями П.Н. Страховым и А.В. Захаровым, и воспоминаниями выпускника М.В. Касаткина, отсутствующими среди источников Орловской гимназии. Журналы педагогических советов, краткие в Орловской гимназии и подробные во Владимирской, имеют разный ресурс информации историко-антропологического характера, заложенный не столько местом протокольной документации в системе делопроизводственных материалов, сколько особенностями отдельных гимназий и традиций местного общества.

Очень любопытным может быть сопоставительное изучение документации Владимирской и Тверской гимназий, в которых

в 1904 г. произошла «рокировка» директоров – А.А. Стрельцов был переведен из Владимирской в Тверскую гимназию, а директор последней, С.Ю. Беллевич, получил назначение во Владимирскую гимназию.

Полученная в результате проведенного исследования информация объединена в нарративе, который, как и любое гуманитарное исследование, характеризуется мозаичностью и фрагментациями. Особенность в том, что место источников в нем будет постоянным и неизменным, так как определено обстоятельствами их возникновения и бытования больше, чем историографическими приоритетами и любопытством исследователя.

Микроанализ материалов о происшествиях (казусах) в Орловской мужской гимназии сформировал источниковый комплекс, доступный для повторного и/или аналогичного изучения. Предложенная методика изучения историко-культурного феномена повседневных практик классической гимназии позволяет наблюдать действительные и мнимые достоинства и недостатки классицизма, калейдоскопическое разнообразие состояния отдельных гимназий, социально-культурные обстоятельства подмены целей классического образования в России: с развития способностей – на получение документа о среднем образовании, дававшего право зачисления в университет и преимущества по службе.

* * *

Итак, локализовав при помощи казусов источник, можно наблюдать его в окружении других источников, сопоставить их содержание и историографические приоритеты. Подобно тому, что обстоятельства происхождения источника влияют на достоверность любых групп документации гимназии, общий фон для проведения антропологически ориентированного исследования связан с пониманием мотивов, эмоций, интеллектуальных привычек авторов документов.

Попытки увязать «строгое знание» с применением математических и компаративных методов не были достаточно убедительными, ведь некоторые исторические проблемы, такие как мотивация выбора профессии и идеалы, не имеют количественных параметров, для других, например, качество классического образования и уровень знаний выпускников, изменение количественных параметров не меняют существующих представлений о них. Для понимания мотивов, эмоций, стилей мышления авторов исследуемых произведений не подходят компаративные приемы и методы.

Решить часть из указанных затруднений помогает использование подготовительных материалов и черновиков документации¹⁷. Понятие «подготовительные материалы» не равно понятию «черновики», но в данной статье они употребляются как синонимы.

Процесс подготовки документов показывает реалии гимназического образования, детали, скрытые и явные противоречия и конфликты, личные интересы, черты мышления и поведения в повседневной жизни, не замечавшиеся и не предназначенные к фиксации делопроизводственным формуляром.

Методически целесообразно начинать формирование комплекса делопроизводственной документации работой с черновиками – выявить черновики полстным просмотром и оценить их значение в массиве документов. Подготовительные материалы и черновики лучше других материалов позволяют реализовать подход «от источника»: провести отбор источников, установить связи между группами документации, очертить абрис контекста, выделить структурирующие сюжеты изучаемой проблемы, локализовать объект исследования, установить диалоги источников, выявить ненамеренную информацию.

Черновики местных и низовых учреждений не повторяются в общем массиве делопроизводственной документации. Прямая связь между информационным ресурсом черновиков и значением окончательного документа в системе делопроизводства отсутствует.

Черновики появляются для наилучшей реализации основной социальной функции документации, но имеют явно выраженные межвидовые свойства, свойства источников личного происхождения. Комплексный анализ документов, включая палеографическое изучение текстов, текстологический и дискурсивный анализ лексики, понятий, риторики вскрывает связи документов, упомянутых в них событий и персон.

Черновики фиксируют основные направления тенденциозности документов, чем способствуют оценке достоверности свидетельств. Черновики первичной документации более чем источники личного происхождения пригодны для изучения мотивации поступков их авторов, реальных взаимоотношений должностных лиц, способов достижения личных интересов и уклонения от предписанного.

Обращение к массовой однородной документации местных и низовых учреждений позволяет восполнить пробелы в источниковой базе, выработать приемы формирования изоморфной базы исследования, выявить ресурс историко-антропологической информации.

Таким образом, казусы и происшествия и оставшиеся после них свидетельства содержат информационный потенциал для более

широких интерпретаций и контекстуализаций во многом благодаря черновикам документации. Если к казусам есть еще и черновики, то открываются новые возможности для контекстуализации, дополняющие установление различий в соблюдении предписанных делопроизводственных норм и репрезентативность источников. Заметим, что кроме случайно сохранившихся черновиков, в архивных фондах гимназий есть документы – экзаменационные работы – черновики которых подлежали обязательному постоянному хранению, но это предмет отдельного серьезного разговора.

* * *

Итак, в структуре исторических исследований источниковедческая проработка используемых материалов занимает маргинальное положение. Историки, изучающие конкретные темы, зачастую не видят пользы от источниковедческих процедур для решения практических задач, используют источник утилитарно, извлекая факты, игнорируют взаимосвязь этапов источниковедческого исследования (условия появления источника, его интерпретация, оценка в качестве историко-культурного феномена).

Источниковедческая парадигма исторического знания предлагает практические приемы достижения «строгого гуманитарного знания». Основаниями для него являются непосредственное наблюдение исторического источника, демонстрация познавательного инструментария.

Исследователи, сталкиваясь с недостатком источников и информации, позволяющих изучать проявления субъективности исторических акторов, прибегают к конструированию объектов изучения, «принуждению» источников к диалогу. Такие подходы, по меньшей мере, преждевременны и не всегда оправданы.

Проведенное исследование делопроизводственной документации гимназии показало, что восполнение недостающих источников и информации путем изучения локальных групп документации высокой степени сохранности предпочтительнее, чем реконструкция идеального архива, освоение источниковой базы эпохи или проблемы, не говоря о нарративных приемах аргументации и обоснования. В любом случае, всегда есть возможность выбирать между ограничением актуальной проблематики и историческим конструированием.

Конкретизация задач исследования связана с локализацией источника, которая дает дополнительные возможности оценки репрезентативности изучаемого комплекса источников. Делопроизводственные казусы и материалы о происшествиях, выявленные

в документации Орловской мужской гимназии конца XIX – начала XX в., позволили локализовать источник и наметить критерии выявления и оценки ее информационного ресурса.

Документация и документооборот гимназии были социальными практиками повседневного функционирования учреждений образования и взаимодействия с современным им обществом. Так как сфера образования переплетена со всеми другими сферами жизнедеятельности социума, то материалы гимназии могут использоваться в исследованиях, ведущихся в разных современных направлениях социальной истории.

Функционирование специфических сфер деятельности, например, военной, судебно-следственной, дипломатической обеспечивали специальные системы делопроизводства. В конце XIX – начале XX в. элементы специальной системы делопроизводства функционировали в классической гимназии. То есть наряду с общими для всех учреждений нормами документирования и делопроизводства существовала группа разновидностей специальной документации. Среди них журналы педагогических советов и классных комиссий, протоколы экзаменов и испытательных комиссий, характеристики воспитанников, отчеты преподавателей, кондуитные журналы, письменные работы абитуриентов.

Ресурс информации историко-антропологического характера делопроизводственной документации заключен в «зазоре», динамичном пространстве между предписанной нормой и реальностью документа, реализованного продукта психической деятельности, и последующего коллективного творчества его исследователей.

В исторической реальности одному нормативному предписанию соответствует множество его практических воплощений. Поэтому изучать обстоятельства происхождения источника лучше с начальной стадии исследования.

В ходе возникновения и бытования делопроизводственных документов, всякий раз по-разному, происходит преобразование информационных потоков, деформация информационных связей исторических акторов. Поэтому недостаточно понимать тенденциозность, связанную с основной социальной функцией документации. Необходимо всякий раз изучать условия и обстоятельства появления источника, чтобы определить особенности раскодирования информации источника и включения его в интерпретационные построения.

Источниковедческое изучение документации гимназии способствует замене конвенциональных объектов на реальные объекты. Такие нематериальные субстанции как мотивы поведения, эмоции,

мыслительная деятельность имеют вполне материальную реализацию в форме исторических источников. Черновики документов, материалы их выполнения, особенности почерка, стиля, лексики документов и другие обстоятельства происхождения и авторства источника влияли на достоверность всех групп документации гимназии и содержащейся в них информации. Поэтому условием получения строгого знания является применение приемов специальных исторических дисциплин.

За рамками статьи осталось рассмотрение информационных ресурсов делопроизводственной документации гимназии, связанных с стандартизацией содержания документации и угасанием отдельных ее разновидностей (журналы и протоколы, жизнеописания, характеристики). Эти изменения, произошедшие за короткий хронологический отрезок, указали необходимые масштабы режимов исторического времени для конкретного исследования. Эволюция документации зафиксировала момент перехода к массовому образованию, произошедший раньше, чем было осознано содержание этого процесса.

Документальный комплекс, возникший и функционировавший в конкретном учебном классе, в определенный год выпуска, в одной гимназии представляет собой структуры социокультурной целостности. Отдельные разновидности документации, как характеристики абитуриентов, рассеивались по разным учебным заведениям. Другие, такие как экзаменационные работы, жизнеописания экстернов, оставались только там, в гимназии или в управлении учебного округа, где сдавались испытания зрелости. Эти группы документации не дублировались, сохранились только в фондах местных и низовых учреждений. В своей естественной совокупности эта документация обладает структурной информацией, которая позволяет соотносить малые социальные группы и социальные практики с современным им обществом, изучать взаимоотношения людей в сфере образования.

Состав, содержание и бытование делопроизводственной документации гимназии в ее структурно-функциональных связях выводит к источникам других видов (источники личного происхождения, рукописные журналы, художественная литература) и типов (фотографии, открытки, здания и парки, предметы учебного и досугового быта). Это дает возможность проведения комплексных источниковедческих исследований, более доказательного, чем сопоставление эмпирических материалов с той или иной концепцией, компаративного изучения материалов и проблематики в русле современных историографических практик социальной истории.

- ¹ *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века: Формирование системы университетского образования. Кн. 1–4. М., 1998–2001; *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
- ² *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М., 1999; *Он же.* Студенческая корпорация в России конца XIX – начала XX в.: Опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004; *Он же.* Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века: Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007; *Он же.* Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. М., 2010.
- ³ *Никс Н.Н.* Московская профессура во второй половине XIX – начале XX в. М., 2008; *Вишленкова Е.А., Галиulina П.Х., Ильина К.А.* Русские профессора: университетская корпоративность или профессиональная солидарность. М., 2012.
- ⁴ *Зубков И.В.* Российское учительство: Повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ, 1870–1916. М., 2010.
- ⁵ *Маловичко С.И., Румянцова М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево, 2013.
- ⁶ *Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы).* М., 2012.
- ⁷ *Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института.* М., 2001; *Источниковедение: Теория. История. Метод: Источники российской истории.* М., 2004.
- ⁸ *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.
- ⁹ *Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь.* М., 2014. С. 337–339.
- ¹⁰ *Правила об испытаниях учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения: Утверждены министром народного просвещения 12 марта 1891 г.* СПб., 1891.
- ¹¹ *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма.* М., 1979. С. 5–19, 108, 217, 412–414.
- ¹² *Еремин А.И.* Испытания зрелости в российской классической гимназии: чиновники, учителя, гимназисты, документация (конец XIX – начало XX вв.) // *Новый исторический вестник.* 2014. № 2 (40). С. 90–125.
- ¹³ *Еремин А.И.* «Шантаж, небывалый в России»: казус на испытаниях зрелости в Орловской мужской гимназии (1899 г.) // *Там же.* 2012. № 1 (31). С. 15–33.
- ¹⁴ *Еремин А.И.* «Если указанное зло действительно неискоренимо...»: спор на педагогическом совете Орловской мужской гимназии о списывании на испытаниях зрелости (1903 г.) // *Там же.* № 4 (42). С. 10–30.

- ¹⁵ *Пушкарева Н.Л.* Опыт микроанализа эмоциональных отношений семьи «новых русских» XVI века // Историческая психология и социология истории. 2009. № 9. Т. 2. С. 100–119.
- ¹⁶ *Еремин А.И.* Мировосприятие провинциальных гимназистов в начале XX в. (по материалам рукописного журнала «Школьные досуги») // Вестник РГГУ. 2013. № 10 (111). Серия «Исторические науки. История России». С. 18–42.
- ¹⁷ *Еремин А.И.* Черновики документации русской классической гимназии конца XIX – начала XX в. как источник для изучения истории повседневности // Там же. 2014. № 19 (141). Серия «Исторические науки. История России». С. 141–153.

КРУГЛЫЙ СТОЛ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ: РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН И ЕГО ХОЗЯЙСТВО В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье исследуется значение круглых столов для развития современной исторической науки. В качестве примера изучается состоявшийся в апреле 2014 г. Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война». Особое внимание уделено современным подходам, которые применяются разными учеными для анализа различных аспектов обсуждаемой темы.

Ключевые слова: Первая мировая война, российская революция, крестьянство, крестьянское хозяйство, круглый стол, историография.

В современной отечественной историографии, допускающей возможность изложения и обсуждения различных точек зрения по актуальным темам, материалы круглых столов становятся ценным источником для определения отношения представителей экспертного сообщества к минувшим событиям и историческим явлениям. Их информационная значимость заключается в том, что осуществляемые и затем публикуемые, в том числе и в авторской редакции, выступления позволяют не только выявить аргументацию и выдвигаемые тезисы, но и сопоставить их с мнениями и выводами других ученых, а в отдельных случаях проследить саму динамику состоявшейся дискуссии. В этом смысле они качественно отличаются от материалов историографических дискуссий, проходивших в рамках советской исторической науки применительно к любым темам. Их желаемый официальными организационно-административными структурами характер был четко определен, в частности, в докладе академика С.Л. Тихвинского на состоявшемся 11 марта 1985 г. годичном собрании Отделения истории Академии

наук СССР. Оценивая перспективы и значение историографических дискуссий, он отмечал: «Бюро Отделения рассмотрело вопрос о состоянии, развитии и совершенствовании научных дискуссий. Интересы советской науки требуют выработки согласованных точек зрения по ряду важнейших научных проблем. В этой связи очевидна положительная сторона дискуссий. Они могут проходить на конференциях, симпозиумах, за “круглыми столами”, на ученых советах, на страницах журналов. Такие дискуссии должны быть плодотворными, не возвращать нас к проблемам, уже решенным наукой, а способствовать выработке научно обоснованных и идеологически выверенных взглядов по спорным вопросам»¹.

Представленная в данном докладе рекомендация определять тематику историографических дискуссий с учетом наличия готовых решений определенных проблем относилась, прежде всего, к тем историческим периодам, которые признавались наиболее важными с точки зрения усвоения обществом научных и одновременно идеологических знаний. Одним из таких периодов, безусловно, являлся период Первой мировой войны. После обусловленного стремлением выйти за рамки догматических положений сталинского периода создания под председательством А.Л. Сидорова научного совета по комплексной проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» данный период стал рассматриваться как своего рода интродукция к революционным событиям 1917 г. Поскольку сами события войны обычно рассматривались во второстепенном ключе, основное внимание исследователей уделялось вопросам экономического и политического развития страны, начиная с конца 1890-х гг. и заканчивая несколькими месяцами деятельности Временного правительства. В частности, особое внимание уделялось изучению вопросов отношений между правящими политическими структурами, а также представлявшими их руководителями, и созданными крупными промышленными предприятиями, обеспечивавшими основной хозяйственный потенциал страны в индустриальной сфере. В результате сложилась концепция того, что в итоге этих отношений сформированный на основе политической системы «военно-феодальный империализм» объединился с практикой развития монополистического капитализма, что во многом определило специфику развития России накануне и в период Первой мировой войны в той его части, которая предшествовала событиям октября 1917 г. Данная концепция была впервые представлена в первой половине 1960-х гг.² и затем за счет фактографической и источниковедческой детализации господствовала до самого конца существования советской исторической науки³.

Одним из наиболее значительных достижений постсоветской историографии российской истории стало творческое восприятие современных подходов к практике исследований в сфере социальных и гуманитарных наук. В лучших по качеству историографических источниках фундаментальная информационная и методическая база вошла в сочетание с методологическими достижениями XX в., что привело к появлению значительных исследований как широкомасштабных⁴, так и более компактных⁵ по хронологическому и проблемно-тематическому охвату исторических периодов. Данная тенденция оказалась особенно ощутимой применительно к периоду начала XX в., в отношении которого в советской историографии практически все выявленные профессиональными историками фактические данные были встроены в жесткие теоретические рамки.

В 2014 г. позитивные методологические сдвиги в развитии исторических исследований ярко проявились применительно к изучению и осмыслению событий Первой мировой войны, а также их социального, экономического и политического контекста. Их можно было выявить в различных по жанру научных публикациях – монографиях, научно-справочных изданиях, статьях (в частности, опубликованных в журнале РГГУ «Новый исторический вестник»⁶), материалах историографических дискуссий. Одной из заметных, представляющих большой интерес публикаций стали изданные тем же «Новым историческим вестником» материалы Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война»⁷.

Первой значимой чертой данного историографического источника является то, что представленное в нем обсуждение основывалось на учете и использовании методологических подходов и концепций, ранее редко применявшихся для изучения событий Первой мировой войны и сопутствовавших им социальных и экономических факторов. Подчеркнув обоснованность многих, неоднократно использовавшихся в отечественной историографии положений очерка В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма»⁸, организаторы круглого стола предложили рассмотреть когнитивные возможности цивилизационного подхода для обсуждения избранной тематики. Для обоснования его применения было, в частности, отмечено, что данный подход получил активное развитие именно в последние четыре десятилетия, предшествовавшие началу Первой мировой войны, когда философы и историки ощущали фундаментальные сдвиги в развитии европейского политического пространства. Особенно четко данная тенденция прослеживалась в работах О. Шпенглера, который внес

определяющий вклад в раскрытие и применение цивилизационного подхода, прежде всего в сфере выявления и характеристики культурно-исторической типологии различных народов.

Формулируя в соответствии с положениями данного подхода комплекс проблем для обсуждения на круглом столе, один из его организаторов С.Ю. Разин, в частности, подчеркнул: «В этом контексте следует обратить внимание на то, что Первая мировая война – это противоборство империй двух разных типов: индустриальных, колониальных, морских империй и традиционалистских, идеократических, континентальных империй. Первая мировая война – это глобальное столкновение Модерна и Традиции, Мирового Города и Мировой Деревни, которое завершилось победой Модерна ... и кризисом Модерна, поражением Традиции, ускоренными модернизациями в странах не-Запада с одновременной ретрадиционализацией. Первая мировая – это событие, которое привело к крушению прогрессистских иллюзий, характерных для европейской интеллектуальной элиты Нового времени»⁹.

Из историографических концепций, которые достаточно редко использовались применительно к изучению событий российской истории начала XX в. и многим другим историческим явлениям, в рамках круглого стола примечательным стало обращение к концепции «земли и власти». Созданная еще в первой половине XVIII в. В.Н. Татищевым для концептуального анализа обстоятельств происхождения и начального развития древнерусского государства, она позволяет проследить факторы формирования отношения крестьян к проявляющимся интересам и осуществляемым действиям политической элиты государства. В частности, в середине 1990-х гг. данную концепцию с большим практическим эффектом применил И.Я. Фроянов в своей монографии¹⁰, посвященной предпосылкам, сущности и последствиям революционных событий октября 1917 г. Он, в отличие практически от всех участников историографических дискуссий 1990 – первой половины 2010-х гг., давал негативную оценку мероприятиям столыпинской аграрной реформы по разрушению общинного устройства аграрной системы России, полагая, что они ликвидировали стабильность «крестьянского мира».

Участник круглого стола В.В. Безгин, исходя из противоположной оценки значения и степени изначальной прогрессивности аграрных преобразований П.А. Столыпина, подчеркнул, что именно сохранение общины привело в годы Первой мировой войны к победе интересов «земли» над интересами «власти», предопределив неудачное для России окончание военных действий. Обосновывая свою точку зрения, он, в частности, говорил о том, что «в условиях

слабости центральной власти и фактического безвластия на местах община взяла инициативу в свои руки, приступив к осуществлению вековой крестьянской утопии – ликвидации помещичьего землевладения. Масса крестьян – дезертиров, хлынувшая в родные села, боясь опоздать к разделу вожделенной земли, придала радикализм этому процессу... Думаю, что в этот период итог войны был уже предрешен. “Власть земли” для крестьянина оказалась ближе и сильнее, чем геополитические интересы страны»¹¹.

Среди магистральных и весьма актуальных для современных историографических дискуссий, посвященных различным периодам российской истории, тем и одной из наиболее важных на круглом столе стала тема распространения патриотических настроений в среде российского крестьянства и в целом населения страны в период Первой мировой войны. Обсуждение данной темы приобрело комплексный характер, прямо или косвенно коснувшись вопросов организации крестьянского хозяйства и нараставших по ходу движения к последующим революционным событиям земельных переделов, практики дезертирства со стороны крестьян, отношения солдат крестьянского происхождения к военному делу. В ходе дискуссии был использован широкий круг статистических источников, что особенно проявилось применительно к поволжским и заволжским губерниям, а также приводились данные из источников личного происхождения (преимущественно писем солдат с фронта). Содержание докладов, сделанных участниками круглого стола, свелось в целом к тому, что солдаты-крестьяне постоянно размышляли о состоянии хозяйства и экономическом положении своих семей, вследствие чего патриотическое отношение к участию в военных действиях существенно сузилось по мере движения к осени 1917 г.

При этом большинство участников круглого стола согласилось с неоднократно обосновывавшимся ранее в отечественной и зарубежной историографии тезисом о том, что немалую роль в нарастании критического отношения представителей крестьянства к органам государственной власти сыграли ошибки представителей политического руководства страны. Среди них исследователи в частности, отмечали сохранение во многих регионах малоземелья для большей части крестьян и достаточно крупных поместных владений, нерешительность и непоследовательность деятельности Временного правительства, незавершенность начатых под влиянием первой российской революции аграрных преобразований.

Достаточно оригинальный, с точки зрения предшествующей историографической традиции, «ошибочный» аспект в государ-

ственной политике выявил в своем выступлении И.А. Анфертьев, уделивший особое внимание вопросам комплектования армии. Сравнивая политику российского и противостоявшего ему германского руководства в данной области, он пришел к следующему наблюдению: «Наш главный противник – Германия – у себя тут же отменила все льготы и отсрочки по призыву, мобилизационный ресурс начал незамедлительно пополняться свежими силами, как молодыми, так и среднего возраста мужчинами, что позволяло в перспективе компенсировать фронтовые потери. А Россия... упустила в этом отношении свой шанс: в военное время льготы продолжали существовать на законодательном уровне как и раньше, в мирный период»¹².

Достаточно обстоятельным в рамках круглого стола оказалось обсуждение вопроса о специфике сознания и мировоззрения («сверхсознания») крестьян в условиях Первой мировой войны. Следует подчеркнуть, что в течение длительного времени в мировой историографии анализ психологических факторов исторического процесса имел достаточно умозрительный характер, основываясь преимущественно на гипотезах и в гораздо меньшей степени на материале документальных источников. Наибольших успехов в данной сфере научных исследований добились авторы, обращавшиеся к изучению средневекового периода, поскольку его культурные особенности задавали мышлению достаточно жестко очерченную и подчас даже канонизированную систему координат. Поэтому, как хорошо известно, особенно подробно в литературе по проблемам социальной психологии и культурной антропологии выявлены и проанализированы интеллектуальные характеристики традиционного общества с их провиденциализмом и патриархальностью.

Участники рассматриваемой дискуссии, поставив в ее ходе ряд теоретических проблем (например, соотношение границ массового и крестьянского сознания), пришли в целом к однозначному выводу о том, что события Первой мировой войны вызвали очевидные дестабилизирующие сдвиги в представлениях крестьян об окружающей их исторической действительности. Характеризуя их содержание, А.В. Гордон пришел к выводу о том, что в условиях военных действий «в крестьянском сознании происходят какие-то потрясающие сдвиги, в результате которых крестьянину сложно вернуться к житейской обыденности... Это сознание цикличное, сознание, которое связано с обращением к устоявшемуся порядку вещей, которое исходит свыше и снизу, от земли и т. д. Если крестьянин становится революционером, то ему назад дороги нет»¹³.

Одним из заметных деструктивных процессов в трансформации сознания и поведения крестьян, произошедших под влиянием событий Первой мировой войны и продолжавшегося в ее условиях решения земельного вопроса, участники круглого стола называли складывавшиеся между деревенскими жителями социально-психологические противоречия. При этом речь шла не только об известных и неоднократно акцентированных в советской историографии тенденциях и проявлениях социального расслоения, но также о конфликтах между жителями разных деревень; между возвращавшимися в родные места участниками военных действий и теми крестьянами, которые участвовали до их возвращения в разделе земли. Тем самым участниками дискуссии прослеживалась четкая связь между тенденциями развития крестьянства в последние дореволюционные и первые послереволюционные годы, а исходя из наличия такой связи, отмечалось очевидное различие между объединением крестьян в условиях Отечественной войны 1812 г. и их разьединением в условиях Первой мировой войны. Данное различие, прослеживающееся на конкретном фактическом материале, является очевидным опровержением тезиса о генетической «соборности» и единении крестьян вокруг общих ценностей даже в рамках внешней социальной напряженности. В частности, об этом говорил в своем выступлении В.В. Шелохаев, сделавший применительно к данной проблеме следующий вывод: «В историографии продолжает существовать мнение, что Первая мировая война якобы способствовала возврату крестьянства к традиционным ценностям. Мне кажется, что это явное преувеличение, ибо возвратных элементов к исходной довоенной точке быть не может. Война явилась, на мой взгляд, переломным рубежом в массовом сознании всех без исключения социальных страт, включая и российское крестьянство»¹⁴.

Таким образом, материалы круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война», организованного Российским обществом историков-архивистов при участии ИГУМОиИТ, РГГУ и журнала «Новый исторический вестник» в рамках реализуемого с 2009 г. научного проекта «Народ и власть. История России и ее фальсификации»¹⁵, свидетельствуют о возможности применения к изучению актуальных научных проблем междисциплинарных исследовательских подходов. Также значительный и позитивный эффект дает сочетание обобщающих размышлений с конкретными фактическими данными, которые могут быть почерпнуты исследователями из документальных собраний региональных архивов. Именно благодаря такому синтезу преодолеваются концептуаль-

ная заданность и чрезмерная абстрактность историографических дискуссий, которые способны увести от выдвижения значимых и обоснованных выводов.

Примечания

- 1 *Тихвинский С.Л.* Итоги и перспективы исследований советских историков // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 12.
- 2 Об особенностях империализма в России: Сб. статей. М., 1963.
- 3 *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений: К изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1988.
- 4 *Миронов Б.Н.* Социальная история России: XVIII – начало XX в.: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2.
- 5 *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2005.
- 6 *Астахов А.Б.* Братания на Русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. № 2 (28). С. 29–41; *Агапов В.Л.* «В союзе с передовыми нациями»: начало мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1914–1915 гг.) // Там же. 2012. № 1 (31). С. 33–47; *Он же.* «Болезненно нужен внутренний мир»: второй год мировой войны в либеральном зеркале «Вестника Европы» (1915–1916 гг.) // Там же. № 2 (32). С. 20–36; *Астахов А.Б.* Членовредительство и симуляция болезней в русской армии во время Первой мировой войны // Там же. № 4 (34). С. 6–18; *Сенин А.С.* Генерал С.А. Ронжин и его очерк о российских железных дорогах в Первую мировую войну // Там же. 2013. № 4 (38). С. 99–123.
- 7 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89.
- 8 *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма: Популярный очерк // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1969. Т. 27. С. 299–426.
- 9 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Указ. соч. С. 13–14.
- 10 *Фроянов И.Я.* Октябрь семнадцатого: Глядя из настоящего. СПб., 1997.
- 11 *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Указ. соч. С. 59.
- 12 Там же. С. 65–66.
- 13 Там же. С. 18–19.
- 14 Там же. С. 87.
- 15 *Ревин И.А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2 (36). С. 56–66.

А.Ф. Лукшин

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ
ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА
ИСТОРИКОМ Г.З. ИОФФЕ
И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТОВ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ИНТЕРНЕТА

В статье рассматриваются результаты изучения известным отечественным историком Г.З. Иоффе военной и политической деятельности генерала Л.Г. Корнилова в 1917–1918 гг. Основное внимание уделяется эволюции оценок, которые Г.З. Иоффе давал личности Л.Г. Корнилова в трех своих монографиях, изданных в конце 1970-х – середине 1990-х гг. Кроме того, показывается, как результаты исследовательской работы Г.З. Иоффе отражены в историческом пространстве Интернета в наши дни.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, Л.Г. Корнилов, Г.З. Иоффе, историография, Интернет, электронные ресурсы, электронная библиотека.

В современных условиях бурного развития Интернета одним из направлений этого развития стало наполнение его историческими материалами. Во-первых, растет число сайтов, специализирующихся на исторической тематике, поскольку интерес к историческому прошлому не ослабевает. Во-вторых, растет число электронных библиотек, размещающих различную литературу по отечественной и всемирной истории, а также предлагающих «скачать» ее электронный текст. В-третьих, все более разнообразными становятся материалы исторического содержания, среди которых преобладают тексты научных монографий и статей в научных журналах, научно-популярные статьи и интервью, опубликованные как в печатных, так и в электронных изданиях, биографические и другие статьи, размещенные в энциклопедических и справочных электронных ресурсах, документальные и художественные фильмы и т. д.

Одной из самых популярных и широко представленных тем исторической части русскоязычной «зоны» Интернета является Гражданская война в России, установление большевистской диктатуры и антибольшевистское сопротивление, прежде всего Белое движение. Из всего комплекса материалов по истории Белого движения в России в 1917–1922 гг. выделяются биографические материалы, прежде всего жизнеописания военных и политических вождей Белого движения.

В настоящей статье рассматриваются результаты изучения известным отечественным историком Г.З. Иоффе личности и военно-политической деятельности первого командующего Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова в 1917–1918 гг., а также анализируется отражение в Интернете результатов этой научной работы.

До выхода первой работы Г.З. Иоффе о монархической части антибольшевистского лагеря накануне и в годы Гражданской войны, в 1950–1970-е гг., по сталинской историографической традиции 1930-х гг. Белое движение, т. е. военные диктатуры белых генералов и их армии на разных окраинах России, рисовались исключительно черными красками как антинародная сила, закономерно обреченная на военное, политическое и идеологическое поражение в борьбе с Советским государством. Одновременно вожди белых характеризовались исключительно как люди реакционных убеждений, стремившиеся восстановить в России монархию. При этом их судьбы не изучались, их личности никак не раскрывались¹.

Первая книга Г.З. Иоффе, в которой он осветил место и роль генерала Л.Г. Корнилова в Белом движении, была выпущена в свет издательством «Наука» в 1977 г.² И она же стала, по сути, переломом в исследовании антибольшевистского лагеря: с конца 1970-х гг. изучение Белого движения стало более конкретным и многосторонним, при освещении деятельности белых вождей начался отказ от политических ярлыков. Это было предопределено нарастанием кризиса советского общества в «брежневскую эпоху» и необходимостью «разоблачать» взгляды западных историков, изучавших Гражданскую войну в России. При этом советские историки вынужденно оставались на позициях марксистско-ленинской идеологии, а потому по-прежнему исходили из идеи «обреченности» Белого движения на поражение³.

В своей книге Г.З. Иоффе сосредоточился на деятельности боровшихся с большевиками политических партий, начиная с Февральской революции 1917 г. и заканчивая эмигрантским периодом их существования. Деятельность Л.Г. Корнилова, как и все Белое движение, он рассматривал исключительно в рамках «буржуазно-

помещицкой контрреволюции»⁴. Так, анализируя события Корниловского мятежа, он оценивал его как воплощение кадетско-монархической идеи контрреволюционной военной диктатуры. Но все же он признал, что в «корниловщине» участвовали не только монархисты и черносотенцы, но и сторонники демократического переустройства России, что она не являлась исключительно монархическим заговором. А при анализе создания и идеологии Добровольческой армии он заключил, что она создавалась Л.Г. Корниловым и другими генералами с целью реставрации в России монархии, хотя при этом они стремились привлечь в армию демократические элементы лозунгом Учредительного собрания. Главное, однако, состоит в том, что, описывая деятельность Л.Г. Корнилова, Г.З. Иоффе не только анализирует его партийно-политические взгляды, но и впервые касается, хотя и всего несколькими словами, его личных качеств (двуличность, жестокость, властность, стремление к узурпаторству), считая это важным для понимания его роли в Белом движении⁵.

Спустя 12 лет в том же издательстве «Наука» вышла книга Г.З. Иоффе ««Белое дело»: Генерал Корнилов»⁶. Уже известный и авторитетный историк, он написал эту книгу в период горбачевской «перестройки», и она отразила перемену в его подходах к изучению Белого движения. Во-первых, она написана в научно-популярном ключе, чтобы сделать ее интересной и доступной для массового читателя. Во-вторых, он поставил в центр исследования самого генерала Л.Г. Корнилова как первого вождя Белого движения. В-третьих, он составил название книги из ключевого понятия «Белое дело» (правда, взяв его в кавычки) и фамилии главного исторического персонажа книги, чего прежде советские историки не могли себе позволить.

Г.З. Иоффе высказал мнение, что идеологическое оформление Белого движения было определено взглядами и деятельностью именно генерала Л.Г. Корнилова. И при их изучении он на первое место теперь поставил не «реставрацию монархии», а патриотизм, противостоящий интернационализму большевиков. Хотя историк по-прежнему считал, что Белое движение было обречено на поражение, он пришел к выводу, что уже в августе 1917 г. возникло национальное, патриотическое движение во главе с Л.Г. Корниловым. В основе этого движения лежала готовность любой ценой не допустить разрушения России и ее армии большевиками, стремившимися превратить Россию в «костер», из «искр» которого возгорится «пожар мировой революции»⁷.

Такой подход закономерно повысил интерес и внимание Г.З. Иоффе к личности и судьбе Л.Г. Корнилова, а также привел его к глубокому изучению не только политических взглядов генерала,

но и черт характера, эмоционального состояния и т. д. При этом Г.З. Иоффе отметил, что всякое историческое описание несет на себе печать эмоций и своеобразия мыслей историка, что время меняет отношение к прошлому, поскольку в описаниях, приближенных к событиям, больше эмоционального, а в описаниях, от которых события удалены, преобладает мысль. По его мнению, это означает, что дистанция времени позволяет с более глубоким пониманием подойти к «предмету познания»⁸. Тем самым он подвел обоснование под некоторый пересмотр своих оценок Л.Г. Корнилова.

Г.З. Иоффе отверг сложившееся к тому времени мнение о полной некомпетентности Л.Г. Корнилова как политика и дипломата. Он указал на образованность Л.Г. Корнилова, наличие у него печатных трудов, владение восточными языками, особо отметив как его мужество, проявленное при побеге из австрийского плена, так и то, что этот «склонный к “зарывчатости” генерал, когда требовали его интересы, умел сочетать напористость с готовностью на компромисс и даже с податливостью». А в революционном 1917 г. «он был болен, его нервы расшатаны»⁹.

В этой второй книге Г.З. Иоффе об антибольшевистском лагере, как и в предыдущей, преобладает описание партийно-политической борьбы в 1917–1918 гг. Но когда по ходу изложения историк переходил к анализу деятельности Л.Г. Корнилова и ее результатов, он более детально рассматривал поворотные события в его жизни на основе многочисленных свидетельств его современников. При этом историк постоянно стремился дать глубокую личностную характеристику генерала, проследить воздействие на принимаемые им решения не только его политических взглядов, но и его эмоционального состояния. В итоге Г.З. Иоффе смог создать относительно объективный и всесторонний портрет Л.Г. Корнилова как человека, военного и политика.

Наконец, в 1995 г. то же издательство «Наука» выпустило третью книгу Г.З. Иоффе на ту же тему, что две предыдущие, – «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов»¹⁰. Эта третья книга в основном повторяет текст второй, однако структура изменена таким образом, чтобы изложение событий от февраля 1917 г. до весны 1918 г. шло через описание деятельности и характеристику личностей В.И. Ленина, А.Ф. Керенского и Л.Г. Корнилова – вождей трех основных противоборствующих сил в России. Такой подход позволил историку еще глубже проникнуть в судьбу и сложную личность Л.Г. Корнилова. В частности, Г.З. Иоффе более подробно, чем в прежних двух книгах, рассмотрел события, связанные с назначением Л.Г. Корнилова на пост верховного главнокомандующего русской армией¹¹.

Третья книга Г.З. Иоффе вышла тогда, когда историческая наука освободилась от оков коммунистической идеологии, история Белого движения и судьбы его вождей стали одной из самых популярных исторических тем, вызывая очень большой интерес у массового читателя. Воспоминания участников Белого движения издавались и переиздавались большими тиражами, работы по истории Белого движения, написанные самыми различными авторами и выражавшие различные точки зрения, выходили одна за другой. Тогда же началось историографическое осмысление этого поворота в изучении Белого движения.

Историки Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков и В.Ю. Чураков в своей книге «Белое дело: идеология, основы, режимы власти», опубликованной в 1998 г., высоко оценили появившийся в исторических трудах плюрализм мнений и оценок Белого движения и его вождей. Однако они сочли слабостью российской исторической литературы использование старых советских идеологических догм, которые были порождены большевиками во времена Гражданской войны¹². Эта критика была направлена и против книг Г.З. Иоффе.

Оценив попытку Г.З. Иоффе в книге «“Белое дело”: Генерал Корнилов» проследить зарождение идеологии Белого движения как «интересную и плодотворную», они упрекнули его в том, что он «отказывает идеологической платформе Белого движения в праве на успех», причем причиной такого подхода они назвали «партийную позицию автора»¹³. По поводу книги Г.З. Иоффе «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» они высказались в том смысле, что в ней историк «по существу повторил основные положения своей предыдущей работы»¹⁴. Наконец, в заключение они отнесли Г.З. Иоффе к группе авторов, создавших «научные биографии и концепции личности лидеров Белого дела»¹⁵. При этом Г.А. Бордюгов, А.И. Ушаков и В.Ю. Чураков даже не попытались охарактеризовать и оценить, как и с каким результатом Г.З. Иоффе раскрыл личность генерала Л.Г. Корнилова.

Между тем в 1990-е гг. в российской историографии Гражданской войны и Белого движения, одновременно с ликвидацией «белых пятен», с раскрытием отрицательных сторон большевизма и дегероизацией Красной армии, развилась тенденция героизации Белого движения и непомерного возвеличивания его вождей¹⁶.

Г.З. Иоффе высказался по этому поводу в рецензии на первое издание очерков С.В. Карпенко о Белом движении на юге России, вышедшее в 2002 г.¹⁷ (журнальный вариант включенного в книгу очерка о создании Добровольческой армии, участии в этом генерала Л.Г. Корнилова и его гибели был опубликован двумя годами ранее¹⁸):

Начиная примерно с 30-х гг., «национализированная», государственная советская историография игнорировала изучение истории Белого движения. В лучшем случае оно представлялось неким тусклым фоном, на котором героизировалась история «красных». Когда грянула горбачевская перестройка, а за ней начались ельцинские «реформы», историческая мысль совершила крутой поворот. Началась энергичная ликвидация так называемых белых пятен, а Белое движение было одним из них. В целом этот поворот был неизбежным. Однако помимо стремления к познанию эпохи Гражданской войны, в него (особенно на первых порах) вмещались эмоции отвержения от идеологического давления недавнего прошлого и эйфория от неожиданной интеллектуальной свободы. В результате произошло не восстановление историографического «баланса», а новое его нарушение, только, если так можно сказать, с обратным знаком. Теперь (прежде всего в «массовой», популярной исторической литературе) уже «красные» либо вообще стали исчезать из поля «исторического зрения», либо превращались в маловыразительный фон, на котором героизировалось Белое движение.

Происходившее являлось, конечно, болезнью роста, болезнью перемен¹⁹.

Эта «болезнь роста» проявилась и в том, что исследователи 2000-х гг., изображая Л.Г. Корнилова как «белого рыцаря», не смогли проникнуть в его эмоциональное состояние и душевный мир столь глубоко, как это до них сумел сделать Г.З. Иоффе²⁰. Отчасти это характерно и для самой полной на сегодняшний день биографии генерала – опубликованной в серии ЖЗЛ книги А.И. Ушакова и В.П. Федюка «Корнилов», которая представляет собой очень подробное и взвешенное рассмотрение судьбы генерала Л.Г. Корнилова и событий, в которых он участвовал, но не его личности²¹.

В результате книги Г.З. Иоффе о Л.Г. Корнилове в наше время, несмотря на «партийную позицию автора», остаются наиболее популярными среди интересующихся историей революции и Гражданской войны в России, что отражено в Интернете.

Монография «Крах российской монархической контрреволюции» представлена в Интернете очень скромно. На нескольких сайтах, справочных и помогающих студентам в написании курсовых и дипломных работ, размещена «библиографическая карточка», которая содержит библиографическое описание книги, чтобы облегчить поиск ее текста в Интернете (в формате PDF, HTML, Word и других) или в библиотеке. Также ее библиографическое описание размещено в электронных каталогах различных библио-

тек. Наконец, прочитать или «скачать» текст книги предлагают три электронные библиотеки («читалки»).

Гораздо шире представлена в Интернете книга «“Белое дело”: Генерал Корнилов». Помимо размещения ее библиографического описания примерно в десяти электронных каталогах различных библиотек и на сайтах, предлагающих помощь студентам, текст книги предлагают прочитать или скачать (бесплатно или за деньги) более 60-ти электронных библиотек.

Наконец, книгу «Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов» предлагают скачать более десяти электронных библиотек. А сайт о всемирной истории и истории России (www.istmira.com) разместил текст книги целиком в формате HTML.

При этом нам не удалось обнаружить на сайтах каких-либо рецензий на книги Г.З. Иоффе о Л.Г. Корнилове или обсуждений этих книг.

В то же время рецензии самого Г.З. Иоффе на различные издания по истории Белого движения и антибольшевистской эмиграции, опубликованные в России и США за последнее десятилетие, размещены как на сайтах тех журналов, где они были напечатаны, так и на различных исторических и библиотечных сайтах. В одной из них, написанной в 2004 г. на книгу В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта «Дроздовцы после Галлиполи», он фактически раскрыл суть своего нынешнего исследовательского подхода к изучению личности вождей всех военно-политических сил, боровшихся друг с другом в России в 1917–1922 гг.: «Историк Гражданской войны, будь он исследователь или романист, не должен склоняться к идеализации или, напротив, очернению той или иной противоборствующей стороны»²².

Таким образом, в наши дни результаты исследования личности генерала Л.Г. Корнилова историком Г.З. Иоффе отражены в Интернете сразу по трем направлениям использования Интернета в исторической науке и историческом образовании²³. Во-первых, в рамках информационно-справочного направления. Во-вторых, в рамках электронно-библиотечного направления, когда размещение научного текста на сайте является его электронной публикацией (в случае с книгами Г.З. Иоффе речь идет, по сути, об их «переиздании» в электронном виде). Наконец, в-третьих, в рамках электронной книготорговли, когда электронная версия книги предлагается на сайте электронной библиотеки к продаже.

Судя по историческому пространству Интернета, книги Г.З. Иоффе, в которых он исследовал деятельность генерала Л.Г. Корнилова, до сих пор остаются одними из самых популярных среди российских читателей. На наш взгляд, произошло это благодаря как популярно-

сти этого вождя Белого движения среди интересующихся историей Гражданской войны, так и особенно благодаря глубокому раскрытию известным историком личностных качеств Л.Г. Корнилова.

Примечания

- 1 *Карпенко С.В.* Крах последнего белого диктатора. М., 1990. С. 4; *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008. С. 28–50.
- 2 *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
- 3 *Карпенко С.В.* Проблема экономического и политического краха белогвардейских режимов в советской историографии. М., 1986. С. 193–194; *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* Указ. соч. С. 55–57.
- 4 *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* Указ. соч. С. 57.
- 5 *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. С. 80–92, 216–222.
- 6 *Иоффе Г.З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. М., 1989.
- 7 *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* Указ. соч. С. 69–70.
- 8 *Иоффе Г.З.* «Белое дело»: Генерал Корнилов. С. 5.
- 9 Там же. С. 7–10.
- 10 *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
- 11 Там же. С. 98–106.
- 12 *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* Указ. соч. С. 79–80.
- 13 *Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю.* Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998. С. 207–209.
- 14 Там же. С. 232.
- 15 Там же. С. 273.
- 16 *Карпенко С.В.* Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 5; *Гришанин П.И., Зимина В.Д.* Указ. соч. С. 130–132.
- 17 *Карпенко С.В.* Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2002.
- 18 *Карпенко С.В.* Бесприютная армия // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С. 168–242.
- 19 *Иоффе Г.З.* [Рец.] Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2002 // Новый журнал (Нью-Йорк). 2003. № 233. С. 291.
- 20 *Комаровский Е.А.* Генерал-от-инфантерии Л.Г. Корнилов // Исторические портреты: Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, П.Н. Врангель... М., 2003. С. 13–58.
- 21 *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Корнилов. М., 2006.
- 22 *Иоффе Г.З.* [Рец.] Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Дроздовцы после Галлиполи. М., 2002 // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 234.
- 23 *Афанасьева Л.П.* Интернет для историка: мусорная корзина или кладезь мудрости? // Там же. 2003. № 1 (9). С. 4–8.

Abstracts

N. Bannikova

CORRESPONDENT GEORGE DOBSON (1854–1938): LIFE AND WORK IN RUSSIA

The article represents the biography of George Dobson, one of the first correspondents of The Times newspaper in Russia. His life reconstructed with the use of material from different sources, mainly foreign ones. The example of his biography helps to trace the complexity and instability of the British-Russian relations, twists and turns of the British policy towards the Russian Empire, Provisional government and Bolsheviks at the end of XIX and the beginning of XX centuries.

Key words: Russian Empire, Great Britain, Central Asia, geopolitics, The Times newspaper, journalism, St. Petersburg, London, rail transport, Provisional government, Bolsheviks, Lockhart conspiracy.

A. Eremin

INFORMATIONAL RESOURCES OF THE DOCUMENTATION OF RUSSIAN CLASSICAL GYMNASIUM FOR THE STUDY OF SOCIAL HISTORY (END OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)

This article discusses methods of the binding and usage of historical and anthropological information appearing in the materials of archival funds of classical gymnasiums. It is concluded that in the preparation and existence of gymnasiums documents the information connections passed through their conversion and deformation, what requires some-study for its decoding.

Key words: Orel Boys' Gymnasium, classical education, records management, social history, source-study, new local history, historical and anthropological information, historical and cultural context.

V. Korovin

INVOLVEMENT OF THE POLITICAL BODIES
OF THE WORKERS' AND PEASANTS' RED ARMY
IN THE ORGANIZING THE GUERILLA MOVEMENT
AT THE OCCUPIED TERRITORY OF THE CENTRAL
CHERNOZEM REGION (1941–1942)

This article considers involvement of the political bodies of the Workers' and Peasants' Red Army in organizing of the guerilla struggle in the Central Chernozem Region in 1941–1942. For the first time in the Russian historiography the activity of the political bodies of the Workers' and Peasants' Red Army in organizing guerilla struggle is considered on the basis of the documents from the Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation first presented to the scientists. Special attention is paid to the participation of the political bodies of the fronts and armies in forming guerilla brigades and to the coordination of their activity at the territory of Central Chernozem Region occupied by troops of Nazi Germany in 1941–1942. It has been concluded that the contribution of the army political bodies to the organizing the Resistance was limited to the assistance to partisans in crossing the front line and spreading agitating material at the occupied territories.

Key words: Great Patriotic War, Workers' and Peasants' Red Army, political bodies of the Workers' and Peasants' Red Army, guerilla movement, Central Chernozem Region (Black earth belt of Russia)

S. Kosterin

WARSAW PROVISIONAL COMMITTEE ON FIGHTING
THE FAMINE IN RUSSIA (1921–1922)

An activity in Poland of the Warsaw Provisional Committee on fighting the famine in Russia is highlighted on the basis of documents from the former Prague archives. The main attention is paid to the plans and actions of the Committee to aid the starving people. It is concluded that, despite the desire to better the lot of hunger bitten compatriots in Russia, the Committee could not provide an actual assistance due to lack of relevant organizational and material capabilities.

Key words: Russian emigration, Poland, Warsaw, public organization, famine, epidemic, famine relief.

N. Kotlyar

FROM THE HISTORY OF PUBLIC PHILANTHROPY
AT THE RUSSIAN FAR EAST (END OF XIX –
BEGINNING OF XX CENTURIES)

The article is based on documents of public organizations which are stored in the Russian State Historical Archive of the Far East. The article analyzes the charitable activities of medical, fire and other public organizations. The main attention is paid to their participation in the decision of economic, social and cultural problems of the region. It is concluded that their charity work was supported by the Governor's power for more successful solutions to the most pressing issues of development of the Russian Far East.

Key words: public organization, charity, health, education, landscaping, Russian Far East.

G. Kurenkov

MILITARY AND STATE SECRETS PROTECTION
IN THE INITIAL PHASE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyses the actions and interaction of the Bolshevik party and the Soviet state institutions for the protection of military and state secrets in 1941 – autumn 1942. Thanks to the measures taken a significant portion of information of military and national importance was prevented from leakage. Also, these measures helped to block the action of German intelligence in that direction.

Key words: Great Patriotic war, Central Committee of the CPSU(b), People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR, People's Commissariat of State Security of the USSR, military secret, state secret, censorship, counterintelligence.

G. Lansky

ROUND TABLE AS A HISTORICAL PHENOMENON:
RUSSIAN PEASANT AND HIS HOUSEHOLD
AT THE PERIOD OF THE WORLD WAR I

An importance of round table for the development of contemporary historical studies is considered. The international round table regarding "Russian peasantry and the First world war", held in the April of 2014,

is analysed as an example. Some special attention is paid to nowadays approaches used by many of scientists in the analysis of different aspects of the theme at issue.

Key words: World War I, Russian revolution, peasantry, peasant household, round table, historiography.

A. Lukshin

THE STUDY OF THE PERSONALITY OF GENERAL L.G. KORNILOV BY THE HISTORIAN G.Z. IOFFE AND THE REFLECTION OF THE RESULTS OF HIS RESEARCH ON THE HISTORICAL SITES OF THE INTERNET

The article is devoted to the results of studying military and political activities of General L.G. Kornilov in 1917–1918 by the well-known Russian historian G.Z. Ioffe. A special focus is made on the evolution of the assessments that G.Z. Ioffe gave to L.G. Kornilov personality in his three books published in the late 1970's – mid 1990's. It also demonstrates how G.Z. Ioffe's research work is reflected in the historical space of the Internet these days.

Key words: Russian Civil War, White Movement, Volunteer Army, L.G. Kornilov, G.Z. Ioffe, historiography, Internet, electronic resource, e-library.

I. Mamkina

FORMATION OF THE SYSTEM OF GENERAL EDUCATION IN YAKUT REGION IN XIX AND AT THE BEGINNING OF XX CENTURIES

In the article for the first time complex research of history of formation of general education system in the Yakutia region in the XIX – early XX centuries is carried out. The article is based on the previously unknown documents of the Russian state historical archive and National archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Special attention is paid to identifying the specifics of educational institutions network development in the Yakutia region, to types of educational institutions, educational system management organization.

Key words: Yakutsk region, Ministry of Public Education, Educational District, primary education, secondary education, specialized school, gymnasium, Eastern Siberia.

S. Medvedev

ANONIMOUS LETTERS TO MOSCOW POLICE INSTITUTIONS:
DENUNCIATIONS OF ANTI-GOVERNMENT ACTIVITY
AND THREATS TO THE AUTHORITIES (1903–1907)

The article analyses anonymous reports sent to Moscow Security Department and Moscow Office of the Chief of Police during 1903–1907. The focus of the author is threatening letters to the leaders of the Moscow police, the letters, revealing the revolutionaries, and the slander of the townsfolk at each other. The author comes to the conclusion about the lack of attention of the political police to anonymous reports.

Key words: Russian revolution of 1905, police, political police, Moscow Security Department, revolutionary activities, anonymous denunciation, D.F. Trepov, S.V. Zubatov.

O. Tereshina

COVERAGE OF THE RELIGIOUS LIFE
AT THE OCCUPIED TERRITORY
BY OREL NEWSPAPER “RECH” (“SPEECH”) (1941–1944)

The article analyses materials in the religious and the church themes, appeared in the collaborationist newspaper “Rech” (“Speech”), published in the Orel-city and distributed in the territory temporarily occupied by German troops during 1941–1944. The main attention is paid to the topic lines, the literary features and the propaganda’s orientation of the articles about the religious life of the population and activities of the Russian Orthodox Church during the occupation.

Key words: Great Patriotic War, occupation, Nazi occupation regime, Russian Orthodox Church, periodicals, collaborationism, anti-Semitism, Orel-city.

A. Timirgazieva

FROM THE HISTORY OF ORGANIZING
THE SCIENTIFIC-RESEARCH WORK IN THE FIELD
OF SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES IN BASHKIR
AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC (1950–1960s)

In the article the development of research in the field of social sciences and humanities in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist

Republic in 1950–1960s is considered on the basis of archival documents. The main focus is made on critical analysis of the principal problems of the organization of research work of academic staff in higher education institutions and in the institutions of the Academy of Sciences of the USSR.

Key words: Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, social sciences, humanities, science and research, higher school, Academy of Sciences of the USSR, Marxist-Leninist ideology.

E. Veresova

ARRAIGNMENT OF PEASANTS ON KEEPING AND SPREADING ILLEGAL PUBLICATIONS IN TVER PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article describes the cases and circumstances of the arraignment of peasants for the keeping and distribution of illegal antigovernment publications in Tver province in 1900–1904. It examines the motivation of accused peasants and punitive policy of authorities in relation to those, who committed such actions.

Key words: autocracy, peasantry, political moods, revolutionary movement, illegal publications, punitive policy, police, political police, administrative expulsion, police surveillance, Tver province.

Сведения об авторах

Банникова Наталья Владимировна – старший преподаватель РГГУ, nganzhara@gmail.com

Вересова Елена Александровна – аспирант Тверского государственного университета, veresova.elena@yandex.ru

Еремин Александр Иванович – кандидат исторических наук, докторант РГГУ, eremin_a62@mail.ru

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор Юго-Западного государственного университета (Курск), vlavikor@yandex.ru

Костерин Сергей Владимирович – аспирант РГГУ, kosterin-sergey2014@yandex.ru

Котляр Надежда Васильевна – кандидат исторических наук, доцент Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, galactotes@gmail.com

Куренков Геннадий Александрович – кандидат исторических наук, заместитель начальника отдела Российского государственного архива социально-политической истории, kuren62@mail.ru

Ланской Григорий Николаевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ, gri_lanskoi@list.ru

Лушкин Алексей Федорович – аспирант РГГУ, blb1@mail.ru

Мамкина Инна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент Забайкальского государственного университета (Чита), inna-mamkina@yandex.ru

Медведев Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного университета путей сообщения, speransky1809@yandex.ru

Терешина Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент филиала Российского государственного социального университета в г. Брянск, starushkja@rambler.ru

Тимиргазиева Алина Ирнисовна – кандидат исторических наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа), kliotim@yandex.ru

General data about the authors

- Bannikova Natalia V.* – senior lecturer, Russian State University for the Humanities, nganzhara@gmail.com
- Eremin Alexander I.* – Ph.D. in History, doctoral candidate, Russian State University for the Humanities, eremin_a62@mail.ru
- Korovin Vladimir V.* – Dr. in History, professor, South-Western State University (Kursk), vlavikor@yandex.ru
- Kosterin Sergey V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, kosterin-sergey2014@yandex.ru
- Kotlyar Nadezhda V.* – Ph.D. in History, associate professor, Vladivostok State University of Economics and Service, galactotes@gmail.com
- Kurenkov Gennady A.* – Ph.D. in History, deputy head of department, Russian State Archive of Social and Political History, kuren62@mail.ru
- Lanskoy Grigory N.* – Dr. in History, professor, Russian State University for the Humanities, gri_lanskoi@list.ru
- Lukshin Alexey F.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, blb1@mail.ru
- Mamkina Inna N.* – Ph.D. in History, associate professor, Zabaikalsky State University (Chita), inna-mamkina@yandex.ru
- Medvedev Sergey V.* – Ph.D. in History, senior lecturer, Moscow State University of Railway Engineering, speransky1809@yandex.ru
- Tereshina Olga V.* – Ph.D. in History, associate professor, Russian State Social University (Bryansk branch), starushkja@rambler.ru
- Timirgazieva Alina I.* – Ph.D. in History, associate professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa), kliotim@yandex.ru
- Veresova Elena A.* – postgraduate student, Tver State University, veresova.elena@yandex.ru

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 18.01.2016.

Формат 60×90¹/₁₆

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 15

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru